

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АНГЛИЙСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Сборник III

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1965

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Сборник содержит статьи, посвященные проблемам структуры словосочетания и предложения в современном английском языке и в более ранние периоды его истории, вопросам лексики и лексикографии, а также исследованиям процесса становления отдельных частей речи.

Сборник предназначен для специалистов по английской филологии — преподавателей университетов и педагогических институтов, для студентов и аспирантов английских отделений филологических факультетов, а также для специалистов по другим германским языкам.

Отв. редактор *И. П. Иванова*

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК

О ПРИНЦИПАХ АНАЛИЗА СЛОЖНОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. П. Иванова

Само понятие сложного слова предполагает определенные теоретические установки. С точки зрения дескриптивизма оно, видимо, ненужно, поскольку дескриптивисты изгнали из лингвистического анализа слово как единицу языка. С точки зрения дескриптивистов, сложное слово (как, впрочем, и производное) представляет собою последовательность морфов, а так как словосочетание — это тоже последовательность морфов, то отличие структуры производного и сложного слова, с одной стороны, и словосочетания — с другой, снимается. Тем самым, если довести до конца логическое рассуждение, уничтожается и вся проблематика, связанная со сложным словом.

Отсюда следует, что лингвисты, занимающиеся вопросами сложного слова, уже самым употреблением этого термина в известной мере определяют свою позицию. Слово рассматривается как реальная единица языка, которая может структурно совпадать с морфом или включать последовательность морфов. Тот общеизвестный факт, что в языкознании нет точной и всеобъемлющей дефиниции слова, ни в коей мере не мешает признать реальность слова. Существуют рабочие определения, достаточно четко отграничивающие слово от других единиц языка. Так, Б. Трка¹ определяет слово как наименьшую значащую единицу языка, способную к замене, перемещению и изменению непосредственного контекста в предложении с помощью других значащих, заменимых и способных к перемещению единиц. Сходное определение мы находим у В. М. Жирмунского.² Заменимость и подвижность слова, его способность быть отделен-

¹ B. Trnka. Principles of Morphological Analysis. Philologica Pragensia, Ročník IV, str. 3.

² В. М. Жирмунский. О границах слова. ВЯ, 1961, № 3.

ным от других слов изменением непосредственного контекста (*у реки, у большой реки*) — качества, существенным образом отграничивающие слово от морфемы (от морфа).

Признавая реальность слова, мы одновременно признаем и необходимость различать морфологию и синтаксис. Минуя слово, мы были бы вынуждены постулировать у морфов способность к синтаксическому функционированию. Разумеется, дело не в том, какой термин употребить. Важна суть. А суть заключается в том, что именно слово объединяет морфологический и синтаксический планы языка (или, по модной терминологии, уровни). Слово представляет собою конечную наиболее крупную структурную единицу морфологии, с одной стороны, и наиболее мелкую единицу, способную к синтаксическому функционированию, — с другой. По-видимому, действительно проще рассматривать язык как конгломерат морфов; но если в результате стремления к простоте описания, к сведению языковых закономерностей в искусственным образом математизированные формулы выбрасываются за борт реально существующие структурно-функциональные единицы, то это означает, что ребенка выбрасывают из ванны вместе с водой.

Из вышеизложенного вытекает, что поскольку слово любой структуры — мельчайшая единица синтаксиса, а словосочетание — следующая, укрупненная единица, принципиальное разграничение их представляется существенным.

Анализ сложного слова не вызывает особых затруднений в тех случаях, когда данное слово структурно не совпадает со словосочетанием (тип: *pickrocket, shake-down*). Он чрезвычайно затруднен в тех случаях, когда имеется такое совпадение, т. е. когда сложное слово оказывается структурно омонимичным словосочетанию. Речь идет, следовательно, о тех сложных словах, вторым компонентом которых является субстантивная основа, а первым — тоже субстантивная или адъективная основа.

В лингвистической литературе о сложном слове писали много. Были предложены различные критерии: 1) единство содержания³ — критерий, основанный не на структуре, а на семантике, и ни в коей мере не отграничивающий сложное слово от устойчивого словосочетания; 2) критерий ударения⁴ — очень важный фактор, но не являющийся постоянным и существенным; 3) критерий сочетаемости⁵ — также весьма удачный

³ H. Koziol. *Handbuch der englischen Wortbildung*. Heidelberg, 1937; E. Kruisinga. *A Handbook of Present-Day English*. Pt. 2. Groningen, 1939; См. также: Ch. Bally. *Linguistique générale et linguistique française*. Bern, 1944.

⁴ L. Bloomfield. *Language*. N. Y., 1933; D. Jones. *An Outline of English phonetics*. Leipzig—Berlin, § 637 ff.

⁵ L. Bloomfield, *op. cit.*, p. 232; B. Bloch a. G. Trager. *Outline of Linguistic Analysis*, p. 66.

в одних случаях и недействительный — в других; 4) критерий цельнооформленности,⁶ являющийся не критерием, а искомым в языке, где основа не имеет своего особого морфологического оформления.

Наконец, нельзя пройти мимо графического изображения отрезка, так как наряду с различными способами написания — слитным, через дефис и раздельным (appletree, apple-tree, apple tree)⁷ существуют и такие отрезки, которые пишутся только слитно (sunlight) или только раздельно (silk dress).⁸

Таким образом, единый принцип отграничения отсутствует. Предлагаемые критерии перекрещиваются между собой, хотя и не противоречат один другому.

Представляется, что при анализе сложного слова в сопоставлении его со словосочетанием следует исходить из основных структурных черт того и другого. Основной чертой словосочетания является то, что оно состоит из слов; основной чертой сложного слова является то, что оно состоит из двух или более основ. В структурном плане сложное слово противопоставлено простому.

Здесь следует напомнить о специфике структуры простого слова в английском языке. Она заключается в том, что простое слово материально совпадает с основой, а так как основа и корневая морфема (в синхронном плане) также совпадают⁹, то получается, что простое слово, основа и корневая морфема материально представлены одним и тем же звуковым отрезком. Отличие между ними чисто функциональное.

Таким образом, простая основа, являющаяся компонентом сложного слова, одновременно представляет собою и корневую морфему. Если в таких языках, как русский, основа и корневая морфема могут материально различаться, то в английском их материальное тождество позволяет рассматривать компоненты сложного слова как корневые морфемы, несущие функцию основ.

Морфема определяется А. И. Смирницким как наименьшая языковая единица, обладающая существенными признаками языка, т. е. имеющая как внешнюю (звуковую), так и внутреннюю (смысловую) сторону. Далее говорится о неделимости морфемы.¹⁰ Все это бесспорно, но дело в том, что эти же при-

⁶ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, §§ 34—36, 118.

⁷ A. M. Ball. Compounding in the English Language. N. Y., 1939.

⁸ Ср.: Э. П. Шубин. Атрибутивные имена в языке Шекспира и их генезис. Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та, т. 14, 1957, стр. 85—95.

⁹ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, § 49; В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960, стр. 98; И. П. Иванова. О морфологической характеристике слова в современном английском языке. Сб. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 204—210.

¹⁰ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, § 49.

наки — и даже неделимость применимы и к слову простого состава.

То свойство, которое отделяет морфему от слова, по-видимому, вытекает из способности слова к выделимости в качестве самостоятельно функционирующей единицы, т. е. в конечном счете его подвижности (см. выше). В то время как слово подвижно в любом контексте (кроме устойчивых сочетаний), морфема всегда неподвижна в каждом данном окружении. *Greenish* невозможно превратить в **ish-green*; *brings* — в **s-bring* или *usefulness* — в **fulness*. Морфема является только частью самостоятельно функционирующей единицы — слова и лишена самостоятельности, присущей слову.

Если принять подвижность слова и закрепленность морфемы в каждом данном окружении как характеризующие их различительные признаки, то, очевидно, именно в этом и заключается основное противопоставление слова морфеме.

В таком случае, подвижность слова и невозможность передвижения морфемы могут рассматриваться как очень важный, вероятно, основной критерий, в котором отражено их принципиальное отличие.

Разнообразие критериев, предлагаемых различными лингвистами для выявления сложного слова, не является внутренне противоречивым. В конечном счете, все они (кроме критерия единства понятия) выявляют с различных сторон черты данного отрезка как состоящего из самостоятельных слов или морфем. Основным является, видимо, анализ подвижности, закрепленности элементов; учет ударения не только не исключается, но и существенным образом помогает при таком анализе.

Само собой разумеется, что предложенные здесь соображения являются только предварительным рассуждением, намекающим основную линию исследования сложного слова.

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ Т. ХАРДИ

Л. Н. Соловьева

Одной из характерных черт языка произведений Т. Харди является использование им диалектной речи.

Местные диалекты, представленные многочисленными памятниками древне- и среднеанглийского периода, теряют базу для дальнейшего существования и развития в качестве письменных вариантов общенационального английского языка после его окончательного оформления. Как устные его варианты они продолжают существовать в различных районах современной Англии, развиваясь согласно определенным закономерностям, испытывая на себе все возрастающее влияние единой общенациональной нормы.

Особенности диалектов современного английского языка изучаются и описываются в многочисленных работах зарубежных авторов, но почти совсем не освещены в исследованиях советских англистов. Однако развитие английских диалектов в новоанглийский период, их состояние в XX в., степень их изученности — все эти вопросы заслуживают более внимательного отношения со стороны наших ученых.

Настоящая статья является продолжением исследования языка «Уэссекских романов» Т. Харди с целью выявления в нем и описания диалектических черт.¹ Харди в своих произведениях расширяет рамки литературного языка и использует диалектизмы, чтобы не нарушать общего местного колорита, который так ему свойствен. Следует отметить очень умеренное использование им диалектной лексики. Она встречается лишь в диалогах, причем весь словарь диалектизмов не превышает нескольких десятков слов. Барнс же приводит в своем Словаре дорсет-

¹ Л. Н. Соловьева. Некоторые грамматические особенности языка «Уэссекских романов» Т. Харди. Исследования по английской филологии, сб. II, Изд. ЛГУ, 1961.

ского диалекта (на котором говорят герои Харди) 1207 слов. Такое ограниченное применение вспомогательных языковых средств является необходимым условием для того, чтобы язык художественных произведений был общедоступен и не терял своей ценности. Известно мнение по этому поводу А. М. Горького, выступавшего против излишнего употребления «местных речений» в литературном произведении: «... У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои „говора“, свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».²

Диалектная речь является эффективным средством художественной характеристики образа. Харди правдиво отражает преобладание диалектных черт в речи старшего поколения крестьян, более правильный литературный язык у молодых и, разумеется, полное отсутствие диалектизмов у представителей образованных слоев населения. Интересно замечание самого автора по поводу языка его героев: «Миссис Дербейфильд обычно говорила на диалекте; ее дочь, которая кончила шестой класс Народной школы у учительницы, получившей образование в Лондоне, говорила на двух языках: дома — в определенной степени на диалекте, с чужими и с вышестоящими — на обычном английском языке» (Тэсс из рода Д'Эрбервилль).

Ниже мы приводим слова, большинство из которых стоит за пределами лексики литературного языка и отсутствует в обычных толковых и двуязычных словарях, а те, которые в них приводятся, имеют соответствующие пометы («устаревшее», «поэтическое» — в словаре Мюллера «dialectal», «colloquial», «slang» — в Кратком оксфордском словаре). В словаре диалектизмов Райта³ эти слова даются с пометами их употребления по диалектам, а также с фразовыми примерами, взятыми в основном из материалов диалектологов и частично из языка художественных произведений, причем в качестве иллюстраций словоупотреблений диалектизмов Дорсетшира часто встречаются цитаты из произведений Т. Харди.⁴

Bide гл. (др.-англ. *bidan*; ср.-англ. *biden*; новоангл. уст. *abide*) 'оставаться, ждать, быть в определенном месте':

I am bound to go with the mail-bags, so the best thing for you is to *bide* here with your load (Tess, 40).

Instead of praising'em I be mad wi'em for being so ready to *bide* where they are not wanted (B. E., 270).

² А. М. Горький. Письма начинающим писателям. Собр. соч., т. 25, стр. 135.

³ J. Wright. The English Dialect Dictionary. Oxford — London, 1895—1905.

⁴ Мы даем этимологию по словарям Райта, Барнса и Скита, однако в целом ряде случаев данные о происхождении слов отсутствуют. См.: J. Wright, op. cit.; W. A. Barnes. Grammar and Glossary of the Dorset Dialect. Trans. Philol. soc., 1864; W. W. Skeat. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1900.

Встретилось сложное слово *bide-at-homes* 'домоседы', в котором *bide* является первым компонентом:

...and there's good sound information for *bide-at-homes* like we when such a man opens his mouth (The Mayor, 50).

Chiel сущ. (др.-англ. *cild*; ср.-англ. *child*; новоангл. *child*. Диалектная форма имела иное фонетическое развитие по сравнению с литературной: гласный не подвергается дифтонгизации по сдвигу гласных, конечный *d* отпадает) 'ребенок, дитя':

«Don't, my *chiel*», whispered a buxom staylace dealer ... «yer good man don't know what he's saying» (The Mayor, 9).

I was but a *chiel* at the time (B. E., 298).

Dand сущ. (сокращенная форма от *dandy*; последнее впервые встречается на севере Англии в конце XVIII в. в значении 'франт, щеголь, изысканный человек' и получает широкое хождение в Лондоне во втором десятилетии XIX в. Ссылаясь на NED, Скит предполагает, что оно произошло из *Jack-a-dandy*, восходящего к сочетанию *Jack o'Dandy*, которое встречается с 1632 г. Очевидно, *dandy* в шотландском было одним из вариантов сокращенного имени *Andrew* 'франт, щеголь':

You will never set out to see your folks without dressing up more the *dand* than that? (Tess, 56).

Such a clever young *dand* as he! (M. C., 87).

Fain нареч., прилаг. (др.-англ. *fægen*; ср.-англ. *fayen*, *faien*, новоангл. уст. *fain*) 'охотно, с радостью, готовый что-либо сделать' (употребляется в предикативной функции):

I being a small man and poor was *fain* to say nothing at all (B. E., 296).

No, no; I *fain* would, but I can't (The Mayor, 122).

Fay гл. (др.-англ. *fegen*; ср.-англ. *fegen*, *feyen*; новоангл. *fay* 'плотно соединять, подгонять') 'иметь успех, преуспевать, процветать':

...for «*fay*» she said «*succeed*» ... (The Mayor, 45).

Fess прил. (этимология неясная) 1) 'норовистый, злой (о животных)'; 2) 'живой, деятельный, энергичный, веселый'; 3) 'гордый' (в данном примере в последнем значении):

Y'll be *fess* enough, my poppet, when th'st khow! (Tess, 27).

Folk сущ. (др.-англ. *folc*; ср.-англ. *folk*; новоангл. *folk*; в современном употреблении встречается в ограниченной сочетаемости *folk-lore*, *folk song*, *folk dance*) 'народ, люди':

O, they never look at anything that *folks* like we can understand (Jude, 45).

...scores of *folk* have been stepping down (B. E., 308).

Glane гл. (ср. швед. диал. *glæna* 'смеяться некстати') 'смотреть искоса, злобно; насмешливо улыбаться, глумиться':

'Tis well for' ee to stand there and *glane*! (Jude, 90).

How they'll squint and *glane*... (Tess, 274).

Hontish прил. (Райт предполагает, что это слово произошло из ср.-англ. *hontous*, ст.-франц. *honteus* 'скромный') 'надменный, высокомерный':

Now there's a better-looking woman than she that nobody notices at all, because she is akin to that *hontish* fellow Henchard (The Mayor, 253).

...in case you should be *hontish* with him and lose your chance... (Tess, 124).

Keacorn сущ. (также форма *keckhorn* из диалектн. *kecken* 'отрывать, откашливать' и *horn* 'рог') 'глотка, горло'.

I'd go, and 'a might call, and call, till his *keacorn* was raw... (The Mayor, 12):

Lammicken прил. (у Райта — *lammocking* от *lammock* 'лениво бродить, бездельничать'; этимология неясна) 'неуклюжий, нескладный':

He'll adorn it better than a poor *lammicken* feller like myself can (Tess, 58).

Lammiger сущ. (ср. *lame* 'хромой') 'калека, хромоногий':

What can we two *lammigers* do against such a multitude! (The Mayor, 266).

Larry сущ. (ср.: новоангл. *alarm*, ст.-франц. *alarme* 'тревога') 1) 'суматоха, шум толпы галдеж'; 2) нахлобучка, выговор':

That wer all a part of the *larry*! (Tess, 28).

...the worst *larry* for me has that pheasant business at Yalbury Wood (The Mayor, 244).

Oh, please, ma'am, 'tis this *larry* about Mr. Henchard (The Mayor, 192).

Leery прил. (др.-англ. *laere*; ср.-англ. *lere* 'пустой'), 'голодный, проголодавшийся':

I've been strolling n the Walks and churchyard, father, till I feel quite *leery* (The Mayor, 127).

...and 'a knowed that nobody would come that way for hours, and he so *leery* and tired that 'a didn't know what to do (Tess, 123).

Limber прил. (Скит связывает происхождение с новоангл. прил. *limp*). Кроме значений, приведенных в словарях Мюллера и в Кратком оксфордском словаре: 1) гибкий, мягкий, податливый, 2) проворный, в словаре Райта имеется третье значение — слабый, хрупкий, вялый, бессильный (здесь это последнее значение):

She was such a *limber* maid that 'a could stand no hardships... (M. C., 278).

Lief нар., прил. (др.-англ. *leof*; ср.-англ. *lefe*, *leef*; новоангл. уст. *lief*) 1) 'охотно'; 2) 'дорогой, любимый' (последнее не встретилось):

I know the *Psa'am*, I know the *Psa'am*! ... but I would as *lief* not sing it (The Mayor, 221).

Lirruping прич. от глагола to *lirrup* (этимология неясна)

1) 'пороть, хлестать'; 2) 'идти неуклюжей походкой, волочить ноги, тащиться'; *здесь*: 'косопалый, неуклюжий':

...it do take ... five years to turn a *lirruping* hobble-dehoy chap into a solemn preaching man ... (Jude, 33).

Mampus сущ. (этимология неясна) 'толпа, скопление народа':

No doubt a *mampus* of volk of our own rank will be down here in their carriages ... (Tess, 28).

Mind гл. В отличие от обычного употребления в повелительном наклонении в значении «помнить» здесь встречается в этом значении в изъявительном наклонении в утвердительной и вопросительной формах:

Ay, I can *mind* it, though I was but a chiel at the time (B. E., 298).

...do you *mind*, Richard, what fools we used to be? (The Mayor, 245).

Don't ye *mind*, sir, that blustrous night when ye asked me to hold the candle? (B. E., 31).

Mizzel гл. (этимология неясна) 'быстро уходить, исчезать, ускользать':

Arabella! Here's your young man courting! *Mizzel*, my girl! (Jude, 67).

She ... sprang up to her feet, and exclaiming abruptly «I must *mizzel*!» walked off quickly ... (Jude, 77).

Mommet сущ. (из ст.-франц. *mahummet*, *mahommet*; арабск. *muhammed*) 1) 'изображение, образ'; 2) 'марионетка, паяц, кривляка'; 3) 'пугало':

Had it anything to do with father's making such a *mommet* of himself in thik carriage this afternoon? (Tess, 27).

What a *mommet* of a maid! (Tess, 296).

Nitch сущ. (др.-англ. *спуссан* 'связывать, обвязывать')

1) 'охапка (сена, дров и пр.)'; 2) 'определенная мера (сена, зерна)'; 3) 'груз, бремя; хорошая порция спиртного (в выражении: to get a *nitch* 'выпить')':

Bless thy simplicity, Tess ... He's got his market-*nitch* (Tess, 21).

Nott прил. (др.-англ. *hnot* 'лысый, обритый, коротко обстриженный') 'безрогая, комолая':

Do ye know that riddle about the *nott* cows, Jonathan? Why do *nott* cows give less milk than horned? (Tess, 122).

Pate сущ. (ср.-англ. *pate* из *plate* 'макушля головы'; поздн.-латин. *platta* 'тонзура, выбритое место на макушке') 'голова, башка':

Now, then, go ahead, if you don't wish to have your cust *pate* broke! (The Mayor, 221).

Plim гл. (ср.: устар. *plump* в более раннем значении 'раздутый, распухший') 'раздуваться, увеличиваться; раздувать':

Don't that make your bosom *plim*? (Tess, 28).

... you must be a real stranger here not to know what's made all the poor folks *plim* like blowed blathers this week? (The Mayor, 28).

Poppet сущ. (ср.-англ. *popet* (te); ст.-франц., *poupette* 'кукла', латин. *пура*) 'кукла'; 'барышня, девочка' (особ. в обращении):

Y'll be fess enough, my *poppet*, when th'st know! (Tess, 27).

Rafted прич. от гл. *to raft* (этимология неясна) 'беспокоить, тревожить, раздражать':

The poor man — he felt so *rafted* after his uplifting by the pa'son's news ... (Tess, 28).

Sumple прил. (новоангл. уст. *supple*; ст.-франц. *souple*) 'податливый, мягкий, гладкий':

You should ha' seen how pretty she looked to-day; her skin is as *sumple* as a duchess's (Tess, 34).

Taties сущ. (сокр. от новоангл. *potatoes*; испан. *patata*; инд-амер. *batata*) 'картофель':

He was kind-like to mother when she wer here below, sending her the best ship-coal ... and *taties*, and such like ... (The Mayor, 315).

Teave гл. (этимология неясна) 1) 'бушевать, метаться, бросаться'; 2) 'бороться'; 3) 'трудиться, напрягать силы' (здесь последнее значение):

Why didn't ye think of doing some good for your family ...? See how I've got to *teave* and slave, and your poor weak father with his heart clogged like a dripping-pen (Tess, 94).

Twank гл. (др.-англ. *twincian*; ср.-англ. *twynklen*, *twynken*) 'вздыхать, ныть, жаловаться':

A poor *twanking* woman like her — 'tis a godsend for her ... (The Mayor, 80).

Vamp гл. (этимология неясна) 'идти пешком, бродить':

Well, *vamp* on to Marlott, will ye, and order that carriage ... (Tess, 18).

... I zeed her *vamping* round parish with the rest (Tess, 34).

Wamble гл. (этимология неясна; новоангл. уст. *wamble*)

1) 'неуверенно двигаться или делать что-л.'; 2) 'спотыкаться'; 3) 'мямлить':

...you couldn't help laughing, sir, at a poor *wambler* reading your thoughts so plain (B. E., 31).

Maybe I'm but a poor *wambling* thing, sir, and can't read much (B. E., 31).

Приведенные здесь слова далеко не исчерпывают всей лексики дорсетского диалекта. Употребление диалектизмов в тех строгих рамках, в каких это имеет место у Харди, не создает особых трудностей в понимании текста, поскольку автор дает их в контексте, из которого можно судить об их приблизительном значении. Некоторые же слова (как, например, *bide*, *fain*, *folk*,

lief) выходят за пределы дорсетского диалекта и встречаются в просторечье в различных районах Великобритании и США.

Диалектизмы в языке произведений Т. Харди являются органическим элементом изобразительных средств писателя и служат целям художественной обрисовки его героев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Tess — Tess of the D'Urbervilles. M., 1950.

Jude — Jude the Obscure. Leipzig, 1896.

B. E. — A Pair of Blue Eyes. L., 1926.

M. C. — Far from the Madding Crowd. Leipzig, 1878.

The Mayor — The Mayor of Casterbridge. N. Y., The Modern Library, 6/r.

О ДОБАВОЧНОЙ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Л. П. Ступин

Указания на предметно-логические значения, на дистрибуцию этих значений и на грамматические особенности данного заглавного слова недостаточны для того, чтобы представить в словарной статье толкового словаря современного литературного языка всю семантическую специфику и функциональные возможности этого слова. Для полноты семантико-функциональной характеристики слова в словаре необходимо еще сообщение сведений о его эмоционально-экспрессивных особенностях, о стилевой принадлежности, о хронологической отнесенности, о сфере его употребления. Подобные сведения так же, как семантическая, грамматическая и дистрибутивная характеристики слова, важны и необходимы в общем словаре.

Конечно, информация о слове, содержащаяся в словарной статье толкового словаря, должна быть возможно более компактной. В противном случае, словарь превратится из лексикографического справочника в собрание лексикологических, стилистических и др. этюдов к заглавным словам. Поэтому необходимые уточняющие сведения о содержательной стороне слова и о характере его функционирования в речи обычно даются в общих словарях в виде соответствующих кратких помет. Последние носят уточнительно-ограничительный характер, указывая на специфические ограничения, налагаемые в речевой практике употребления данного слова в целом или в одном его значении (его стилевую отнесенность, территориальную, хронологическую или терминологическую ограниченность, а также на эмоционально-экспрессивную окраску).¹

Прежде всего, подобная добавочная (как мы ее называем) информация о слове может указывать на принадлеж-

¹ Ср., напр., подробно разработанную систему помет в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934—1940, т. I, 1934, стр. XXVI—XXVII).

ность слова в целом или в каком-либо из его значений, а в отдельных случаях какой-либо словоформы, к одному из функциональных стилей данного языка.

Под функциональным стилем языка мы, вслед за акад. В. В. Виноградовым, понимаем «...общественно осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединенную совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительную с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа».²

Как известно, в словарном составе любого языка основная масса слов является стилистически нейтральной. Однако в нем имеется значительное количество слов, входящих в лексический арсенал того или иного определенного стиля. Указания на стилевую принадлежность слова должны осуществляться в общем словаре посредством специальных помет.

534853 Поскольку стилистическая окраска слова является одним из элементов его лексического значения,³ такое указание, следовательно, призвано дополнять семантическую характеристику слова. С другой стороны, поскольку слово в целом или в каком-то из своих значений при наличии в нем ярко выраженной стилистической окраски является в силу этого одним из лексических средств соответствующего функционального стиля данного языка, то стилистическая помета показывает функциональные особенности слова, сферу его речевого использования. Ввиду этого указания на стилевую принадлежность слова, по сути дела, являются добавочными семантико-функциональными указаниями.⁴

От собственной стилевой принадлежности (и, следовательно, стилистической окраски) слова необходимо отличать его эмоционально-экспрессивную окраску. Во многих случаях они тесно взаимосвязаны и действуют, так сказать, в одном направлении. Однако их взаимосвязанность не есть тождество. Это особенно ясно в тех случаях, когда, скажем, два слова принадлежат к разным функциональным языковым стилям, но совпадают по своему эмоционально-экспрессивному содержанию.

Стилистическая окраска слова есть семантический результат стилевой принадлежности слова. Это — выражение в слове отношения говорящего прежде всего к речевой ситуации, в которой осуществляется данный речевой акт (т. е. отношение к ней

² В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. ВЯ, 1955, № 1, стр. 73.

³ См.: И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959, стр. 49 и 55.

⁴ Ср.: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, стр. 276—277.

как к официальной, непринужденной, торжественной и т. п.).⁵ Эмоционально-экспрессивная окраска слова есть выражение в слове отношения говорящего к самому предмету мысли.⁶ Причем это отношение может быть выражено в разных стилевых формах. Ср., например: 'дэнди' (книжн.-уст.) и 'стиляга' (разг.-фамильярн.).⁷

Таким образом, нередко одного указания в словаре на стилевую принадлежность данного заглавного слова оказывается мало. Слово должно сопровождаться еще и определением его эмоционально-экспрессивной окраски. Так, например, к слову *teddy-boy* 'стиляга' одной стилистической пометы *colloquial* 'разговорное' явно недостаточно. Необходимо еще указание и на пренебрежительную его эмоционально-экспрессивную окраску. С другой стороны, только помета *disparagingly* 'пренебрежительно' также не в состоянии обозначить стилевую сферу слова.

Уточнение эмоционально-экспрессивной окраски слова входит в семантико-функциональную характеристику слова: оно добавляет существенные сведения и о значении данного слова, и о характере его применения.

К семантико-функциональной характеристике слова должно быть отнесено и указание на отношение данного слова к литературной норме языка в ее современном состоянии.

Хотя толковый словарь общелитературного языка призван отражать лексические элементы, соответствующие данной литературной языковой норме, тем не менее в него неизбежно включается известное количество просторечных, жаргонных или диалектных лексических элементов при условии соответствующей частотности их появления в картотеке словаря. Эти элементы так же, как и архаизмы или неологизмы, могут использоваться в литературной речи в качестве определенных стилистических средств. Естественно, что соответствующие пометы, указывающие на отношение слова к литературной норме языка, на территориальные или хронологические ограничения его употребления, также должны широко даваться в словарной статье общего словаря. В свою очередь и эти пометы могут быть названы добавочными семантико-функциональными пометами.

Наконец, добавочная семантико-функциональная характеристика слова включает в себя указание на специальную, терминологическую сферу употребления слова (напр.: 'только в химии', 'физический термин' и т. п.).

При наличии в том или ином толковом словаре детально разработанной системы перечисленных выше добавочных семантико-функциональных помет и при условии последовательного их применения отсутствие пометы у данного заглавного

⁵ См.: Н. Н. Амосова. К вопросу о лексическом значении слова. Вестник ЛГУ, 1957, № 2, сер. истории, языка и лит., вып. 1, стр. 167.

⁶ Там же, стр. 166.

⁷ Там же, стр. 168.

слова приобретает определенную смысловую нагрузку. Оно означает стилистическую нейтральность данного слова, отсутствие в его значении закреплённой эмоционально-экспрессивной окраски, общую актуальность или активность слова (или его значения) в настоящий момент и т. п.

Рассмотрим на примере Словаря Уэбстера 1961 г.,⁸ как отражаются различные стороны добавочной семантико-функциональной характеристики слова в толковом словаре.

Большинство заглавных слов в Словаре Уэбстера 1961 г. не имеет никакой семантико-функциональной пометы. Это означает (хотя и не всегда, как это будет видно ниже), что подобные слова нейтральны по стилистической принадлежности, что их употребление ничем не ограничено и что они являются широко употребительными в современном английском литературном языке.

Однако в Словаре имеется определенное количество слов, которые получают ту или иную добавочную семантико-функциональную помету.⁹

Все добавочные семантико-функциональные пометы, принятые в Словаре Уэбстера 1961 г., можно разделить на следующие группы:

А. Пометы, указывающие на принадлежность слова к тому или иному функциональному стилю речи, — стилистические пометы. **Б.** Пометы, указывающие на эмоционально-экспрессивную окраску слова. **В.** Пометы, указывающие на хронологическую ограниченность слова. **Г.** Пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова. **Д.** Пометы, указывающие на специальную терминологическую сферу употребления слова.

Остановимся на каждом типе помет особо.

А. Указания на стилевую отнесенность слова, значения или словоформы, т. е. указания на принадлежность определенной языковой единицы к тому или иному функциональному стилю современного английского языка, осуществляются в Словаре при помощи трех помет: 1) *slang* 'слэнг'; 2) *substandard* (= *substandard*) 'не соответствующее литературной языковой норме'; 3) *non-standard* (= *nonstandard*) 'не вполне соответствующее литературной норме'.

1) Помета *slang* относится к словам (к отдельным значениям, оттенкам или словоформам), «употребляющимся в контексте крайней непринужденности, не имеющим обычно никакой территориальной ограниченности в своем употреблении и, как правило, состоящим из усеченных или сокращенных форм,

⁸ Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Published by G. and C. Merriam Co. Springfield, Mass., 1961. В дальнейшем будем называть его Словарь Уэбстера 1961 г. или просто Словарь.

⁹ Необходимо отметить, что добавочную семантико-функциональную характеристику получают в Словаре не слова как таковые, а отдельные значения слов, т. е. «лексико-семантические варианты слов», по терминологии А. И. Смирницкого (А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956), однако для простоты изложения мы говорим о словах.

или экстравагантных, сильных и шутливых оборотов речи».¹⁰ Например: «sack in ... *slang*: to go to bed»; «brother ... *slang*: fellow, chap, mate...»

2) Помета *substand* означает, что слово (или значение, или словоформа) является просторечным.¹¹ Например: «them ... *substand*: those ...»; «themselves ... *substand*: themselves».

3) Помета *nonstand*, как заявляют составители, «относится к очень небольшому количеству слов, которые едва ли могут быть даны в Словаре без какой-либо стилистической пометы, однако широкое употребление которых в общелитературных контекстах не позволяет пометить их как *substandard*».¹² Например: «irregardless ... *nonstand*: regardless».

Составители Словаря специально оговариваются по поводу того, что в нем не используется помета *colloquial* 'разговорное'. Они объясняют ее отсутствие тем, что якобы «невозможно вне контекста определить, относится ли слово к разговорному стилю или нет...».¹³

Итак, мы находим в Словаре только три пометы, указывающие на ту или иную стилевую отнесенность. Все три пометы дают указание на принадлежность языковой единицы только к «сниженному» стилю. В Словаре нет никаких указаний на принадлежность слова к «высокому стилю». Таким образом, эти три пометы далеко не исчерпывают всего разнообразия функциональных стилей современного английского языка или, точнее говоря, не дают достаточно четкой картины их разветвлений и подвидов.

По-видимому, это объясняется тем, что по вопросу о сущности языковых стилей и их отношения к системе языка даже в общелингвистическом, теоретическом плане до сих пор еще не достигнуто общепризнанных решений.¹⁴ По вопросу о стилях современного английского языка также имеются существенные расхождения и в их соотношении друг с другом, и в их номенклатуре.¹⁵

¹⁰ Словарь Уэбстера 1961 г. Указания к пользованию Словарем, стр. 19а.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Словарь Уэбстера 1961 г. Предисловие, стр. 6а.

¹⁴ См., напр., по этому поводу материалы дискуссии по вопросам стилистики, проведенной журналом «Вопросы языкознания» в 1954—1955 г.: В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики, стр. 60—87; Ю. С. Сорокин. К вопросу об основных понятиях стилистики. ВЯ, 1954, № 2, стр. 68—82; Р. А. Будагов. К вопросу о языковых стилях. ВЯ, 1954, № 3, стр. 54—67.

¹⁵ См., напр.: И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд. лит. на иностр. яз., 1958; рецензию Н. Н. Амосовой на эту книгу (ВЯ, 1960, № 1, стр. 127—129); Н. Н. Амосова. К проблеме языковых стилей в английском языке. Вестник ЛГУ, 1951, № 5, стр. 32—44; М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев. Стилистика английского языка. Л., Учпедгиз, 1960; E. Gowers. The Complete Plain Words. L., 1954; M. Deutschbein. Neuenglische Stilistik. Leipzig, 1932, и др. (см. обширную библиографию в указанной работе И. Р. Гальперина).

Б. С пометами, указывающими на эмоционально-экспрессивную окраску слова, дело обстоит несколько иначе. В анализируемом Словаре не удалось обнаружить сколько-нибудь постоянной системы помет, указывающих на эмоционально-экспрессивную окраску слова. Более того, нередко слова, которые, казалось бы, как это показывают другие словари, должны были получить указания подобного рода, не имеют их в Словаре Уэбстера 1961 г. Так, например, заглавное слово *amusive* 'занимательный' не имеет в Словаре никакой пометы. Между тем в Словаре Фаулера¹⁶ отмечается, что «it always suggests either ignorance or novelty-hunting and ... is best avoided». Или, например, в Словаре современного американского словоупотребления¹⁷ отмечено, что слово *supernormal* 'превышающий норму' ... «is awkward» и поэтому «is not often used». В Словаре же Уэбстера 1961 г. это слово не имеет пометы. И таких примеров множество.

Иногда в Словаре Уэбстера 1961 г., правда в очень ограниченном количестве случаев, все же можно найти какие-то указания на эмоционально-экспрессивную окраску слова. Например: «gringo ... : a white foreigner in Spain or Latin America esp. when of English or American origin — often used disparagingly»; «piece ... 2a obs: map — usu. used disparagingly ...».

Однако повторяем, эти указания не имеют в Словаре сколько-нибудь постоянного и системного характера.

В. Пометы, указывающие на хронологические границы распространения слова. Здесь применяются, в основном, две пометы: 1) *obs* (=obsolete 'вышедшее из употребления') и 2) *archaic* ('архаичное').

1) Помета *obs* употребляется по отношению к словам, выпавшим из языка к 1755 г.¹⁸ Например: «belamour ... *obs* : one who is loved»; «sacrate ... *obs* : consecrate ...».

2) Помета *archaic* применяется по отношению к словам, сохранившимся в употреблении после 1755 г., но употребляющимся спорадически или только в специальных текстах.¹⁹ Например: «questhouse ... *archaic* : a house for holding the inquests in a ward or parish»; «handlock ... *archaic* : handcuff, manacle».

Иногда устаревшие слова получают в Словаре помету *rare* ('редкое'). Однако это происходит крайне несистемно. Так что в основном можно утверждать, что по отношению к устаревшей лексике применяются две указанные выше пометы.

¹⁶ H. W. Fowler. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1954, p. 19.

¹⁷ B. Evans a. C. Evans. A Dictionary of Contemporary American Usage. N. Y., 1957, p. 5.

¹⁸ См.: Словарь Уэбстера 1961 г., Указания к пользованию Словарем, стр. 18а.

¹⁹ Там же.

Историзмы в отличие от архаизмов не получают в Словаре никакой особой пометы. Обычно указание на то, что данное заглавное слово является обозначением понятия, которое устарело, дается в самом тексте толкования.²⁰

Таким образом, пометы, указывающие на хронологические границы распространения слова, имеют в Словаре односторонний характер, выделяя лишь устаревшие слова. Неологизмы в отличие от архаизмов не имеют в Словаре никакой пометы.²¹

Г. Пометы, указывающие на территориальную ограниченность слова. В Словаре Уэбстера 1961 г. имеется некоторое количество слов, употребление которых не повсеместно, а территориально ограничено. Такие слова приводятся в Словаре с особыми пометами (*regional labels*), определяющими принадлежность слова в целом или в каком-либо из его значений к тому или иному диалекту или варианту английского языка. Эти пометы в Словаре можно разделить на следующие группы:

1) Пометы, указывающие на принадлежность слова или одного из его значений к нескольким диалектам Америки или Америки и Англии: *dial* ('диалектное'), *chiefly dial* ('главным образом диалектное'), *dial var of* ('диалектный вариант от') и т. п. Более конкретное обозначение территориальной употребительности слов является в данном случае, по мнению составителей Словаря, невозможным или нецелесообразным для общего словаря.²² Например: «*kemb ... dial: comb*»; «*sa ... dial var of so*».

2) Пометы, указывающие на принадлежность слова (или одного из его значений) только к диалекту или к диалектам Англии: *dial Eng* или *dial Brit* ('принадлежит диалектам Англии'). Более подробного указания, к какому или к каким диалектам современной Англии относится данное слово, в Словаре не дается.²³ Например: «*quaddle ... dial Eng : grumbler*»; «*greking ... now dial Brit : dawn*».

3) Пометы, указывающие на принадлежность слова к шотландскому или ирландскому диалектам.²⁴ Например: «*sacket ... Scot: a small sack or wallet ...*»; «*macushla ... Irish: darling ...*».

²⁰ Подробнее об устаревшей лексике и историзмах в Словаре Уэбстера 1961 г. см.: Л. П. С т у п и н. К вопросу о принципах отбора слов для толкового словаря современного литературного языка. Вестник ЛГУ, 1963, № 2, сер. истории, языка и лит., вып. 1, стр. 125—126.

²¹ Ср., напр., наличие пометы *нов* (= новое) в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова, показывающей, что слово относится к разряду неологизмов (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Как пользоваться Словарем, стр. XXIV).

²² См.: Словарь Уэбстера 1961 г., Указания к пользованию Словарем, стр. 19а.

²³ О современных английских диалектах см.: М. М. Маковский. Структурные особенности современных английских диалектов. «Иностранные языки в школе», 1961, № 5, стр. 90—97.

²⁴ Некоторые лингвисты считают эти два диалекта не диалектами, а языками-вариантами английского языка. См., напр.: Т. М. Беляева и И. А. Потапова. Английский язык за пределами Англии. М., Учпедгиз, 1961, стр. 4.

4) Пометы, указывающие на принадлежность слова к одному из американских диалектов. В этом случае составители Словаря обычно относят слова к одной из семи групп, на которые они делят все диалекты США: North, Midland, New-Eng, South, Southwest, Northwest.²⁵ Например: «muckamuck ... *Northwest*: eat»; «gurney ... *West*: a wheeled cot or stretcher».

Таковы пометы, выделяющие в Словаре диалектизмы Англии и США.

Однако, как известно, в английском языке существуют слова с территориально ограниченным употреблением, которые нельзя считать диалектизмами в точном смысле этого термина. Это слова, характерные для одного из вариантов английского языка, бытующего на положении национального литературного языка одной из англоязычных стран.

Общеизвестно, например, что английский язык в Англии и в Америке имеет ряд отличий главным образом лексического и фонетического характера.²⁶ Американский вариант английского языка не может быть признан ни совершенно особым языком по сравнению с языком Англии (ибо черты общности в них значительно преобладают над чертами различия), ни диалектом английского языка (ибо он не отвечает важнейшему признаку диалекта — его подчиненному положению по отношению к общелитературному языку). Американский вариант английского языка является независимым государственным и литературным языком США. Поэтому это не диалект, а равноправный территориальный вариант английского языка. И, наоборот, язык Англии есть британский вариант единого английского языка. То же самое можно сказать и об английском языке Австралии, Канады и т. д.

Некоторые лексические особенности национальной языковой нормы вариантов английского языка в различных англоязычных странах также находят свое отражение в Словаре Уэбстера 1961 г. В этих случаях слова получают соответствующие пометы, указывающие на их принадлежность к тому или иному варианту английского языка. Например:

«greenfeed ... *Austral*: succulent forage fed to livestock ...»; «сапук ... 2: *chiefly Canad*: French Canadian».

Необходимо отметить, что характерным для Словаря Уэбстера 1961 г. является тот факт, что выделяется соответствующими пометами британский вариант, но не дается никаких помет для американского варианта английского языка. Например: «draughts ... *Brit*: the game of checkers».

Итак, можно констатировать, что Словарь довольно под-

²⁵ Это деление в основном соответствует делению Г. Кьюрата в его монографии о диалектах США (H. Kurath. A Word Geography of the Eastern United States. Univ. Michigan Press, 1949).

²⁶ См., напр.: А. Д. Швейцер. Очерк современного английского языка в США. М., Изд. «Высшая школа», 1963.

робно определяет употребление слова в диалектах США и несколько менее подробно в диалектах Англии. Кроме того, Словарь показывает ограниченность употребления слова в вариантах современного английского языка. Словарь дает особую помету (Brit) словам, употребление которых ограничено Англией, но не дает никаких помет для слов, употребление которых ограничено только США, т. е. для так называемых «американизмов». Таким образом, языковая норма оценивается с точки зрения американского варианта. Представляется, что такое одностороннее выделение лексических особенностей вариантов современного английского языка в словаре общелитературного языка (каковым и является Словарь Уэбстера 1961 г.) явно неправомерно. Британский вариант существует на равных правах с американским вариантом и, следовательно, общий словарь современного английского литературного языка должен в одинаковой мере фиксировать лексические особенности равноправных вариантов данного языка.

Д. Пометы, указывающие на принадлежность слова к той или иной специальной терминологии, с одной стороны, подчеркивают строго терминированный характер его значения, а с другой — обозначают специальную сферу его употребления.

В качестве подобных помет в Словаре Уэбстера 1961 г. употребляются наименования областей наук, техники, искусства и т. п., к которым относится данный термин. Например: *biol* (=biology 'биология'), *chem* (=chemistry 'химия'), и т. д. Например: «*hamus ... biol*: a hook or curved process»; «*conjugate ... 4 chem*: a substance that is con'ugated. ...».

Иногда подобные пометы заменяются просто указаниями: «употребляется в такой-то области». Например: «*digallic acid ... 2: gallotanin — used chiefly in pharmacy*».

Однако надо отметить, что составители крайне редко дают пометы или указания подобного рода.²⁷ Большинство узкоспециальных терминов, несмотря на свою ограниченность в употреблении, не получает в Словаре никаких помет.

Так, например, как показало сравнение словника Словаря Уэбстера 1961 г. со словниками специальных и переводных словарей из 122 заглавных слов на 1200-й странице Словаря 101 слово относится к области терминологии. Это такие узкоупотребительные термины, как *isopropenyl*, *isoproxide*, *isopulegol*, и мн. др. Однако ни один из этих терминов не получил в Словаре ограничительной пометы. О том же самом говорит просмотр и сопоставление других частей Словаря со специальными словарями.

Возможно, что исключение из Словаря таких помет вызвано общей тенденцией составителей к устранению из словарной статьи всего того, без чего можно так или иначе обойтись, чтобы

²⁷ Ср.: В предисловии к Словарю Уэбстера 1961 г. «...this edition uses very few subject labels ...» (стр. 6а).

избежать перегрузки ее информацией. Иначе говоря, здесь, по-видимому, проявилась тенденция составителей к чрезвычайной экономии места: в тех случаях, когда самое лексическое значение способно послужить признаком принадлежности слова (или одного из его значений) к определенной терминологической сфере, особая добавочная помета могла бы быть излишней.

Так, например, заглавное слово *chloritoid* не получает в Словаре никакой ограничительной пометы, так как из самого текста толкования видно, что, во-первых, это специальный термин, и, во-вторых, он относится к области минералогии: «*chloritoid ... a mineral ... consisting of a silicate of aluminium and ferrous iron with magnesium. ...*».

Заглавное слово *clavicate* снабжается в Словаре пометой, указывающей на специальную область его применения, а именно анатомию («*clavicate ... anat: having clavicles*»), так как из толкования данного слова не ясно, к какой специальной области знаний оно относится. Слово же *clavicle* не снабжается ограничительной пометой, ибо из текста его толкования видно, что это специальный анатомический термин («*clavicle ... a bone of the vertebrate shoulder girdle typically serving to link the scapula and sternum ...*»). Необходимо все же отметить, что иногда неискушенный читатель (из-за обилия специальных терминов в тексте толкования или вообще вследствие полнейшего незнания с данной отраслью знаний) не может сам точно установить из текста определения, к какой области знаний относится данный термин.

Таким образом, можно утверждать, что основной целью устранения в Словаре Уэбстера 1961 г. помет, указывающих на специальную область применения слова, является разгрузка словарной статьи «излишним», по мнению составителей Словаря, материалом, и, следовательно, сокращение объема Словаря в целом. Если вспомнить, какое огромное количество специальных терминов включено в Словарь (около 23—27% от общего количества слов в Словаре),²⁸ то такая экономия места вполне понятна.

Тем не менее нельзя не отметить, что позиция составителей Словаря в отношении терминологических помет является отступлением не только от традиции, принятой в английской и американской лексикографии (в частности, в большинстве более ранних изданий Словаря Уэбстера), но и отступлением от общей лексикографической традиции. Подобные указания важны и необходимы в общем словаре, так как, во-первых, как было замечено выше, читатель не всегда может сам точно установить область знаний, к которой относится термин, и, во-вторых, обо-

²⁸ Подробнее о специальной терминологии в Словаре см. нашу рецензию на Словарь (Большой толковый словарь английского языка Уэбстера, новое переработанное издание 1961 г.). Научные доклады высшей школы, филолог. науки, 1964, № 1, стр. 207—208.

значение области применения слова, которое обычно предшествует толкованию, сразу дает четкое и ясное представление о месте слова в общелитературном языке, ибо одни области имеют более узкий и ограниченный от литературного языка характер, другие — более широкий.²⁹

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы. Стиливая окраска слова дана в Словаре явно односторонне, ибо отмечается принадлежность слов лишь к «сниженному» стилю и нет никаких помет, относящих слово к «высокому» стилю. Весьма редко и непоследовательно приведены указания на эмоционально-экспрессивную окраску слова. Односторонни в Словаре хронологические пометы, так как они выделяют только устарение слова; неологизмы в отличие от архаизмов не получают никаких помет. Достаточно полно и систематически даются в Словаре лишь указания на территориальную ограниченность слова. Употребление пометы, указывающей на принадлежность слова к специальной отрасли знаний также вызывает некоторые возражения. Ввиду этого приходится констатировать, что добавочная семантико-функциональная характеристика слова дана в Словаре Уэбстера 1961 г. не достаточно полно и последовательно.

Очевидно, такое неудовлетворительное положение объясняется тем, что порой в работах по теории лексикографии утверждается, что в Большом толковом словаре общелитературного языка, отражающем также и историю развития современной лексики, вообще следует отказаться от добавочной семантико-функциональной характеристики, в частности от стилистической характеристики слова.³⁰ Такой отказ мотивируется тем, что стилистическая окраска слова «очень изменчива и неоднородна для разных этапов исторической действительности, и существующая стилистическая номенклатура, приноровленная к живой структуре языка нашего времени, приводит нередко к исключению в перспективе стилистического развития».³¹ Однако подобный взгляд представляется несостоятельным.

Прежде всего, аргументировать отказ от подачи добавочной семантико-функциональной характеристики слова в словаре тем, что она подвержена постоянным изменениям, значит противоречить сущности толкового словаря, основным принципом которого является фиксация определенного состояния языка (со всеми его изменениями и вариациями) в определенный период развития последнего. Если встать на эту точку зрения и последовательно проводить ее, то тогда надо будет отказаться и от

²⁹ А. В. Евгеньева. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием Большого словаря современного русского литературного языка АН СССР. Лексикографический сборник, 1957, вып. II, стр. 174.

³⁰ См., напр.: С. И. Ожегов. О трех типах словарей современного русского языка. ВЯ, 1952, № 2, стр. 102.

³¹ Там же.

регистрации значений слова. Как известно, семантическая структура слова тоже весьма непостоянна и изменчива. Констатации словаря могут отставать (и обычно отстают) от семантического развития слов. Однако толковые словари стремятся по возможности подробно и исчерпывающе отразить все эти изменения в семантике слова. Нетрудно видеть, что подобная позиция означала бы вообще отрицание возможности составления толкового словаря живого языка.

Полный отказ от добавочной семантико-функциональной характеристики слова в словаре привел бы не только к умалению роли общего словаря как нормативного справочника по современному словоупотреблению, этот отказ затруднил бы и правильное понимание особенностей словоупотребления сравнительно старых, но до сих пор читаемых авторов.

Следовательно, более обоснованным был бы не отказ от добавочной семантико-функциональной характеристики заглавного слова в Большом толковом словаре, а последовательный показ, во-первых, всех изменений семантико-функциональной характеристики данного слова на протяжении периода, охватываемого словарем, и, во-вторых, четкое и подробное указание всех семантических и функциональных особенностей слова в современную эпоху.³² Недаром большинство лексикографов, как советских, так и зарубежных,³³ высказывается за подробную семантико-функциональную характеристику слова в словаре, в том числе и в Большом толковом словаре современного литературного языка.

³² См. также: Б. А. Ларин. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М. Горького. Сб. «Словоупотребление и стиль М. Горького». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 4—6.

³³ См., напр.: А. М. Бабкин. Лексикографические заметки. ВЯ, 1955, № 2, стр. 94; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, стр. 276—277; Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958, гл. V—VIII, стр. 280; В. В. Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. ВЯ, 1956, № 5, стр. 93; Ф. П. Филин. Заметки по лексикологии и лексикографии. Лексикографический сборник, 1957, вып. I, стр. 52; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1955, стр. 73—77; J. Hulbert. Dictionaries, British and American. L., 1955, p. 83; M. Šalínková. K štylistickej charakteristike slov v normatívnom slovníku. Slov. reč., 1955, R. XX, č. 1, str. 40—49.

О СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ТИПА «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + ИНФИНИТИВ»

А. Г. Шапиро

Теория словосочетания в целом и частные проблемы, связанные с ней, представляют большой интерес для исследователя языка. В словосочетании, в особенностях построения его различных типов проявляется специфика данного языка. Для английского языка в этом смысле очень показательны инфинитивные словосочетания. Инфинитив сравнительно редко выступает в независимом употреблении. Более обычно употребление инфинитива в сочетании со словами, от которых он зависит в той или иной мере. Такими словами могут быть глаголы, существительные, числительные, местоимения, прилагательные и наречия. Словосочетания с зависимым инфинитивом неоднократно служили предметом исследования, но, как правило, основное внимание уделялось инфинитиву при глаголе и при существительном. Вопросы, связанные с приадъективным инфинитивом оставались вне поля зрения исследователей, о наличии таких сочетаний упоминалось лишь в связи с рассмотрением других явлений.¹

Тем не менее сочетания типа «прилагательное + инфинитив» представляют самостоятельный интерес, поскольку в их структуре, значении и употреблении проявляются некоторые особенности синтаксического строя современного английского языка. В данной статье мы рассмотрим только некоторые вопросы

¹ В. В. Белый. Модальные значения инфинитивных сочетаний в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1955; М. А. Герчикова. Употребление инфинитива в современной английской газете. Автореф. канд. дисс. М., 1946; Е. А. Гудкова. Приглагольный инфинитив-обстоятельство в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; В. Н. Жигadlo. Роль предлогов в синтаксических конструкциях современного английского языка. «Иностранные языки в школе», 1949, № 1; Н. А. Жичка. Сочетание зависимого инфинитива в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954; Н. М. Сазонова. Модальность приглагольного инфинитива в английском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1955.

структуры и значения этого типа словосочетаний, не затрагивая его употребления и роли в предложении.

Какова же структура данного типа словосочетаний? Первым, естественно, возникает вопрос, все ли прилагательные способны сочетаться с инфинитивом.

Собранный нами материал дает возможность говорить о нескольких основных группах прилагательных, обладающих этим свойством.

К первой группе мы относим такие прилагательные, как *anxious, curious, wishful, desirous, eager, impatient* и т. п. Хотя в своем свободном значении эти прилагательные имеют мало общего, они оказываются синонимами в конструктивно-обусловленном значении, а именно в значении, которое проявляется, когда они вступают в сочетание с инфинитивом. Весь синонимический ряд объединяется значением 'желающий, стремящийся', на которое наслаивается оттенок, являющийся в свободном значении прилагательного доминирующим. Ср.:

Without understanding she sat down to the poems, nervously anxious to like them... (E. of Ch., 2, 386).

I was curious to see it, but had not ventured to ask for it (M. S., 36).

Romeo continued, eager to change the subject (Old R., 81).

В семантическом отношении центром всей группы являются прилагательные *desirous* и *wishful*, поскольку в них значение 'желающий, жаждущий' выражается в наиболее чистом виде, в остальных прилагательных этого ряда оно осложнено дополнительными оттенками. Кроме того, значение 'желающий' является основным номинативным значением этих прилагательных.

Близко по значению к синонимическому ряду *desirous* примыкает ряд *apt, liable, fain, prone, ready* и антонимичные им *reluctant, averse, loath*:

I, too, am an erring mortal, liable to stumble, apt to come short of my most earnest efforts... (M. Fl., 494).

He stood there ready to loose off, begging me (E. of Ch., 2, 427).

Richard was not loath to demonstrate his own success... (Three L., 36).

Эти прилагательные объединяются значением склонности, расположенности, готовности к чему-то.

Таким образом, прилагательные типа *desirous* и *liable* выражают 'желание, склонность, готовность', т. е. субъективную расположенность к действию. В самом лексическом значении этих прилагательных заключена идея качества, каким-то образом направленного: 'желающий чего-то, склонный к чему-то, готовый на что-то'. Отдельно взятые эти прилагательные не могут выражать признака предмета, ибо понятие склонности и желания не абсолютно, оно всегда соотнесено с каким-то другим понятием. Как переходный глагол в силу особенностей своего значения предполагает необходимость указания на объект, на который

направлено его действие, как и прилагательные со значением субъективной расположенности нуждаются в дополняющем члене, который называет то, на что данное качество направлено. О таком относительном характере значения некоторых прилагательных пишет Т. В. Строева. Принимая во внимание особенности лексического значения прилагательных, Т. В. Строева подразделяет их на релятивные и абсолютные. Релятивным она называет такое прилагательное, «которое имеет в своем значении какую-то направленность; оно называет качество, которое нельзя себе представить само по себе, без соотнесенности с другим понятием. Примером могут служить русские прилагательные *подобный, похожий*, значение которых нельзя мыслить без соотнесения с тем, чему подобен или на что похож предмет... 'Абсолютным' прилагательным следует, соответственно, называть такое, которое не имеет в своем значении такой соотнесенности с другим понятием».²

Такое деление прилагательных оказывается очень важным при определении типов сочетаемости имен прилагательных в английском языке. Прилагательные типа *desirous, liable* обладают способностью сочетаться с инфинитивом именно благодаря релятивному характеру их лексического значения. В самом лексическом значении прилагательного заложена необходимость дополняющего члена, который конкретизировал бы направленность признака, раскрывая содержание желания или склонности. В роли дополняющего члена может выступать инфинитив. Релятивный характер прилагательного предопределяет тесную связь членов словосочетания, так как только благодаря инфинитиву оно приобретает конкретный смысл. Исходя из этого, инфинитив при прилагательных со значением субъективной расположенности к действию можно квалифицировать как инфинитив содержания.

К этой же группе прилагательных, по-видимому, следует отнести и предикативные прилагательные со значением привычности совершения действия, так как инфинитив при этих прилагательных раскрывает содержание привычки:

«Ten years, she insisted stubbornly, for women are *wont to lean upon the knife that stabs them*...» (Old R., 74).

More accustomed to obey than to reflect, Hodges yielded... (It is, 237).

Вторая группа прилагательных включает прилагательные типа *glad, sorry, proud, content*. Сочетания этих прилагательных с инфинитивом широко употребляются в современном английском языке. Можно сказать, что употребление прилагательных *glad* и *sorry* почти полностью ограничивается данным видом сочетаний. Случаи их употребления в качестве препозитивного

² Т. В. Строева. Изменение лексического значения в предикативных именах прилагательных немецкого языка. Вестник ЛГУ, 1959, № 14, стр. 86—87.

определения существительного очень редки и сводятся к нескольким устойчивым сочетаниям, например *glad heart, glad tidings; sorry fool, sorry excuse*. В сочетаниях с инфинитивом эти прилагательные выражают радость или печаль, вызванные каким-то действием, т. е. обозначают определенное психическое состояние, возникшее как реакция на действие:

She has told me her version; I should be glad to hear yours (E. of Ch., 3, 798).

We shall be most happy to consider you as one of the party (Em., 82).

I said no; I felt content to be where he was (V., 2, 207).

«Yes, in a way, said the other, *sore to think the game had been lost*» (S. C., 244).

She had been so proud to be called "quick" all her life... (M. Fl., 150).

В отличие от первой группы прилагательных, прилагательные со значением психического состояния более самостоятельны по своему лексическому значению; они характеризуют предмет с точки зрения его состояния. Инфинитив сообщает лишь дополнительные сведения об этом состоянии.

Есперсен считает такой инфинитив инфинитивом реакции.³ Такая трактовка представляется нам нелогичной. Дело в том, что не действие, названное инфинитивом, является реакцией на состояние, а наоборот — прилагательное выражает состояние, возникшее как реакция на действие. Поэтому более обоснованной является точка зрения тех исследователей, которые рассматривают такой инфинитив как обстоятельство причины.⁴ Возражение вызывает только сам термин «обстоятельство причины», ибо его принято употреблять для обозначения отдельного члена предложения. В нашем случае инфинитив — не отдельный член предложения, он включается в предложение только в составе словосочетания. Инфинитив как зависимый член словосочетания указывает на действие, послужившее причиной возникновения психического состояния или настроения, обозначенного прилагательным. Итак, к прилагательным со значением психического состояния примыкает инфинитив причины.

Третью группу составляют прилагательные типа *pleasant, dreadful, strong*. Еще в работе Трнка о синтаксисе английского глагола отмечалось, что инфинитив может примыкать к прилагательным, способным образовывать степени сравнения. В качестве примера приводились сочетания: *strong to conquer, beautiful to behold*.⁵ Исследованный нами материал показывает, что таких

³ O. Jespersen. A Modern English Grammar. L., 1928, pt. V, vol. IV, p. 259.

⁴ М. А. Герчикова. Употребление инфинитива в современной английской газете, стр. 116.

⁵ B. Trnka. On the Syntax of the English Verb from Caxton to Dryden. Prague, 1930, p. 79.

прилагательных довольно много и они разнообразны по значению:

He is *rather fine to look at* (E. of Ch., 1, 86).

...his smiles were *very pleasant to see* when they did come (M. Fl., 387).

Lost dogs are *dreadful to think about* (E. of Ch., 2, 494).

...his eyes would probably have been *intolerably disagreeable to meet* (W. S., 6).

She was *good to look at* in a broad way (P. Th., 41).

Различие лексических значений не мешает этим прилагательным иметь нечто общее, предопределяющее их способность сочетаться с инфинитивом. Дело в том, что все они принадлежат к одной семантической сфере — сфере оценки, центром которой являются прилагательные *good* и *bad*. В работе Э. М. Медниковой,⁶ посвященной оценочным прилагательным, подобного рода прилагательные характеризуются как «собственно оценочные», поскольку во всех своих значениях они выражают отношение говорящего к данному факту или явлению.

Лексическое значение оценочных прилагательных вполне определено и закончено, но вместе с тем широко. Именно поэтому возникает подчас необходимость выразить значение более точное, конкретное; этим и объясняется, по-видимому, способность оценочных прилагательных управлять инфинитивом (ср.: *pleasant* и *pleasant to see*, *disagreeable* и *disagreeable to meet*). Значение словосочетания отличается от значения отдельного прилагательного своей большей конкретностью.

Таким образом, инфинитив при прилагательных с оценочным значением выполняет функцию ограничителя. Есперсен⁷ называет его инфинитивом детализаций (*specification*). Возражение вызывает трактовка инфинитива при прилагательном типа *pleasant* как инфинитива цели и назначения.⁸ Сочетание *pleasant to look at* означает совсем не 'приятный для того, чтобы на него (нее) смотреть', а 'приятный на вид', т. е. приятный в каком-то определенном отношении. Инфинитив имеет не целевое, а ограничительное значение.

К этой же группе следует отнести и прилагательные со значением оценки предмета или явления с точки зрения легкости или затрудненности совершения над ним какого-то действия, т. е. прилагательные *easy*, *hard*, *difficult*, *plain*:

He paused a minute, and I saw that what he had to tell me was *very hard to say* (M. S., 122).

Flint admitted that the advice was sound, if *difficult to follow* (M. Cr., 186).

⁶ Э. М. Медникова. Оценочные прилагательные в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

⁷ O. Jespersen. A Modern English Grammar, vol. IV, p. 262.

⁸ M. Deutschbein. System der neuenglischen Syntax. Leipzig, 1926, S. 160.

...for Mrs. Hurstwood was not always *easy to please* (S. C., 94).
The story, then, was *plain to read*. Dagat had sent this man to
bygn Triangle S. (S. S., 122).

При рассмотрении словосочетаний с оценочными прилагательными бросается в глаза одна их особенность. Если в первых двух типах сочетаний инфинитив всегда выражал действие, производимое предметом или лицом, признак которого назван словосочетанием, то в сочетании с оценочными прилагательными инфинитив, как правило, указывает на действие, которому подвергается определяемое им лицо или предмет. Таким образом, определяемое (в широком смысле этого слова) в одних случаях является субъектом действия, в других — его реальным объектом.

Субъектные или объектные связи инфинитива проявляются только в словосочетании и зависят от лексического значения прилагательных. Для прилагательных со значением субъективной расположенности или психического состояния характерно сочетание с субъектным инфинитивом. Прилагательные оценочные в своей основной массе управляют объектным инфинитивом. В силу того, что объектным инфинитивом может быть инфинитив только переходного глагола или непереходного с предлогом, сочетание оценочных прилагательных с инфинитивом имеет ограничения не только по линии значения прилагательного, но и инфинитива.

В сочетании прилагательное + объектный инфинитив за инфинитивом не может следовать прямое дополнение, ибо объект, на который направлено действие, уже выражен в предложении тем словом, с которым все это словосочетание соотносится по смыслу. Распространить словосочетания возможно лишь путем добавления обстоятельственных членов:

Adèle was not easy to teach that day (J. E., 154).

Субъект объектного инфинитива обычно обобщенно-личный или неопределенно-личный. В тех случаях, когда возникает необходимость уточнения субъекта действия, используется предложная инфинитивная конструкция:

But these are faults so rare to find, so costly to their owner to indulge (V., 2, 371).

Среди оценочных прилагательных есть лишь несколько таких, которые употребляются с субъектным инфинитивом, — это прилагательные типа *slow*:

Sister Giovanna was naturally quick to perceive and slow to forget (W. S., 221).

Таким образом, оценочные прилагательные в силу особенности своего лексического значения могут сочетаться с ограничительным инфинитивом. В подавляющем большинстве случаев ограничительный инфинитив является объектным инфинитивом; исключение представляет инфинитив при прилагательных типа *slow*.

Особым образом складываются отношения в сочетаниях при-

лагательных *sufficient*, *sufficing*, *enough* с инфинитивом. Эти прилагательные, в отличие от всех выше рассмотренных, выражают признак не качественный, а количественный. Они характеризуют предмет так же, как его характеризуют прилагательные *much*, *little*:

As he opened the door he stood electrified, as though a current *sufficient to despatch* a man in the executorial chair had been passed through his body (Ch., 182).

Just the way he approached an object was *enough to tell* anybody with eyes what kind of a worker he was (Pr. St., 17).

Как видно из примеров, значение словосочетания более ограничено, чем значение прилагательного, благодаря указанию на цель, названную инфинитивом.

И, наконец, особого внимания заслуживает группа прилагательных, которые выражают разного рода модальные отношения, представленные в виде признака, приписываемого предмету. К этой группе относятся прилагательные со значением необходимости, уверенности, достоверности, а также прилагательные, выражающие предположительность, вероятность или возможность в смысле физической способности, умения, отсутствия препятствий. В значении этих прилагательных в какой-то мере содержится элемент оценки. Однако разные прилагательные, принадлежащие к данной группе, ведут себя по-разному в смысле их отношений с инфинитивом и отношения всего сочетания к определяемому им слову.

Лексическое значение прилагательного *necessary* предполагает наличие уточнения в плане указания на цель или назначение:

Such violence as had been *necessary to break the windows of the bus* had ceased (M. C., 3, 30).

...replied the old man, who lacked the diplomacy *necessary to deal with the twins* (Old R., 38).

Why, we have twenty to twenty five types of Indian corn. Hrdlička claims that some twenty thousand years was *necessary to differentiate them* (E. of. Ch., 1, 29).

Сочетания *necessary* + инфинитив всегда относятся к существительным отвлеченным или в некоторых случаях к существительным со значением промежутка времени. Соотнесенное со словосочетанием существительное является то средством, то условием для совершения действия, выраженного инфинитивом. Субъект действия инфинитива неопределенно-личный.

Прилагательные со значением вероятности и достоверности составляют с инфинитивом тесно спаянное сочетание, что объясняется взаимозависимостью его членов:

The lower end of the boiler... was now completely under water and *impossible to get at* (Expl., 53).

I had thought him a man *unlikely to be influenced* by motives so commonplace in his choice of a wife (J. E., 240).

Later they had thought he was *certain to die* (P. Th., 65).

...he who tells too much truth in *sure to be hanged* (S. W., 570).

Прилагательное служит характеристикой действия с точки зрения его вероятности или определенности. И только таким образом охарактеризованное действие выступает как признак предмета. Итак, если в рассмотренных до сих пор случаях предмет определялся прилагательным, значение которого каким-то образом уточнялось или конкретизировалось благодаря указанию на действие, то в случае с прилагательными типа *likely*, *sure* предмет определяется действием, которое, как предполагается, он может произвести или испытать. Отношения между прилагательным и инфинитивом выступают как взаимоатрибутивные. При прилагательных *(un)likely*, *like*, *sure*, *certain* определяемое слово всегда является субъектом действия инфинитива, при прилагательном *(im)possible* оно выступает в качестве объекта, на который направлено действие.

Модальным значением характеризуется и сочетание инфинитива с прилагательными *able*, *free*. Свободное значение этих прилагательных не модально. Употребленное в сочетаниях с существительными прилагательное *free* означает 'свободный', а прилагательное *able* 'способный, умелый'. Если мы теперь обратимся к примерам, где эти прилагательные входят в сочетание с зависящим от них инфинитивом, разница в значении становится очевидной:

1. The meal over, the party were *free to run and play* in the meadows (V., 2, 206).

2. Don't let's talk of horrid things. I'm so happy. I'm *free*. *Free to do* what I like (M. R., 98).

3. And having relieved my conscience by this declaration, I was *able to go on* (V., 2, 264).

4. ...and look at you lying there *scarce able to move yourself*, and talking like that (It is, 209).

5. Now although fond of music I have never been *able to learn any instrument* save the tambourine ... and to this day a person *able to play the piano* or the fiddle seems possessed of an uncanny gift (B. V., 24).

Прилагательное *free* в сочетании с инфинитивом приобретает новое значение, тесно связанное с его номинативным значением. Оно означает свободу в смысле беспрепятственной возможности совершать какое-то действие. Возможность возникает благодаря отсутствию препятствий или запрета. Сдвиг значения легко проследить в примере 2, где предложение *Free to do what I like* развивает и поясняет мысль предложения *I'm free* 'я свободна', т. е. 'у меня есть возможность делать все, что мне заблагорассудится'. Таким образом, прилагательное *free* не имеет модального значения, даже когда оно употреблено предикативно. А сочетание его с инфинитивом тоже в предикативной функции обладает модальным значением возможности. Прилагательное *able* в сочета-

нии с инфинитивом также приобретает модальное значение возможности, но возможности физической (пример 4), или умственной (пример 3), или возможности в смысле умения (пример 5). Иногда оно указывает на возможность совершить действие в силу, каких-то обстоятельств (пример 5, первый случай).

Прилагательное *unable* в отличие от *able* не имеет значения возможности как умения, сохраняя при этом все остальные значения, но в отрицательном смысле. Синонимом *unable* является прилагательное *powerless*, которое приобретает в сочетании с инфинитивом модальное значение невозможности:

Less clever than she, he was naturally unable to comprehend her sensibility (S. C., 111).

There was a far-away look in her face that the man beside her was powerless to understand (Old. R., 236).

Для прилагательных этой группы модальное значение конструктивно обусловлено, ибо оно проявляется лишь в их сочетании с инфинитивом. Как в сочетаниях с прилагательными со значением субъективной расположенности инфинитив раскрывает содержание желания, склонности, так и в сочетании с прилагательными рассматриваемой группы инфинитив раскрывает содержание способности, возможности. По-видимому, роль инфинитива одинакова в обоих случаях — это инфинитив содержания.

В упомянутой выше работе, посвященной инфинитивным сочетаниям, — диссертации В. В. Белого — среди модальных словосочетаний типа «прилагательное + инфинитив» рассматриваются сочетания с прилагательными *fit*, *worthy*, *advisable*, *proper*. Значение долженствования, по мнению автора, является в таких сочетаниях конструктивно обусловленным. «Действие, названное инфинитивом, квалифицируется как такое, выполнение которого рассматривается как подходящее, причисляющее с точки зрения норм общественной морали, этики».⁹

Не говоря уже о том, что среди многочисленных примеров, приводимых автором, мы нашли лишь три, в которых, с нашей точки зрения, действительно фигурирует словосочетание типа «прилагательное + инфинитив» (остальные примеры содержат конструкции с вводным *it*, о которой речь пойдет ниже), вряд ли вообще можно говорить о модальности долженствования в сочетаниях прилагательного с инфинитивом в следующих предложениях, взятых из диссертации В. В. Белого (стр. 142—143):

1. *She has got three couples of ducks just fit to be killed.*

2. *«Money's only fit to spend», he said.*

3. *She is worthy to be numbered among the best shock-workers.*

В первом примере речь идет об утках, которые достигли уже такого состояния, когда они годятся для того, чтобы их зарезать. Здесь прилагательное определяет состояние предмета, степень

⁹ В. В. Белый. Модальное значение инфинитивных сочетаний в современном английском языке, стр. 141.

его пригодности для какой-то цели, т. е. сам признак выступает как относительный, приобретающий определенность только благодаря указанию на цель. Действие, названное инфинитивом, лишь уточняет характеристику состояния предмета, выраженную прилагательным.

Если встать на точку зрения В. В. Белого, то придется признать, что предмет (*ducks*) характеризуется действием (*to be killed*), а прилагательное *fit* только квалифицирует это действие как подобающее по правилам общественной морали. Но ведь в предложении речь идет совсем не о том, что уток, которыми располагала хозяйка, полагалось убивать согласно установившимся нормам поведения. В предложении сообщается о том, что у хозяйки было несколько уток, подготовленных, по-видимому, достаточно откормленных для того, чтобы их зарезать. Инфинитив указывает на цель. Все сочетание не имеет модального значения долженствования.

То же самое следует сказать и в отношении второго примера. Здесь можно было бы говорить о модальном значении долженствования, если бы смысл предложения был таков: деньги подобает, надлежит тратить. Но приведенное предложение означает, что деньги пригодны только для того, чтобы их тратить, т. е. предмет характеризуется его пригодностью для какой-то цели. Едва ли можно назвать трату денег нормой общественной морали, этики.

Что касается третьего примера, то и здесь мы не видим никакого модального значения. Прилагательное не устанавливает отношения действия к действительности, а выражает оценку предмета с точки зрения того, достоин ли он какого-то действия. (Достойна ли она того, чтобы ее причисляли к лучшим ударным бригадам.) Прилагательное *worthy* + инфинитив характеризует предмет как достойный производить или испытывать на себе какое-то действие. Это прилагательное следует отнести к группе оценочных прилагательных. В значении сочетания *worthy* + инфинитив присутствует элемент отношения говорящего, но не выражается долженствование. Следует отметить, что насколько можно судить по исследованному нами материалу, модальное значение долженствования вообще не находит выражения в сочетаниях типа «прилагательное + инфинитив».

В оценке роли инфинитива при прилагательном *fit* мнения исследователей расходятся. Дейчбейн считает его инфинитивом определения или цели, Есперсен — инфинитивом детализации, Поутсма — особого рода предложным дополнением, Аллен¹⁰ — инфинитивом степени, поскольку он ограничивает прилагательное. Чем объяснить такой разноречивый во мнениях и какое из них

¹⁰ M. Deutschbein. *System der neuenglischen Syntax*, S. 160; O. Jespersen. *A Modern English Grammar*, vol. IV, p. 262; H. Poutsma. *The Infinitive, the Gerund and the Participles of the English Verb*, p. 90; E. Allen. *An English Grammar of Function*, vol. II. L., 1939, p. 271.

наиболее справедливо? Судя по примерам, приводимым этими авторами, сочетание *fit* с инфинитивом рассматривается по аналогии то с сочетанием *worth* + инфинитив, то с сочетанием *ready* + инфинитив, то с сочетанием *good* + инфинитив. Все это наталкивает на мысль о том, что само прилагательное *fit* имеет разные значения. А поскольку функция инфинитива в сочетании «прилагательное + инфинитив» определяется лексическим значением прилагательного, то при одном и том же *fit* инфинитив выступает в разных функциях в зависимости от оттенков значения прилагательного. Сравним следующие примеры:

1. After all, one used to think that the old... were only *fit to be measured* for their coffins (E. of Ch., 3, 721).

2. You look faint, you are not *fit to work* (It is, 461).

3. ...if I liked Dr. John till I was *fit to die* for liking him, that alone could not license me to be otherwise than dumb... (V., 2, 192).

4. Here ... I cried out suddenly ... «They are not *fit to associate with me*» (J. E., 41).

В первом примере *fit* имеет значение 'годный, подходящий для какой-то цели', т. е. оно синонимично *suitable*; соответственно инфинитив имеет целевое значение. Во втором примере *fit* указывает на физическую или умственную способность совершить действие. Оно близко по значению к *able*, инфинитив дополняет прилагательное, раскрывая его содержание. Сочетания данного типа обладают модальным значением, но только это модальность возможности, а не долженствования. Однако нам представляется, что модальное значение у такого словосочетания появляется только в определенном контексте, т. е. оно не является свойством самого словосочетания. В третьем примере *fit* указывает на состояние определяемого предмета в смысле его готовности совершить действие. По своему значению это словосочетание близко сочетанию прилагательного *ready* с инфинитивом содержания. Пример четвертый может служить иллюстрацией еще одного значения прилагательного *fit* — оно синонимично *worthy*. Как и в сочетании с другими оценочными прилагательными, инфинитив выполняет здесь роль ограничителя.

По-видимому, в отношении *fit* нельзя определить функцию инфинитива однозначно: функция будет варьироваться в зависимости от значения прилагательного.

Таковы группы прилагательных, которые могут управлять инфинитивом. Основным в определении способности прилагательного сочетаться с инфинитивом должно быть признано его лексическое значение. В сочетание с инфинитивом входят только те прилагательные, которые в силу особенности своего лексического значения требуют дополнения или уточнения с указанием на действие, т. е. прилагательные с релятивным значением. В одних случаях это уточнение необходимо, в других — возможно. Примером первого типа могут служить прилагательные *unable*,

liable, apt, wont, etc. Они требуют восполнения инфинитивом так же, как этого требуют глаголы типа to intend, to want. Лексическое значение прилагательных типа pleasant, glad, ready само по себе достаточно определено и закончено. Это прилагательные абсолютные, но в их значении заложена потенциальная возможность релятивизации, которая и реализуется в их сочетаниях с инфинитивом.

Обратимся ко второму компоненту словосочетания. Изученный нами материал показывает, что практически инфинитив любого глагола может сочетаться с прилагательными рассмотренных групп. Инфинитив выступает как название действия в его отвлеченном виде, он в значительной мере опредмечен. По-видимому, этим объясняется употребление в сочетании с прилагательным главным образом инфинитива Indefinite Active и Passive. Именно этот инфинитив наиболее нейтрален ко времени и виду, в нем ярче проявляется значение отвлеченного понятия действия. Нам встретилось всего несколько примеров на словосочетания с инфинитивами Perfect и Continuous, причем эти инфинитивы выступают только при прилагательных со значением психического состояния и при прилагательных likely, sure.

Исходя из всего вышеизложенного мы предлагаем следующую классификацию прилагательных, способных сочетаться с инфинитивом, при этом, называя функцию инфинитива, мы имеем в виду его роль в словосочетании, а не в предложении.

1. Прилагательные со значением расположенности к действию (желание, склонность, готовность, привычность). К ним примыкает инфинитив содержания.

2. Прилагательные со значением психического состояния (радость, удовлетворение, гордость, печаль). К ним примыкает инфинитив причины.

3. Прилагательные со значением оценки. К ним примыкает инфинитив ограничения.

4. Прилагательные со значением неопределенного количества. К ним примыкает инфинитив цели.

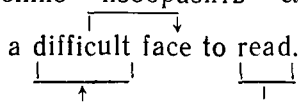
5. Прилагательные с модальным значением а) необходимости (к ним примыкает инфинитив цели); б) вероятности, достоверности (отношения прилагательного и инфинитива взаимодативные); в) возможности, способности (к ним примыкает инфинитив содержания).

6. Прилагательные со значением пригодности. К ним примыкает инфинитив цели.

Все сочетания прилагательного с инфинитивом однотипны в том смысле, что это парные сочетания с прилагательным в качестве грамматически ведущего члена, к которому примыкает и от которого зависит второй член словосочетания. Через посредство ведущего члена все сочетание включается в предложение, выполняющая в нем функцию, свойственную этому члену. Для сочетания «прилагательное + инфинитив» характерна постановка зависи-

мого члена сразу за ведущим. Каждый из членов словосочетания может иметь свои собственные определители, но они располагаются так, чтобы не нарушить этот строгий порядок. Сочетание «прилагательное + инфинитив», основным значением которого является понятие признака, при употреблении в предложении всегда входит как часть в более крупное словосочетание, и прежде всего в сочетания типа определяемое — определение. Как правило, такие расширенные словосочетания строятся по модели — определяемое + определение, состоящей из сочетания прилагательного с инфинитивом (*a face difficult to read*), но воз-

можен и другой вариант порядка слов — прилагательное + определяемое + инфинитив, соотносённый с прилагательным (*a difficult face to read*). По содержанию оба эти сочетания равнозначны. Инфинитив и грамматически и семантически связан только с прилагательным, и лишь через его посредство соотносится с определяемым. Схематически взаимоотношение членов этого сочетания можно изобразить следующим образом:

Таким образом, в данном сочетании существительное имеет не два определения, а лишь одно, выраженное словосочетанием типа «прилагательное + инфинитив». Если предположить, что прилагательное само по себе определяет существительное, то пришлось бы инфинитив рассматривать как самостоятельное определение ко всему комплексу *a difficult face* и все словосочетание получило бы иной смысл (*трудное лицо, которое надлежит прочесть*), так как инфинитивное определение к существительному обладает модальным значением. Отсюда следует, что словосочетание типа «прилагательное + существительное + инфинитив» двузначно: во-первых, оно может быть синонимом словосочетания существительное + (прилагательное + инфинитив); во-вторых, оно может быть сложным словосочетанием, состоящим из двух простых сочетаний, у которых один член общий; например, сочетание *an insane impulse to jump off* распадается на *an insane impulse* и *an impulse to jump off*. Определения к слову *impulse* не связаны между собой, каждое из них самостоятельно определяет существительное. Подтверждением того, что сочетания *a difficult face to read* и *a face difficult to read* являются лишь разновидностями одного типа словосочетания, могут служить случаи их параллельного употребления. Например:

But hers was a difficult face to read, a twisting brain to follow, a heart hard to get at (М. С., 3, 86).

Различие между этими двумя типами построения лежат, по-видимому, в области стиля.

Само по себе словосочетание прилагательное + инфинитив

часто осложняется другими словами. Такое распространение словосочетания может идти, во-первых, за счет роста группы инфинитива и, во-вторых, за счет добавления определений к прилагательному.

Итак, сочетание прилагательное + инфинитив представляет собой особый тип парного словосочетания с прилагательным в качестве ведущего члена, обобщенным значением которого является понятие признака.

Однако следует иметь в виду, что не всякий инфинитив, находящийся в предложении в непосредственной близости от прилагательного, обязательно составляет с этим прилагательным исследуемое словосочетание. Об этом писал еще А. М. Пешковский: «Не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание, а только такие, которые соединены в мысли». ¹¹ Таким образом, помимо соположения, необходима еще и смысловая связь слов для того, чтобы они стали словосочетанием. Нам представляется необходимым упомянуть об этом предостережении А. М. Пешковского, так как некоторые авторы, занимающиеся вопросами словосочетаний с зависимым инфинитивом, по-видимому, упускают это из виду, приводя в качестве примеров приадъективного инфинитива предложения с вводным *it*. ¹² К сожалению, размеры данной статьи не позволяют нам дать аргументацию нашей точки зрения, сводящейся к тому, что в предложениях с вводным *it* прилагательное и инфинитив не являются членами одного словосочетания. По-видимому, предложения с вводным *it* могут служить иллюстрацией независимого употребления инфинитива в английском языке. О словосочетании типа «прилагательное + инфинитив» мы считаем возможным говорить лишь в том случае, когда прилагательное управляет инфинитивом, все сочетание объединяется выражением понятия признака и выступает как единый член предложения.

Несмотря на внешнюю структурную однотипность, сочетания типа «прилагательное + инфинитив» различаются по внутренним связям компонентов, по их семантическим взаимоотношениям, и по их смысловой связи со словом, к которому относится все словосочетание. Ср.:

- I. 1. He was *anxious to have a talk* with you (M. Cr., 154);
2. He is *liable to wall her up* if she is unfaithful (E. of Ch., 2, 40);
3. She was *glad to be back* ... (M. C., 3, 271).

- II. 1. Your attitude is *difficult to understand* (C., 236).
2. Maids are so *hard to teach*, nowadays ... (Bl. H., 94).

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 34.

¹² М. А. Жицкая. Сочетание зависимого инфинитива в современном английском языке, стр. 162—176; В. В. Белый. Модальное значение инфинитивных сочетаний в современном английском языке, стр. 140—143.

III. 1. *Nobody is likely to touch them* (Th. M., 34);

2. This is foolish Dinny; we're *certain to be seen* (E. of Ch., 2, 528).

В примерах первой группы прилагательное является ведущим в выражении признака предмета. Инфинитив лишь способствует раскрытию содержания этого признака (желания или склонности) или называет причину возникновения признака (причину радости). Таким образом, прилагательное оказывается ведущим и в грамматическом и в семантическом отношении. Инфинитив представляет своего рода дополняющий член при прилагательном.

Во второй группе примеров взаимоотношение компонентов сочетания предстает в ином виде. Прилагательное само по себе не выражает признака предмета, к которому оно относится. Оно характеризует действие, называя его признак. В первом примере прилагательное *difficult* не выражает признака *your attitude*, точно так же во втором примере имеется в виду не то, что *maids are so hard*, а что *to teach them is hard*. Сочетания такого типа выражают особого рода признак — предмет характеризуется трудностью совершения над ним действия. Грамматически инфинитив примыкает к прилагательному и благодаря ему связан с определяемым; в смысловом отношении прилагательное зависит от инфинитива.

В третьей группе примеров подчиненная в смысловом отношении роль прилагательного видна еще отчетливее. Прилагательное характеризует не предмет, а действие, выраженное инфинитивом. Если во втором типе примеров прилагательное определяло действие с точки зрения трудности его совершения, то в третьем типе примеров прилагательное характеризует действие с точки зрения его вероятности. Только через связь с действием прилагательное оказывается определением слова, с которым соотносится словосочетание. В примерах этого типа большую важность приобретает грамматическая роль прилагательного как слова, вводящего определение, семантически его роль ограничивается сообщением дополнительного модального значения.

Таким образом, рассмотренные с такой точки зрения все словосочетания типа «прилагательное + инфинитив» распадаются на две большие группы.

1. Словосочетания, в которых прилагательному принадлежит ведущая роль как в грамматическом, так и в семантическом отношении. Прилагательное выражает признак предмета, восполненный или уточненный действием. Сюда относятся сочетания инфинитива с прилагательными всех групп нашей классификации.

2. Словосочетания, в которых прилагательное, являясь грамматически ведущим словом, выражает признак действия и только таким опосредствованным путем характеризует предмет. В этой группе выделяются два подтипа, различающиеся по характеру значения прилагательного:

- а) сочетания с прилагательными оценочными, характеризующими действие с точки зрения трудности его выполнения, и
 б) сочетания с прилагательными типа *likely, sure*, которые вносят модальную характеристику действия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Bl. H. — Ch. Dickens. *Bleak House*. M., 1957.
 B. V. — W. Locke. *The Beloved Vagabond*. L.
 C. — A. Cronin. *The Citadel*. M., 1957.
 Ch. — E. Thurston. *Charmeuse*. Tauchn. ed., 1925.
 Em. — J. Austen. *Emma*. Englisch-amerikanische Bibliothek. Bd. IX.
 E. of Ch. — J. Galsworthy. *End of the Chapter*, vol. 1, 2, 3. L.
 Expl. — A. Reeve. *The Exploits of Elaine*. L., 1916.
 It is. — Ch. Reede. *It is Never Too Late to Mend*. Wardlock and Co.
 J. E. — Ch. Bronte. *Jane Eyre*. M., 1952.
 M. C. — J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, vol. 3. M., 1956.
 M. Cr. — G. a. M. Cole. *The Murder at Crome House*. Penguin Books.
 M. Fl. — G. Eliot. *The Mill on the Floss*. L.
 M. R. — A. Christie. *The Murder of Roger Ackroyd*. Penguin Books.
 M. S. — S. Maugham. *The Moon and Sixpence*. Penguin Books.
 Old R. — M. Reed. *Old Rose and Silver*. L., 1916.
 Pr. St. — *Prize Stories* 1957. N. Y., 1957.
 P. Th. — P. Abrahams. *The Path of Thunder*. M., 1953.
 S. C. — Th. Dreiser. *Sister Carrie*. M., 1958.
 Sel. W. — B. Shaw. *Selected Works*. M., 1958.
 S. S. — W. Overhauser. *Steel to the South*. N. Y.
 Th. M. — J. Jerome. *Three Men in a Boat*. M., 1948.
 Three L. — A. Cronin. *Three Loves*. L., 1956.
 V. — Ch. Bronte. *Villette*, vol. 2. Tauchn. ed.
 W. S. — F. Crawford. *The White Sister*. L.
-

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

(на материале образований типа *woman doctor*
в современном английском языке ¹)

Б. И. Грудинко

Одной из важнейших проблем, возникающих при исследовании природы словосочетания, является вопрос о тех связях, которые лежат в основе объединения его компонентов в единое грамматическое и смысловое целое.

Известно, что изучение словосочетания, ограниченное рамками традиционного учения о членах предложения, оказывается малопродуктивным. Возникшее как результат обобщения наблюдений над строем предложения, т. е. качественно иной синтаксической категории, это учение не дает ответа на целый ряд вопросов о специфике словосочетания как самостоятельного объекта лингвистической науки.

Это, в частности, вызывает необходимость детального анализа разнообразных способов семантико-грамматического объединения слов в структуре словосочетаний различных типов. В первую очередь необходимо уточнить вопрос о материальном составе образований типа *woman doctor*, т. е. определить, какой частью речи представлен каждый из их компонентов.

Вопрос о грамматической природе второго компонента представляется вполне ясным. Достаточно указать, что изменяемость по числу [например, *women lawyers* (W. i. P., 128); *girl messengers* (Peck., 62); *men students* (Yost, 83)] характеризует такой компонент как имя существительное. При этом очевидно, что ввиду раздельнооформленности данных образований, присущей

¹ Образования данного типа представляют собой сочетания слов, обозначающих лицо определенного пола — *woman, lady, girl, man, boy* (первый компонент) и имен существительных с общим значением лица — *doctor, writer, friend* (второй компонент). Этот тип образований включает в себя как разнообразность сочетания, состоящие из трех или четырех слов, например, *girl ferrying pilot* (Peck., 9); *woman assistant medical officer* (Sup., 1056). — См. также: Б. И. Грудинко. О структурной природе образований типа *woman doctor* в английском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 283, сер. филол. наук, вып. 56, 1961.

им как сочетаниям слов, флексией множественного числа -s оформляется здесь только второй элемент сочетания, а не все образование в целом.

Относительно первого компонента в исследованиях по грамматике и лексикологии английского языка в целом преобладает мнение о нем, как об имени существительном. Однако отдельные авторы² определяют соответствующие слова в составе данных образований как имена прилагательные.

Последняя точка зрения представляется нам ошибочной. Первые компоненты исследуемых сочетаний не могут рассматриваться как имена прилагательные, поскольку они не обнаруживают ни одного из свойств, присущих этой части речи.

Такие компоненты неспособны: а) сочетаться без союза или посредством союза с именами прилагательными в образовании совместно с ними ряда однородных определений (нельзя сказать, например, *an efficient, girl clerk или *an efficient and girl clerk; *an experienced, woman doctor или *an experienced and woman doctor и т. п.); б) определяться наречиями; в) изменяться по степеням сравнения; г) выступать в форме единственного числа в функции предикативного члена без артикля (нельзя, например, сказать *the new doctor proved to be woman, * the dismissed clerk was girl и т. п.).

Поэтому следует признать, что первый компонент рассматриваемых сочетаний является не прилагательным, а именем существительным. Слова man и woman, выступающие в составе таких сочетаний, обнаруживают, кроме того, изменяемость по числу [например, women musicians (W. i. R., 12); men solicitors (Sup., 1056)] — один из наиболее характерных морфологических признаков имени существительного в современном английском языке, отличающий его от имени прилагательного.

Очевидно, рассматривая первые компоненты как имена прилагательные, либо как «слова, переходящие в прилагательные»,³ либо как «адъективно» употребляемые слова,⁴ равным образом как и «атрибутивные существительные»,⁵ исследователи исходят из того, что в данных образованиях компоненты объединены атрибутивной связью, т. е. находятся в отношениях, которые можно обозначить формулой «определение + определяемое».

Однако образования рассматриваемого типа обнаруживают ряд свойств, отделяющих их и противопоставляющих их сочетаниям атрибутивным. Так, например, в отличие от последних, в иссле-

² M. Deutschbein. System der neuenglische Syntax. Leipzig, 1926, S. 202; G. O. Curme. A Grammar of the English Language, vol. II, 1935, p. 44; см. также: Webster's New International Dictionary.

³ The Oxford English Dictionary, vol. VI. Oxford, 1933, p. M-102.

⁴ Funk and Wagnal's Dictionary.

⁵ E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English, pt. II-3. Groningen, 1932, p. 151; R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar. Groningen, 1950, p. 114; G. Scheurweghs. Present-Day English Syntax. A Survey of Sentence Patterns. L., 1959, p. 48.

двух образованиях второй компонент не может быть заменен словом-заместителем *one*. Подмечая эту особенность, Есперсен указывает: «... вряд ли мы можем сказать *a young actor, almost a boy one*».⁶

Несочетаемость первого компонента рассматриваемых образований со словом-заместителем *one* представляет собой одну из особенностей этих образований, отличающую их от сочетаний слов, объединенных атрибутивной связью.

С другой стороны, первый компонент анализируемых сочетаний способен выступать как заместитель всего сочетания в целом, в то время как атрибутивные сочетания, состоящие из двух имен существительных типа *stone wall*, не могут замещаться самостоятельно употребляемым определительным компонентом:

People just would not come to a *woman doctor* if they could find a *man* in the same building (Seifert, 295).

«It's good wages (75 cents) for a girl» is the reply when the *girl-worker* is asked why she does not get as much as the *boy* across the way (85 cents) (W. i. P., 132).

The testimony of all this evidence is to the effect that the wages of *women workers* range from about two-thirds of those of *men* (W. i. P., 123).

Formerly the numbers of *women immigrants* were appreciably smaller than the numbers of *men* ... (W. a. W., 65).

Совершенно очевидно, что в этих примерах слова *man*, *boy* и *men* употребляются в особом, специальном значении, как семантические эквиваленты сочетаний *man doctor*, *boy worker*, *men worker* и *men immigrants* соответственно, т. е. выступают как заместители таких сочетаний.

Далее, в английском языке в беспредложном синтаксическом построении атрибутивного типа из двух имен существительных только второе слово-компонент прямо соотносено с обозначаемым предметом или явлением, т. е. непосредственно называет его, первый же компонент сочетания всегда выражает лишь тот или иной признак соответствующего предмета или явления.

В связи со строго фиксированным порядком взаиморасположения компонентов в такого рода словосочетаниях по схеме «определение — определяемое» полностью исключаются случаи, когда возникали бы сомнения в отношении того, какую именно из этих функций выполняет каждое из двух сочетающихся слов.

Таким образом, в атрибутивных сочетаниях типа *stone wall* первое слово (определение) всегда выражает зависимое представление о признаке, а второе (определяемое) — господствующее представление о предмете, носителе признака. С точки зрения грамматических отношений эта зависимость оформляется порядком взаиморасположения компонентов.

⁶ O. Jespersen. *Modern English Grammar*, vol. VI. Copenhagen, 1942, p. 148.

Четкое распределение функций каждого из членов атрибутивного сочетания и легкость, с которой всегда можно выделить в них компоненты определительный и определяемый, непосредственно связаны с тем, что только последний из компонентов, отдельно взятый, может служить названием предмета, более точно обозначаемого данным сочетанием. Следовательно, компоненты атрибутивного сочетания в функциональном отношении являются единицами разных планов, их относительная значимость в структуре сочетания неодинакова. Именно поэтому мы и можем говорить об одном слове атрибутивного сочетания как о главном, господствующем, о другом — как о зависимом, подчиненном, причем эта зависимость находит свое грамматическое, формальное выражение.

Особенностью сочетаний типа *woman doctor* является то, что каждое из составляющих их слов входит в один и тот же семантический разряд имен существительных со значением лица. С этой точки зрения оба сочетающиеся слова являются семантически равновесными единицами одного плана; специфика предметной соотнесенности этих слов такова, что в отличие от слов, образующих сочетания атрибутивные, каждое из них способно выступать как название «предмета» (лица), обозначаемого данным сочетанием в целом.

Так, например, лицо, обозначаемое сочетанием *woman doctor* может быть названо как словом *doctor*, так и словом *woman*. То же самое относится и ко всем другим сочетаниям рассматриваемого типа.

Это обстоятельство определяет качественную специфику рассматриваемых образований и резко отделяет их от атрибутивных сочетаний с именем существительным в функции препозитивного определения, столь характерных для современного английского языка.

В образованиях рассматриваемого типа между сочетающимися словами в силу указанных особенностей их семантики возникают сложные и противоречивые отношения, не укладывающиеся в жесткую структурную схему «определение + определяемое».

Функциональное взаимоотношение компонентов в исследуемых образованиях таково, что в противоположность сочетаниям атрибутивным здесь отсутствуют четкие показатели того, который из компонентов выражает представление о «предмете» (лице) и который о признаке. Например:

Women pianists have had a place in radio since the beginning (W. i. R., 12).

Какой из компонентов словосочетания *women pianists* является определением и какой из них представляет собой определяемое? Здесь, по-видимому, возможны две взаимоисключающие точки зрения.

Действительно, теоретически рассуждая, каждый из компо-

нентов образования *women pianists* может быть осмыслен и как определение и как определяемое, т. е. слово *women* может рассматриваться как ограничивающее своим значением значение слова *pianists* либо наоборот. Исходя из этого, данное образование в целом может восприниматься как эквивалентное атрибутивному словосочетанию с главным словом (определяемым) либо *pianists*, либо *women*, т. е. такому, например, как *female pianists* (*France possesses many talented female pianists* (Stant., 295)) или как *women employed as pianists*.

Таким образом, разложить образование *women pianists* на два элемента — определение и определяемое в обычном понимании этих терминов не представляется возможным.

Аналогичную картину с точки зрения взаимоотношений между их компонентами представляют собой выделенные словосочетания и в следующих примерах:

The increase in *women-writers* ... reacted on their connection with journalism ... and gradually nobody thought the introduction of women into this sphere anything out of the common; a *lady journalist*, in fact, was much less remarkable than a *lady doctor* (Enc. Br., 19, 563).

... I heard that it was not uncommon in juvenile courts for *men officers* to be sent to the homes of these delinquent girls ... (W. i. P., 88).

When the *girl draftsman* went to work ... her first job probably was making tracings from engineer's drawings ... (Peck., 68).

Было бы произвольным утверждать, что в сочетаниях *women-writers*, *lady journalist*, *lady doctor*, *men officers*, *girl draftsman* только первый компонент может квалифицироваться как определение, распространяющее второй компонент, т. е. как слово, указывающее на признак, свойственный лицу, обозначенному вторым компонентом сочетания («какие писатели?», «какой журналист?», «какой врач?»). Столь же односторонним было бы и обратное утверждение — что только второй компонент может рассматриваться как определение, выражающее признак, присущий лицу, называемому первым словом сочетания («какая женщина?»).

Рассматриваемые образования сохраняют указанные особенности с точки зрения взаимоотношений между их компонентами и в тех случаях, когда их второй компонент представлен не одним словом, а атрибутивным комплексом, который, взятый в целом, принимается нами за второй компонент сочетаний исследуемого типа. Например:

A report on industry and occupations shows more than 400 000 *women clerical workers* connected with trade ... (Benh., 21).

Many of the *men wireless operators* in the Royal Air Force today received their elementary training in Morse at the hands of *women telegraphists* ... (Taylor, 3).

Women white-collar workers in increasing numbers are seeing the value of organization (W. a. W., 76).

Следует указать, что анализ смыслового содержания текста, из которого извлечены приведенные выше примеры, не дает никаких четких положительных указаний на то, который из двух компонентов словосочетания является логически доминирующим, т. е. выражает господствующее представление о данном лице или группе лиц.

Таким образом, объективная основа для выделения в таких сочетаниях компонентов определительного и определяемого отсутствует и, следовательно, подобное членение их было бы искусственным и основывалось бы целиком на субъективном осмыслении семантической структуры сочетания.

Из всего сказанного вытекает, что отождествление рассматриваемых словосочетаний с сочетаниями атрибутивными является неправомерным.

Существует и другая точка зрения на характер связи, объединяющей компоненты исследуемых образований.

Так, ряд авторов определяют отношения между компонентами сочетаний рассматриваемого типа как отношения аппозиционные.⁷

Насколько же обоснованным является этот взгляд? Согласно наиболее распространенному в языкознании мнению, приложение представляет собой особый вид определения, и соответственно этому отношения аппозиционные рассматриваются как разновидность отношений определительных.⁸ «В определении, понимаемом в обширном смысле, — пишет А. А. Потебня, — различают два частных понятия: собственно определения (*attributum*) и приложения (*appositio*)». ⁹ А. А. Потебня относит к числу сочетаний аппозиционных только такие группы слов, в которых определительный компонент обособлен, и в соответствии с этим проводит различие между приложением («Рафаэль, живописец гениальный...») и собственно определением («живописец Рафаэль»). В связи с этим, по мнению А. А. Потебни, было бы ошибочным считать «что всякое существительное, употребленное атрибутивно (в обширном смысле слова), есть непременно приложение, а не атрибут в тесном смысле...»¹⁰.

⁷ O. Jespersen, op. cit., vol. VI, p. 142; E. Kruisinga, op. cit., pt. II-2, p. 10; pt. II-3, p. 151, 224; M. Deutschbein, op. cit., S. 206; J. C. Nesfield. English Grammar Past and Present. L., 1931, p. 371; H. Kozio. Handbuch der englischen Wortbildungslehre. Heidelberg, 1937, S. 50; Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 114.

⁸ См.: Грамматика русского языка. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 553; С. Г. Бархударов. Грамматика русского языка, ч. II. Синтаксис. М., 1948, стр. 100; А. В. Текучев. Методика грамматического разбора. Минск, 1954, стр. 247.

⁹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I. Введение. Харьков, 1899, стр. 103.

¹⁰ А. А. Потебня, ук. соч., стр. 103.

Несколько иной точки зрения придерживается А. А. Шахматов, согласно которому приложение — «это существительное, употребленное в качестве атрибута к другому существительному»;¹¹ однако и здесь, как мы видим, содержится констатация того, что приложение выполняет определительную функцию.

Именно при таком понимании природы приложения оказывается возможным вывод, к которому приходит А. А. Шахматов, о том, что «во многих случаях грань между приложением и определением стирается».¹²

Такой же взгляд высказывал и Д. Н. Овсяннико-Куликовский, который в «Синтаксисе русского языка» писал: «Определение выражается также именем существительным... В таком употреблении существительные называются атрибутивными. Им-то по преимуществу и присвоено название приложений».¹³

Аналогичным образом трактуется функциональное значение приложения и в большинстве трудов по грамматике английского языка.

Подробное освещение вопрос о приложении в английском языке получает в работе Поутсма, который определяет приложение как «атрибутивное существительное, субстантивное слово или группу слов, указывающие на то же самое лицо, животное или предмет, что и господствующее над ними слово...».¹⁴

Понимание аппозиционной связи как связи, складывающейся на основе определительных отношений, объединяет концепции ряда исследователей синтаксиса английского языка¹⁵ — Крейзинга, Дейчбейна, Керма, Вендта, Несфильда, Онионза и др.

Такую же точку зрения мы находим и в работах советских англистов.¹⁶

Расхождения во взглядах на природу приложения между отдельными авторами проявляются главным образом в трактовке частных вопросов этой проблемы, таких, как способы выражения приложения, границы между приложением и определением и т. п. Что же касается однородного характера функций, выполняемых приложением и определением, то в этом вопросе разногласий не

¹¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. 2-е. Л., 1941, стр. 39.

¹² Там же, стр. 280.

¹³ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1902, стр. 220.

¹⁴ H. Poutsma. A Grammar of Late Modern English, p. I. The Sentence, 1-st Half. The Elements of the Sentence, 2-nd ed. Groningen, 1928, p. 268.

¹⁵ E. Kruisinga, op. cit., pt. II-3, p. 151; M. Deutschbein, op. cit., S. 206; G. Curme, op. cit., vol. III, p. 88; G. Wendt. Syntax des heutigen Englisch. II Teil. Die Satzlehre. Heidelberg, 1914, p. 77; J. C. Nesfield, op. cit., pp. 5, 214; C. T. Onions. An Advanced English Syntax, 6-th ed. L., 1932, pp. 12, 43.

¹⁶ См.: В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956, стр. 290; Л. П. Винокурова. Грамматика английского языка. Л., 1954, стр. 272; Н. Ф. Иртеньева. Грамматика современного английского языка (Теоретический курс). М., 1956, стр. 181.

обнаруживается. Такой подход к данной проблеме находит свое отражение и в той терминологии, которой пользуются исследователи при рассмотрении аппозиционных сочетаний: при разложении подобных синтаксических групп на составляющие их компоненты господствующий член сочетания неизменно квалифицируется как «определяемое» слово (или группа слов), как компонент, «определяемый» приложением.

Таким образом, с функциональной точки зрения отношения между компонентами аппозиционного словосочетания отождествляются с отношениями между словами в сочетании атрибутивном. Естественно при этом, что отнесение той или иной группы слов к аппозиционным образованиям будет правомерным лишь в том случае, если данная синтаксическая группа поддается членению на основании объективных данных на «определяемое» и «приложение».

Вместе с тем в лингвистической литературе мы иногда встречаемся со случаями, когда при трактовке частных языковых фактов аппозиционные отношения между словами усматриваются и там, где отсутствует объективная основа для разложения сочетания на определительный и определяемый компоненты. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует следующее замечание акад. А. А. Шахматова: «Нередко представляется затруднительным решить, которое из двух сочетавшихся для выражения одного представления слов является господствующим и которое зависимым от него, т. е. приложением ... Ввиду этого приложение можно охарактеризовать как название существительного, определяющего другое существительное; решение того, которое из обоих существительных определяющее, которое определяемое, предоставляется говорящему и слушающему».¹⁷

Любопытно, что ту же самую мысль повторяет в по существу аналогичной формулировке и видный исследователь английского языка Крейзинга, который по этому поводу пишет: «В тех случаях, когда лицо или предмет обозначается двумя существительными, часто представляется трудным сказать, которое из них является господствующим словом».¹⁸

С другой стороны, акад. А. А. Шахматов указывает, что «нередко господствующее слово с приложением сливаются в одно сочетание, сочетание неразделимое, где, следовательно, уже не различаются приложение и господствующее слово».¹⁹ В подобных случаях, как нам представляется, снимается и сам по себе вопрос об аппозиционных отношениях между сочетающимися словами.

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что в связи с отсутствием четких формальных признаков у приложения (необособленного), которые устанавливали бы строго опреде-

¹⁷ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 39.

¹⁸ Цит. по Н. Poutsma, op. cit., p. 269.

¹⁹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 290.

ленные границы и объем этой синтаксической категории, под понятие «приложение» иногда необоснованно подводятся явления совершенно разных планов.

Образования типа *woman doctor*, как мы видели, не поддаются членению на два функционально противоположных компонента — определительный и определяемый, и поэтому подведение их под рубрику словосочетаний аппозиционных представляется частным случаем неправомерного расширения понятия аппозиционной связи.

Иллюстрацией того, насколько искусственны и субъективны в своей основе попытки разложить исследуемые сочетания на компоненты определительный и определяемый, может служить следующая выдержка из «Грамматики современного английского языка» Есперсена. По поводу рассматриваемых нами образований, трактуемых им как «аппозиционные сложные слова» (*appositional compounds*), Есперсен пишет: «Даже если и можно сказать, что их члены находятся в аппозиционной связи и, таким образом, являются равноправными («равносильными»), один из них часто воспринимается как преобладающий над другим. Так, например, возможно, что сочетание *boy-king* не следует понимать как „человеческое существо, которое является одновременно и мальчиком и королем“; это сочетание может быть расшифровано как „мальчик, который является к тому же королем! (определяемое — первый элемент)“, или более вероятно — как „король, который является к тому же (только) мальчиком (еще)“ (определяемое — второй элемент!)».²⁰

В этом высказывании Есперсена обращает на себя внимание противоречивая трактовка характера аппозиционной связи, поскольку понимание ее как связи между равноправными, т. е. не подчиненными один другому элементами (этого взгляда придерживается Есперсен в отличие от других лингвистов), несовместимо с утверждением о «преобладании» одного из этих элементов над другим.

Заслуживает внимания расхождение во взглядах по этому вопросу между Есперсеном и Дейчбейном. Соотношение между компонентами подобных образований представляется Дейчбейну прямо противоположным тому, которое Есперсену кажется наиболее вероятным. Это видно из следующей схемы, которую приводит Дейчбейн в качестве иллюстрации своего тезиса о том, что такие образования представляют собой продукт процесса «конденсации»:

Boy actor = a boy (who is an) actor > a boy actor.²¹

Однако, как и Есперсен, Дейчбейн не приводит никаких доводов в обоснование своей точки зрения и поэтому она представляется столь же субъективной, как и мнение Есперсена.

²⁰ O. Jespersen. *A Modern English Grammar*, p. VI. *Morphology*. L., 1946, p. 147.

²¹ M. Deutschbein, *op. cit.*, p. 206.

Такой же недостаток обнаруживается и в трактовке Крейзинга, который по неизвестным причинам усматривает различие во взаимоотношениях между компонентами сочетания *man student*, с одной стороны, и *man dressmaker* — с другой, считая, что в первом из них компоненты находятся в отношениях определения — определяемого, в то время как во втором они равноправны.²²

Произвольный характер подобных суждений очевиден. Возможно, что в отдельных, относительно редких случаях равновесие между компонентами того или иного сочетания с точки зрения логических отношений оказывается не вполне устойчивым. Зависит это, однако, не от каких-то имманентных свойств данного сочетания, обусловливаемых индивидуальной характеристикой входящих в него слов, как это следует из утверждений Крейзинга, а от общего смыслового содержания того высказывания, в котором реализуется данное сочетание.

Проиллюстрируем это положение на двух примерах употребления образования *women scientists*.

Эдна Йост в предисловии к своей книге следующим образом разъясняет, почему она избрала общей темой своих очерков жизнь и труд женщин-ученых:

Why did I choose *women scientists*? First of all because modern science holds great fascination for me . . .²³

По-видимому, в данном высказывании линией ассоциативного противопоставления «женщины-ученые» связываются с «женщинами-журналистами», «женщинами-адвокатами» и т. п. (а не с «мужчинами-учеными»), и в силу этого второй компонент скорее вызывает представление о признаке, а первый о лице — носителе данного признака.

С другой стороны, «... such laboratories were still closed as a rule to *women scientists* in America».²⁴

Если исходить из того, что в этом случае «женщины-ученые» противопоставляются «мужчинам-ученым» как лицам, имеющим в США более свободный доступ к исследовательской работе в научных лабораториях, то, вероятно, соотношение между компонентами сочетания с точки зрения выражаемых ими представлений о признаке и носителе признака будет обратным тому, которое отмечалось в предыдущем примере. Очевидно, что это соотношение в корне изменится, если принять, что основанием для противопоставления служит признак профессиональной принадлежности, т. е. что женщины-ученые противопоставляются, например, женщинам — техническим работникам лабораторий.

Вместе с тем следует отметить, что анализ смыслового содержания соответствующего текста, выявление семантико-грамматических связей и смысловых соотношений между сочетанием

²² E. Kruisinga, op. cit., pt. II-3, p. 224.

²³ Edna Yost. *American Women of Science*. N. Y., 1943, p. XI.

²⁴ Edna Yost, op. cit., p. 70.

и его контекстуальным окружением не приводят к обнаружению четких и положительных показателей, которые создали бы объективную основу для деления словосочетания на два функционально противоположных элемента. В этих условиях, как нам представляется, сама по себе постановка вопроса о членении сочетания на грамматически господствующее слово и грамматически зависимое подчиненное слово ввиду отсутствия так или иначе формально выраженных отношений зависимости оказывается неправомерной. Критерий для такого членения, основывающийся исключительно на смысловых соотношениях, вообще, слишком абстрактен и, будучи совершенно оторванным от формы языкового выражения, неграмматичен.

Из всего изложенного следует, что мы имеем дело с образованиями особого типа, которые в силу присущей им специфики отделяются от словосочетаний как атрибутивных, так и аппозиционных.

Рассматриваемые образования в функциональном и структурном отношении обладают некоторыми сходными чертами с образованиями типа «женщина-врач» в русском языке, которые также обычно трактуются как сочетания аппозиционные.

Оригинальную точку зрения на природу таких сочетаний мы находим у А. М. Пешковского, который, анализируя сочетания типа «женщина-врач» в русском языке, говорит: «Отношения между двумя представлениями грамматически здесь сводятся только к тому, что оба они обозначают один и тот же реальный предмет, и по этому признаку представления эти, конечно, абсолютно одинаково относятся друг к другу. Логически и словарно они часто бывают в неравных отношениях друг к другу... и это лежит в основе школьного учения о „приложении“».²⁵ «Это все случаи, — продолжает А. М. Пешковский, — где школьник мучается в разыскании „приложения“ и того, к чему оно приложено. На самом деле отношения здесь всегда взаимно совпадающие...».²⁶

Исходя из этого, он приходит к выводу, что в таких образованиях, как «женщина-врач», с точки зрения грамматической, «оба существительных совершенно равноправны и являют собой сочинительный, а не подчинительный тип связи»²⁷ На этом основании А. М. Пешковский объединяет подобные образования с сочетаниями слов, выступающих как однородные члены предложения, в категорию сочетаний сочинительных.

Такое решение вопроса не представляется достаточно обоснованным.

²⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е. М., 1938, стр. 79. — В попытке А. М. Пешковского установить грамматические отношения между словами на базе их предметной соотнесенности обнаруживается очевидное смешение языковых и вещественно-логических понятий.

²⁶ Там же, стр. 79.

²⁷ Там же, стр. 152.

Слова, выполняющие функцию однородных членов предложения, обозначают однородные, сходные или противоположаемые, но разные и независимые предметы и явления реальной действительности, либо разные признаки этих предметов или явлений.

Выполняя в строе предложения одинаковые синтаксические функции, такие слова объединяются одинаковым синтаксическим отношением к одному и тому же члену предложения; они характеризуются интонацией перечисления или сопоставления и соединяются друг с другом сочинительными союзами или соединительными паузами.

Что касается таких образований, как «женщина-врач» в русском языке, равно как и сочетаний типа *woman doctor* в английском языке, то они представляют собой объединения слов, обозначающих одно и то же лицо (или группу лиц), т. е. один и тот же реальный «предмет». Компоненты таких сочетаний не связаны между собой однородностью синтаксической функции и не обнаруживают тех формальных признаков, которыми характеризуются слова, объединенные сочинительной связью.

Таким образом, речь идет о типологических различиях в смысловой структуре, синтаксическом содержании и формальных признаках соответствующих образований, что препятствует осмыслению их как сочетаний слов, объединенных синтаксической связью одного и того же типа.

Итак, исследуемые образования в английском языке не являются сочетаниями, основанными на сочинительной связи.

С другой стороны, как было установлено, они также не представляют собой таких сочетаний, в составе которых один из компонентов выделялся бы как господствующий (определяемое), а другой — как зависимый, подчиненный (определение, приложение). Мы полагаем, что образования рассматриваемого типа по характеру соотношения их компонентов принадлежат к числу тех явлений языка, на существование которых указывает акад. В. В. Виноградов, констатируя, что «во многих случаях трудно говорить о подчинении одного синтаксического элемента другому. В таких случаях речь может идти лишь о „взаимоподчинении“ (или „соподчинении“, по терминологии А. А. Шахматова, о взаимодействии, о соотносительности и взаимной обусловленности».²⁸

В связи с этим представляется целесообразным в общем вопросе о взаимоотношениях между компонентами рассматриваемых сочетаний выделить два частных вопроса: а) о характере семантических отношений между сочетающимися словами и б) о способе соединения этих слов в структуре словосочетания с точки зрения грамматических отношений.

²⁸ В. В. Виноградов. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 64—65.

С точки зрения семантических отношений связь между словами, вступающими в сочетания рассматриваемого типа, можно определить как связь взаимно-ограничительную, имея в виду, что значение каждого из слов-компонентов ограничивает значение другого.

Очевидно, соединение компонентов в таких сочетаниях осуществляется по способу, который можно определить как соположение. Однако способ этот не является единственным средством структурного оформления сочетания: одновременно с ним действуют и другие факторы.

Как мы видели, отношения между компонентами анализируемых словосочетаний не представляют собой отношений атрибутивных или аппозиционных. Очевидно, по своей природе они не могут быть подведены и под рубрики отношений предикативных, объектных или обстоятельственных. В силу присущей им специфики они резко отделяются от отношений между однородными членами предложения. Из всего сказанного вытекает, что рассматриваемые словосочетания выступают в строе предложения не как объединение двух его членов, а как один член предложения, неделимый в своем составе на синтаксические элементы того же плана.

При этом данное положение относится не только к сочетаниям двусловным, но и к таким, которые состоят из трех и даже четырех слов²⁹ и которые можно условно обозначить термином «многословные сочетания». Например:

These same special reports ... show that from over 12,000 to over 31,000 *women agricultural workers* were enrolled as job seekers at different times (Benh., 29).

... although women might do creditable work in applying scientific principles discovered by *men research students*, they did not possess capacity for research in „pure science“ itself (Yost, 78).

In order to ease the strain due to Sunday work, a band of *women relief munition workers*, educated women of the leisured class, were trained ... (Sup., 1059).

Образования такого рода отличаются от сочетаний двусловных только лишь тем, что в них первый компонент вступает в сочетание не с отдельным словом, а с атрибутивным комплексом, который, взятый в целом, принимается нами за второй компонент сочетаний рассматриваемого типа. Что же касается отношений между первым компонентом сочетания и таким атрибутивным комплексом (второй компонент), то, как мы видели, они являются собой полную аналогию тем отношениям, которые существуют между словами в сочетаниях двусловных, имея в виду отсутствие в обоих случаях таких объективных данных, которые позволили бы квалифицировать один из компонентов как господ-

²⁹ Сочетаний рассматриваемого типа с количеством слов более четырех в исследованном материале не встретилось.

ствующий (определяемый), а другой — как зависимый (определение или приложение).

Следовательно, состав многословного сочетания разложению на два отдельных члена предложения не поддается.

Здесь на первый взгляд возникает противоречие, которое заключается в том, что при такой трактовке слово (или группа слов), занимающее внутреннее положение в многословном сочетании и выполняющее определительную функцию, как самостоятельный член соответствующего предложения не выделяется. Вместе с тем отношения между словами, образующими второй компонент многословного сочетания, представляют собой не что иное, как отношения «определения — определяемого». Например:

Though the increase in numbers as compared to 1910 was largely in women's traditional fields of teaching and nursing, one tenth of the growth was in the number of *women professional helpers* ... (Green, 2).

... I found a *man probation officer* had been visiting some of the girls ... (W. i. P., 88).

In 1921 there was a recrudescence of the policy of dismissing married medical women begun by the metropolitan borough of St. Pancras dismissing ... its *woman assistant medical officer* ... (Sup., 1056).

В выделенных сочетаниях слова *professional* и *probation* определяют имена существительные *helpers* и *officer* соответственно. В сочетании *woman assistant medical officer* слова *assistant* и *medical* выполняют функцию неоднородных определений к слову *officer*.

Однако из всего изложенного выше ясно, что значение таких определительных связей замыкается рамками данного сочетания и что эти связи не представляют собой структурного фактора в сфере строя предложения. Иначе говоря, значение соответствующих слов (или групп слов) как определений ограничивается пределами данного сочетания, качеством же определения как члена предложения эти слова (или группы слов) не обладают.

Следовательно, то что является единицей, выделяемой при исследовании состава словосочетания, при разборе по членам предложения в качестве самостоятельного элемента этого более сложного синтаксического единства может и не выделяться.

Отрицать возможность такого положения по существу означало бы ставить знак равенства между словосочетанием и соединением двух членов предложения, а в этом случае «учение о словосочетании пришлось бы целиком подчинить разбору по членам предложения, и тогда оно в сущности утратило бы всякий смысл, оказавшись как бы перелицовкой учения о членах предложения».³⁰

³⁰ В. Н. Ярцева. Предложение и словосочетание. Сб. «Вопросы грамматического строя». М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 443.

Поэтому если признать, что «анализ отношений слов внутри словосочетания не всегда может служить основанием для определения того или иного члена предложения»,³¹ то кажущееся противоречие, о котором шла речь, на самом деле оказывается вполне закономерным явлением.

Таким образом, независимо от количества составляющих их слов образования типа *woman doctor* выступают в предложении как один член этого синтаксического единства и, следовательно, представляют собой особый вид синтаксически неразложимых словосочетаний.

Из этого следует, что в составе предложения ни первый, ни второй компонент данных сочетаний не обладает автономией, т. е. сам по себе, взятый в отдельности, не является членом предложения и не соединяется с тем или иным членом предложения в порядке прямой и самостоятельной связи.

Например, в предложении *Men unionists were forced to realize that as long as manufacturers could turn to a cheap supply of women labourers ... their own security was threatened* (W. a. W., 29) ни один из компонентов сочетания *men unionists* непосредственно со сказуемым *were forced* не связан, поскольку в составе данной группы слов собственно подлежащее и зависимое от него слово не выделяются: функцию подлежащего выполняет все сочетание в целом. Компоненты сочетания *women labourers*, выступающего как один член предложения — предложное определение к дополнению *supply*, самостоятельными синтаксическими отношениями с этим словом не связаны.

В предложении *When, in 1913, Denver adopted a commission form of government, it had in office a woman recorder, Lucy I. Harrington ...* (W. i. P., 76) функцию дополнения к сказуемому *had* выполняет сочетание *woman recorder* в целом, а не один из его компонентов, поскольку данное сочетание членению на собственно дополнение и относящееся к нему зависимое слово не поддается. В силу той же причины обособленное приложение *Lucy I. Harrington*, распространяющее это сочетание, не относится непосредственно ни к одному из составляющих его слов, определяя данное сочетание как единое целое.

По существу такие же отношения мы находим и в следующем примере, где обособленное приложение, вклиниваясь между компонентами сочетания, одновременно и разделяет и объединяет эти компоненты:

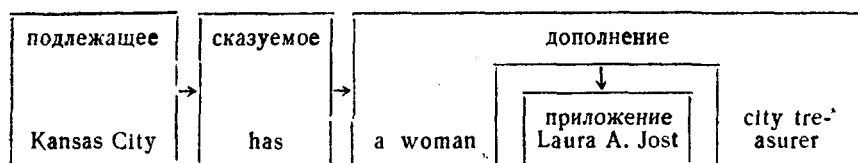
Kansas City has a woman, Laura A. Jost, city treasurer (W. i. P., 76).

Совершенно очевидно, что группа слов *woman, Laura A. Jost, city treasurer* не может рассматриваться как объединение слова *woman* с приложением *Laura A. Jost*, распространяемым в свою

³¹ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 524.

очередь сочетанием *city treasurer*. Такое понимание взаимоотношений между членами в структуре данной группы слов исключается, так как при нем смысловое содержание предложения в целом представляется логически необоснованным (ср. *Kansas City has a woman... (?)*).

Обособленное приложение *Laura A. Jost* в приведенном примере, несмотря на свое местоположение, относится не к отдельно взятому слову *woman*, а ко всему сочетанию *woman city treasurer* в целом, объединяя своим отношением его внешне разомкнутые части. По отношению к сказуемому *has* это словосочетание также выступает как неразложимая на отдельные члены предложения группа слов, выполняющая функцию дополнения. Графически отношения между членами данного предложения можно изобразить в виде следующей схемы, где стрелки, соединяющие связанные между собой члены предложения, ориентированы в направлении от господствующего члена к зависимому:

Подтверждение правильности такого анализа синтаксических соотношений мы находим в том, что только при нем данное предложение в целом оказывается логически мотивированной единицей сообщения.

Аналогичные примеры:

San Diego, California, has a woman, Miriam E. Rains, city recorder (W. i. P., 76).

Denver also has a woman, Ellis Meredith Clement, president of its elections commission ... (W. i. P., 76).

В данных случаях, как мы видим, соположение, как способ соединения компонентов в структуре сочетания, оказывается не обязательным.³²

Таким образом, если в сочетаниях, основанных на атрибутивных, аппозиционных, предикативных, объектных и обстоятельственных отношениях между составляющими их словами, каждый их компонент соединяется в строе предложения с другим, синтаксически связанным с ним словом (в том числе и с другим компонентом данного сочетания), как один член предложения

³² В этой связи интересно отметить следующее высказывание В. Н. Ярцевой: «Преувеличенное внимание к вопросам сопологаемости членов словосочетания и выделение этого момента как структурного критерия без учета других сторон дела не кажется нам правильным» (В. Н. Ярцева, ук. соч., стр. 446). Вопрос о том, в какой мере соположение членов словосочетания необходимо для его выделяемости, рассматривается, однако, В. Н. Ярцевой на другом материале и в ином аспекте.

с другим, то компоненты образований рассматриваемого типа, не обладая качеством членов предложения, в отдельности, т. е. сами по себе, ни с одним из выделяемых членов данного предложения непосредственно и самостоятельно не связаны. Связь таких компонентов с тем или иным членом предложения опосредствована через синтаксическое отношение к этому члену предложения всего данного словосочетания в целом. Этой особенностью рассматриваемые сочетания отличаются и от однородных членов предложения, которые объединяются одинаковым, но самостоятельным для каждого из них отношением к одному и тому же члену предложения.

Итак, в основе соединения компонентов в структуре сочетаний рассматриваемого типа лежат как семантические, так и синтаксические моменты. В плане семантическом связь, которую можно определить как связь взаимно-ограничительную, объединяет компоненты сочетания в тесно спаянное смысловое единство, отражающее взаимное скрещение соответственно обозначаемых ими понятий. Одновременно в строе предложения роль оформителя связи между компонентами сочетания выполняет синтаксическое отношение того или иного члена предложения ко всему сочетанию в целом, как к одному члену предложения, как к цельной, неделимой в масштабах предложения единице.

Связь между компонентами сочетания, обуславливаемая совокупным действием этих моментов, оказывается столь прочной, что принцип соположения как средство оформления структуры сочетания в отдельных случаях представляется факультативным.

В многословных сочетаниях данного типа значение внутренних определительных связей локализуется в рамках структуры словосочетания. В качестве конструктивного элемента строя предложения как такового эти связи не выступают.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Benh. — E. D. Benham. *The Woman Wage Earner*. Wash., 1939.
Enc. Br., 19 — *Encyclopaedia Britannica*, vol. 19, 1911.
Green — C. M. Green. *The Role of Women as Production Workers*. Northampton, 1946.
Peck. — B. Peckham. *Women in Aviation*. Edinburgh, 1945.
Seifert — E. Seifert. *A Certain Doctor French*. N. Y., 1943.
Stant. — Th. Stanton. *The Women Question in Europe*. L., 1884.
Sup. — Supplement, vol. III. *Encyclopaedia Britannica*. 1926.
Taylor — L. Taylor. *Airwomen's Work*. L., 1943.
W. a. W. — *Women at Work*. U. S. Women's Bureau Bull. No 161. Wash., 1939.
W. i. P. — *Women in Public Life*. Phil., 1944.
W. i. R. — *Women in Radio*. U. S. Women's Bureau Bull. No 222. Wash., 1947.
Yost — E. Yost. *American Women of Science*. N. Y., 1943.
-

ВТОРИЧНАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Зверева

К числу модальных глаголов в германских языках обычно относятся глаголы, объединяемые общностью происхождения (в большинстве своем это глаголы, восходящие к группе претерито-презентных), рядом морфологических особенностей, общностью лексического значения и выполняемой ими синтаксической функцией. Своеобразием основного лексического значения модальных глаголов, заключающегося в выражении различных оттенков модальности, обусловлено то, что модальные глаголы выполняют в предложении лишь одну синтаксическую функцию — функцию первого члена глагольного модального составного сказуемого.

Широта и отвлеченность лексического значения модальных глаголов служит предпосылкой тому, что это значение имеет тенденцию к ослаблению в большей или меньшей степени, в результате чего некоторые модальные глаголы могут подвергаться полной грамматизации, превращаясь во вспомогательные глаголы аналитических глагольных форм (*shall, will, should, would*).¹

С вопросом об ослаблении лексического значения модальных глаголов связан вопрос о их вторичной функции. Двойная функция модальных глаголов рассматривается в работах, посвященных прежде всего немецким модальным глаголам, в которых высказывается мысль о том, что, выполняя одну и ту же синтаксическую функцию — первого члена составного глагольного ска-

¹ См.: В. М. Жирмунский. О границах слова. ВЯ, 1961, № 3, стр. 15—16. О двойной функции модальных глаголов, связанной с обособлением их лексического значения, см.: Т. В. Борисова. О значении и употреблении модальных глаголов в современном немецком языке. Тр. Военного ин-та иностр. языков, 1954, № 5; О. И. Москальская. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. ВЯ, 1961, № 5. Отчасти этот вопрос затрагивается в статье Л. М. Каннер. «О выражении модальности претерито-презентными глаголами в древневерхненемецкий период». (Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 190, ч. 1, 1959).

зуемого, модальные глаголы выступают в двух различных функциях. Первичная и основная функция модальных глаголов состоит в том, что они выражают модальное отношение между субъектом действия и действием, выраженным инфинитивом: He must work. Вторичная, более поздняя функция модальных глаголов заключается в выражении модального отношения говорящего ко всему предложению: He must be there.²

Задача данной статьи — показать употребление модальных глаголов современного английского языка во вторичной функции и изменение их лексического значения при таком употреблении.³

При употреблении в основной, первичной функции модальные глаголы передают различные оттенки значения необходимости (must, should, ought), возможности (can, could, may, might), значение воли, готовности или (при отрицании) отказа сделать что-либо (will, would) и значение надобности или (при отрицании) ненадобности совершать какое-то действие (need). При переходе к вторичной функции лексические значения всех модальных глаголов в большей или меньшей степени изменяются, поскольку все они начинают выражать различные оттенки нового модального значения — значения предположения.

Рассмотрим употребление отдельных модальных глаголов во вторичной функции.

Модальные глаголы, основным значением которых при употреблении в первичной функции является значение необходимости (глаголы must, should и ought), во вторичной функции развивают значение предположения, в обоснованности которого говорящий в достаточной степени уверен.

Глагол must в значении предположения, как и другие модальные глаголы, может употребляться в сочетании как с неперфектным, так и с перфектным инфинитивом. Сочетание неперфектного инфинитива с глаголом must означает одновременность данного действия (или состояния) с высказыванием предположения; сочетание перфектного инфинитива с глаголом must означает, что предполагаемое действие (или состояние) предшествует высказыванию предположения и, как правило, относится к прошедшему времени, причем само предположение может относиться как к настоящему, так и к прошедшему времени:

... he *must have* a lot of money — he *must have* more money than he knows what to do with! ... (G., Man, 30) (и предполагаемое состояние, и предположение относятся к настоящему времени).

² Примеры взяты из статьи О. И. Москальской, в которой они приводятся наряду с немецкими и французскими примерами: Er muß arbeiten — Er muß zu Hause sein; Il doit travailler — Il doit être ici (стр. 91).

³ Исключением является глагол shall в форме настоящего времени, который во вторичной функции не употребляется.

It became clear that much of the planet *must be made up* of a light substance (Nature, 278) (предполагаемое состояние одновременно высказываемому предположению, но предположение относится к прошедшему времени).

«The good man who did that», he thought, «*must have been* as blind as a bat» (Wells, 49).

The coins of Agathocles show that he *must have ruled* for some time after Pantaleon's death (Narain, 61) (предположение по поводу событий в прошлом относится к настоящему времени).

He decided he *must have fallen* (Wells, 46) (в прошлом было сделано предположение по поводу предшествовавших ему событий).

Для выражения предполагаемого действия в будущем глагол *must* не употребляется; не употребляется он во вторичной функции также в отрицательных предложениях. Примеры употребления глагола *must* в значении предположения в вопросительном предложении единичны, и почти все эти вопросы носят риторический характер:

What *must* he have thought of me? (Christie, 90). But how much *must* that old woman know! (S. M., Stories, 717).

Глаголы *should* и *ought* при употреблении во вторичной функции также имеют значение предположения. По мнению А. С. Хорнби, глаголы *should* и *ought* передают вероятность совершения действия, основанную на определенных обстоятельствах.⁴ Однако и глагол *must* выражает предположение, большей частью чем-то обоснованное и почти граничащее с уверенностью. Характерно, что глагол *must* в этом значении часто употребляется при наличии таких сочетаний и слов, как *it became clear, he knew, certainly* и т. п. По-видимому, особые оттенки значения необходимости, отличающие каждый из этих трех глаголов, при их употреблении во вторичной функции стираются, и все три глагола выражают предположение, обоснованное какими-то обстоятельствами. Различие между ними заключается в степени употребительности. Если глагол *must* во вторичной функции чрезвычайно употребителен в литературе любого стиля, то глаголы *ought* и в особенности *should* в значении предположения встречаются редко, причем глагол *ought* употребляется преимущественно в художественной литературе.

Сочетание неперфектного инфинитива с глаголом *ought* может означать предполагаемое действие (или состояние) не только в настоящем, но и в будущем:

«Land *ought to be very dear* about here», he said (G., Man, 58).

At any rate, Sir Eustace, he thinks so and he *should be in a position* to know (Christie, 62).

It should be comparatively rarely, however, that these equations have actually to be used in the interpretation of an experi-

⁴ А. С. Хорнби. Конструкции и обороты современного английского языка. М., Учпедгиз, 1957, стр. 290.

ment (Wilkinson, 253) (предположение и предполагаемое состояние относятся к настоящему времени).

«With my knowledge of languages I *ought to be of some service* in the Censorship Department...» (S. M., Stories, 808) (предполагаемое состояние относится к будущему времени).

In any case, in spite of Cooper, the pronunciation was not always a vulgarism; witness Cranmer who *ought certainly to have known* the pronunciation of the word (Wyld, 229).

Fortunately an Italian lady, who *ought to have been saying* her prayers, came to the rescue (Forster, 26) (предполагаемое действие или состояние предшествовало высказыванию предположения).

Глагол *ought* в значении предположения может употребляться не только в утвердительном, но и в отрицательном предложении:

It ought not to be very hard to find a man who is prepared to come and talk German to me for an hour a day (S. M., Stories, 801).

Здесь отрицание относится, однако, не к модальному глаголу, а к инфинитиву (*Вероятно, не очень трудно* найти ...), т. е. к предполагаемому состоянию.

Значение предположения, передаваемое глаголом *will*,⁵ отличается от значения предположения, передаваемого глаголами *must*, *ought* и *should*, тем, что это предположение, основанное не на фактах, а скорее на субъективном мнении говорящего, и глагол *will* употребляется в сочетании не с такими словами, как *I know*, *certainly*, а с такими, как *I suppose*, *I expect*, и т. п.

Глагол *will* употребляется гораздо реже, чем глагол *must*, и его употребление более характерно для художественной литературы и в особенности для диалога.

В значении предположения глагол *will* может употребляться в форме настоящего (*will*) и прошедшего времени (*would*).

Сочетание глагола *will* с неперфектным инфинитивом означает, что предполагаемое действие или состояние одновременно высказываемому предположению и относится к настоящему времени:

«It's not like Jolyon to be late!» he said to Irene, with uncontrollable vexation. «I suppose it'll *be June* keeping him!» (G., Man, 54).

Сочетание глагола *will* с перфектным инфинитивом означает, что действие, выраженное инфинитивом, предшествует высказыванию предположения, причем перфектный инфинитив передает то же временное значение, какое обычно передается посредством Present Perfect, т. е. выражает действие, уже совершившееся, но связанное с настоящим:

Mrs. Lacy and Major Lacy have been here some time ... Frith *will have taken* them to the morning-room (Maurier, 107).

⁵ Возможно, что значение предположения развилось не из модального значения глагола *will*, а из формы будущего времени.

Сочетание формы прошедшего времени *would* с неперфектным инфинитивом двусмысленно. Во-первых, форма *would* может быть обусловлена правилом согласования времен.

Например, предложение *Jon would be in London by now in the Park perhaps, crossing the Serpentine* (G., Let, 138) 'Джон сейчас, вероятно, уже в Лондоне ...' представляет собой не собственно прямую речь, относящуюся к прошедшему времени.

Во-вторых, форма *would* может употребляться самостоятельно; тогда ее сочетание с неперфектным инфинитивом означает предположение, сделанное в настоящем, относительно действия (или состояния), имевшего место в прошлом, т. е. действия, которое обозначается посредством Past Indefinite:

«There were Dornfords when I was a girl. Where was that? Oh! Algeciras! He was a Colonel at Gibraltar».

«That *would be his father*, I expect» (G., End, 22).

This would be the state of things at Verulamium or Silchester about A. D. 150 (Shears, 39).

Сочетание формы *would* с перфектным инфинитивом, по-видимому, синонимично сочетанию *would* с неперфектным инфинитивом:

At four he *would have looked* the same as now (Rawlings, 260) '... вероятно, выглядел ...' (речь идет о двенадцатилетнем мальчике).

The fish called *qêraq* by the Greenlanders *would then have got* this name from its most striking characteristic, the conspicuous teeth (Studia, 29) '... вероятно, получила свое название ...'

Глагол *can*, основным модальным значением которого является значение реальной возможности совершения действия в настоящем, во вторичной функции употребляется главным образом в отрицательных предложениях. В тех случаях, когда глагол *can* встречается в утвердительных по форме предложениях, в них лексически указывается на отсутствие действия или его ограниченность (при помощи слов *hardly, scarcely, only, little, few* и т. п.).

При употреблении во вторичной функции глагол *can* в сочетании с отрицанием означает невероятность совершения того или иного действия или наличия какого-то состояния. Можно предположить, что глагол *can* при этом синонимичен глаголу *must* во вторичной функции; различие между ними идет по линии употребления: глагол *can* употребляется в отрицательных или вопросительных предложениях, глагол *must* — в утвердительных.

В сочетании с неперфектным инфинитивом глагол *can* (с отрицанием) означает невероятность совершения действия в настоящем, значительно реже — в будущем.

It must be a mistake. She *can't want* me (S. M., Stories, 711).

The theory that ME and early Mod. E had the Fr. sound [y] in words like 'duke' etc., *cannot be right*. (Jesp., 103).

... if they want to see him they'd better see him now. He *can't* last much longer ... (S. M., Novels, 30) '... не может быть, чтобы он долго протянул...'

В последнем предложении состояние, по поводу которого высказывается предположение, относится к будущему времени.

Отенок значения невероятности сохраняется и в вопросительном предложении:

How could — how *could* Dad *be* dead, when only an hour ago — — ! (G., Let, 249) (форма *could* здесь употреблена по согласованию времен в несобственно прямой речи).

What *can* Freddy *be* doing all this time? He's been gone twenty minutes (Shaw, 4).

Сочетание глагола *can* с перфектным инфинитивом означает, что в настоящее время делается предположение о невероятности того, что данное действие (или состояние) имело место, или же о его ограниченности.

Mrs. Albert Forrester's previous works have been so widely advertised that they *can scarcely have escaped* the cultured reader's attention (S. M., Stories, 567).

A ditch on the Roman side of the wall (Hadrian's Wall) *cannot have been intended* as a military obstacle; it was probably built for the convenience of the customs officials (Woodward, 4).

Such small enclosures ... *cannot be* villages ... but *can only have served* as domicile of a warlike chief and his retainers (Childe, 197).

Как можно видеть из приведенных примеров, глагол *can* во вторичной функции употребляется как в художественной, так и в научной литературе, причем для научной литературы более характерно употребление глагола *can* с перфектным инфинитивом, чем с неперфектным.

Форма *could* во вторичной функции является двузначной. Во-первых, она может означать, что само высказывание предположения относится к прошедшему времени. Сюда относятся случаи употребления формы *could* по согласованию времен (The only answer to be given was that Sir. Willoughby *could not have been* at home (Meredith, 53)), а также те случаи, когда предположение делается в претеритальном контексте:

Next morning she looked dreadful; she *could not have closed* her eyes all night (S. M., Stories, 818) '... ясно было, что она всю ночь не сомкнула глаз'.

There was dust everywhere, the room *could not have been cleaned* for weeks (G., Man, 294).

Во-вторых, форма *could* в сочетании с отрицанием может означать предположение, которое относится к настоящему времени и делается с гораздо меньшей категоричностью, чем в случае глагола *can*. Скорее здесь можно говорить о сомнении в том, что данное действие или состояние может иметь или имело место.

В следующем примере сочетания *could* с неперфектным инфинитивом действие относится к будущему времени:

«She's still comparatively young. I dare say she'll marry again».

«Oh, no, she *couldn't* do that. That would be dreadful» (S. M., Novels, 16).

В случае перфектного инфинитива высказывается сомнение по поводу совершения какого-то действия или наличия какого-то состояния в прошлом:

May be she didn't look so awful when she was a girl. She *couldn't have been very pretty*, though (Fessier, 196) 'Не может быть, чтобы она была очень хорошенькой' или 'Едва ли она была ...'

He was young still — he *could not have been more than thirty* (S. M. Moon, 58) '...едва ли ему было больше тридцати ...'

Модальный глагол *may* при переходе от выполнения им основной функции к вторичной сохраняет свое лексическое значение и означает предположение возможного действия, которое может быть, а может и не быть.

Сочетание глагола *may* с неперфектным инфинитивом означает относящееся к настоящему времени предположение о возможном действии, одновременном с предположением или будущим по отношению к нему:

Mrs. Pearce: ... there's more ways than one of turning a girl's head; and nobody can do it better than Mr. Higgins, though he *may not* always mean it (Shaw, 41) (предполагаемое действие относится к настоящему времени).

This old man has fits when I tell him he *may have* to work yet (G., Let, 114).

In fact a special monograph would be required which I *may* possibly *undertake* when circumstances permit (Wyld, 342) (предполагаемое действие является будущим по отношению к моменту высказывания предположения).

В этом же значении может употребляться форма *might*, если она обусловлена правилами согласования времен, как, например, в следующем предложении, представляющем собой несобственно прямую речь:

And now that Cicely had married, she *might be having* children, too (G., Chancery, 36).

Глагол *may* в значении предположения может употребляться в отрицательном предложении, но отрицание при этом относится не к глаголу *may* (означающему предположение), а к инфинитиву (означающему предполагаемое действие или состояние):

«This fellow», he thought, «*may not be a scamp*, his face is not a bad one...» (G., Man, 128).

В сочетании с перфектным инфинитивом глагол *may* означает относящееся к настоящему времени предположение о воз-

возможности того, что какое-то предшествовавшее ему действие имело место:

Though they *may not have seen* one of their own race for months they will pass you on the road as though they did not see you (S. M., Stories, 945).

A more recent opinion is now that the earliest advances *may have taken place* in Mesopotamia (Anthology, 127).

Форма *might*, когда она не обусловлена правилом согласования времен, а употребляется самостоятельно, в своей основной функции, выражает возможность довольно неопределенную, в осуществлении которой говорящий далеко не уверен:

Don't you think *there might be* a case against Mr. Neil Gibson himself? (Doyle, 247).

При употреблении во вторичной функции форма *might* выражает предположение, не соответствующее действительности и относящееся к настоящему (при неперфектном инфинитиве) или к прошедшему времени (при перфектном инфинитиве).

Оказавшись во Флоренции в гостинице, где все было очень похоже на Англию, девушка обращается к своей спутнице:

«Charlotte, don't you feel, too, that we *might be in London?*» (Forster, 7) '... как будто мы в Лондоне?'

He (Jon) waited all that evening for something to be said to him. Nothing was said. Nothing *might have happened* (G., Let, 171) '... как будто бы ничего не случилось' (а в действительности случилось: Джон привел Флёр в Робин Хилл).

Grandpa *might have been driving* a bison; so tightly he held the reins (Thomas, 223) 'Можно было подумать, что дедушка правит бизоном ...' (В действительности в тележку был запряжен пони).

Употребление формы *might* во вторичной функции характерно для художественной литературы.

Форма *might* при употреблении ее во вторичной функции в отдельных случаях может иметь значение возможности, в осуществлении которой говорящий не уверен, но которая не противоречит действительности, т. е. синонимична форме *could*:

... and his blue eyes, which once *might have been attractive*, were now pale and tired (S. M., Stories, 575).

She was far from young, she *might have been thirty five* (S. M., Stories, 768).

Сравнение этих примеров с примерами с модальным глаголом *could* (например: He was not old, he *could not well have been more than forty* (S. M. Stories, 647); см. также стр. 67) дает возможность предположить, что формы *might* и *could*, близкие по значению при употреблении в основной функции, могут иметь одно и то же лексическое значение и при употреблении их во вторичной функции — значение предположения, в осуществимости которого говорящий не уверен. Различие между ними в употреблении: *could* употребляется в отрицательных (и вопро-

сительных) предложениях, might в этом значении — в утвердительных.

Глагол need при употреблении в модальном значении в сочетании с отрицанием или с наречиями hardly, scarcely обычно означает отсутствие надобности в совершении какого-то действия:

«You needn't get into rage», he said (G., Man, 115).

При употреблении во вторичной функции глагол need с отрицанием выражает необязательность того, что данное действие или состояние имеет место в настоящем (при неперфектном инфинитиве) или имело место в прошлом (при перфектном инфинитиве):

The modern noun 'tie' need not be a direct continuation of O. E. teag (Jesp., 68) '... не обязательно является прямым развитием...'

Though these (stones) need not have been carved by the Iron Age builders, the latter must at least have collected them deliberately ... (Childe, 213) '... эти камни не обязательно вырезаны строителями эпохи железного века ...'

Рассмотрение употребления модальных глаголов во вторичной функции позволяет заключить, что все они имеют при этом значение предположения, однако различные глаголы отличаются друг от друга как свойственным каждому из них оттенком значения предположения, так и употреблением в определенном типе предложения.

Наиболее близкими по значению оказываются глаголы must, ought, should, имеющие в основной функции значение необходимости. Все они во вторичной функции выражают предположение, большей частью чем-то обоснованное и часто граничащее с уверенностью. Различие между этими глаголами, по-видимому, заключается в степени их употребительности. Глагол must очень широко распространен в литературе любого стиля, в то время как глаголы ought и should встречаются во вторичной функции очень редко. Глагол must употребляется почти исключительно в утвердительных предложениях.

Глагол will (would) выражает предположение, основанное не на знании фактов, а скорее на субъективном мнении говорящего, и употребляется только в утвердительных предложениях.

Глагол can отличается определенной эмфатичностью и употребляется преимущественно в отрицательных (значительно реже в вопросительных) предложениях, как бы заменяя не употребляющийся в этих типах предложений глагол must. В сочетании с отрицанием глагол can означает невероятность совершения данного действия или наличия какого-то состояния.

Глагол may выражает предположение лишь возможного действия и употребляется преимущественно в утвердительных предложениях. Если же в предложении имеется отрицание, то оно относится не к глаголу may, выражающему предположение,

а к инфинитиву, выражающему предполагаемое действие или состояние.

Форма *could* в сочетании с отрицанием означает сомнение в совершении действия или наличии какого-то состояния, а форма *might* или означает предположение, не соответствующее действительности, или выражает предположение, в котором говорящий не вполне уверен, заменяя собой при этом не употребляющуюся в утвердительных предложениях форму *could*.

Глагол *need* в отрицательной форме или в сочетании с наречиями *hardly* или *scarcely* обозначает необязательность того, что данное действие или состояние имеет (или имело) место.

Каковы же признаки употребления модальных глаголов во вторичной функции? О. И. Москальская указывает на формальные отличия второй модели (в которой модальные глаголы выполняют вторичную функцию) от первой. Главным формальным отличием является неспособность модального глагола изменяться по наклонениям, так как именно все словосочетание, а не лексическое значение глагола определяет модальность предложения.

Вторым формальным отличием второй модели предполагается возможность сочетания модального глагола не только с инфинитивом I, но и с инфинитивом II, что, по мнению автора, не свойственно первой модели (т. е. при употреблении модальных глаголов в первичной функции). Далее указывается, что те же формальные отличия второй модели от первой мы находим во французском и английском языках.⁶

Какие выводы в этом отношении можно сделать на материале английского языка?

Что касается первого отличия — неспособности модального глагола изменяться по наклонениям, то для английского языка вопрос о наклонении модальных глаголов является спорным, так как особых форм сослагательного наклонения у них нет.

Второе отличие — возможность модального глагола во вторичной функции сочетаться не только с неперфектным, но и с перфектным инфинитивом — применимо в английском языке только к глаголу *must* и формам настоящего времени глаголов *can*, *may* и *will*, которые в своих основных значениях не сочетаются с перфектным инфинитивом. Что касается форм *could*, *might*, *should* и глаголов *ought* и *need*, то и в первичной функции они могут употребляться как с неперфектным, так и с перфектным инфинитивом.

Так что ни первый, ни второй формальный признак не может служить надежным критерием для определения употребления модального глагола в первичной или вторичной функции.

Поскольку ни форма, ни синтаксическая функция не помогают в разрешении этого вопроса, признаками употребления мо-

⁶ О. И. Москальская. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью, стр. 92.

дального глагола во вторичной функции следует признать соотнесенность модального отношения, выраженного модальным глаголом, не с подлежащим предложения, а с говорящим лицом, и лексическое значение модального глагола, определяемое из контекста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Anthology — A. University Anthology for Overseas Students. L., 1955.
Childe — V. G. Childe. The Prehistory of Scotland. L., 1935.
Christie — A. Christie. The Man in the Brown Suit. L., 1962.
Doyle — A. Conan Doyle. The Problem of Thor Bridge. Modern English Short Stories. M., 1961.
Fessier — M. Fessier. That's what Happened to Me. A Book of Stories. N. Y., 1960.
Forster — M. E. Forster. A Room with a View. Penguin Books, 1961.
G., Chancery — J. Galsworthy. In Chancery. M., 1940.
G., End — J. Galsworthy. The End of the Chapter. M., 1960.
G., Let — J. Galsworthy. To Let. M., 1952.
G., Man — J. Galsworthy. The Man of Property. M., 1950.
Jesp. — O. Jespersen. A Modern English Grammar, pt. I. Copenhagen—L., 1949.
Maurier — D. du Maurier. Rebecca. M., 1956.
Meredith — G. Meredith. The Egoist. M., 1962.
Narain — A. K. Narain. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.
Nature — Nature, 1960, vol. 188, No 4747.
Rawlings — M. K. Rawlings. A Mother in Mannville. A Book of Stories. N. Y., 1960.
Shaw — B. Shaw. Pygmalion. M., 1948.
Shears — W. S. Shears. British History. L., 1959.
S. M., Moon — S. Maugham. The Moon and Sixpence. N. Y., 1959.
S. M., Novels — S. Maugham. Selected Novels, vol. I. L., 1956.
S. M., Stories — S. Maugham. The Complete Short Stories, vol. II. L., 1955.
Studia — Studia Linguistica, 1954, No 1.
Thomas — Dylan Thomas. A Visit to Grandpa. English Short Stories of To-day. L., 1959.
Wells — H. Wells. The Door in the Wall and Other Stories. M., 1950.
Wilkinson — D. H. Wilkinson. Ionization Chambers and Counters. Cambr., 1950.
Woodward — E. L. Woodward. History of England. L., 1952.
Wyld — H. C. Wyld. A History of Modern Colloquial English. Oxford, 1953.
-

О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОБОБЩАЮЩИМИ ЧЛЕНАМИ

Л. П. Чахоян

Задачей данной статьи является исследование структуры тех типов предложений, в состав которых входит отрицательный обобщающий член или положительный обобщающий член в соединении с отрицанием при глаголе-сказуемом. Предложения такого типа обычно относятся исследователями английского языка к отрицательным предложениям. Столь недифференцированный подход к трактовке этих предложений возник потому, что определение отрицательного предложения в английском языке большинством авторов дается на основе только семантического признака, без учета структурных связей, существующих внутри предложения.

Так, Е. Мецнер пишет, что отрицательное предложение создается тогда, когда понятие глагольного действия отменяется при помощи отрицательного элемента.¹ В этом определении нет синтаксического критерия, не сказано о структуре отрицательных предложений, о локализации отрицательного элемента по отношению к глаголу-сказуемому. По давно установившейся традиции считается, что отрицательное предложение в английском языке создается в том случае, когда в предложении присутствуют отрицательная частица, отрицательное местоимение, наречие или отрицательно-соединительный союз:

Indeed I did *not* know the answer (S. M., 66).

But at three minutes to seven there was *no* sign of her (Br., Room, 84).

... it (the pond, — Л. III.) was *nowhere* more than two feet deep (G., Let, 24).

They've done *nothing* (Gr., Q. A., 117).

... he was *neither* a rascal nor a fortune hunter (S. M., 134).

Все эти предложения считаются отрицательными предложе-

¹ E. Mätzner. Englische Grammatik, T. II. Berlin, 1864, S. 11.

ниями одного порядка. С. А. Васильева следующим образом объясняет их грамматическую идентичность: если действие никогда не происходило или ни на кого не переходило, то, следовательно, не было и самого действия.² Это рассуждение несомненно правильное, однако оно характеризует приведенные выше предложения только с одной стороны — с точки зрения их содержания. Между тем при синтаксическом анализе не менее важное значение имеет и формальный критерий, т. е. те средства, при помощи которых передается то или иное содержание, ибо, как известно, одно и то же содержание может быть передано разными языковыми средствами.

Исследователи русского языка при определении отрицательного предложения всегда ставили в центр внимания вопрос о том, какой член предложения имеет при себе грамматически выраженное отрицание. Так, В. И. Чернышев указывает, что в отрицательном предложении частица «не» ставится перед сказуемым и передает отрицательное отношение между подлежащим и сказуемым.³ «...Отрицательное предложение создается только сочетанием отрицания со сказуемым»,⁴ — пишет В. А. Трофимов. На основании формального признака — позиции частицы «не» — А. М. Пешковский выделяет два типа отрицательных предложений: общеотрицательные — с отрицанием при сказуемом и частноотрицательные — с отрицанием при любом другом члене предложения, кроме сказуемого.⁵ Таким образом, русские лингвисты исходят в своем определении отрицательного предложения из сугубо синтаксического признака — позиции отрицательного элемента в предложении.

Структура отрицательного предложения в английском языке несомненно значительно отличается от структуры русского отрицательного предложения, однако и здесь в центре внимания исследователя должен находиться синтаксический формальный признак — позиция отрицательного элемента по отношению к предикативному комплексу. Между тем, как уже было отмечено, до сих пор основное внимание уделялось семантическому признаку,⁶ а иногда морфологическому (если в предложении выступает отрицательное местоимение или наречие, то предложение всегда является отрицательным, если же единственный отрицательный показатель представлен отрицательной частицей, выступающей при любом члене предложения, кроме сказуемого, то такое пред-

² С. А. Васильева. Отрицательные местоимения и наречия как средства выражения предикативного отрицания в древнеанглийском языке. В кн.: Сб. тр. Ленингр. технолог. ин-та пищ. пром. Л., 1958, стр. 187.

³ В. И. Чернышев. Отрицание «не» в русском языке. Л., 1927, стр. 1.

⁴ В. А. Трофимов. К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке. Уч. зап. ЛГУ, 1952, № 156, вып. 15, ч. I, стр. 79.

⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 388.

⁶ А. И. Смярницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 159, 162.

ложение следует считать утвердительным).⁷ Ни тот, ни другой признак не является достаточным при определении сущности синтаксического явления. Так, в некоторых случаях, несмотря на наличие отрицательного местоимения или наречия (или обстоятельства), предложение остается явно утвердительным, ибо отрицание в нем не относится к акту предикцирования:

What a fuss we Europeans make about *nothing* (Gr., Q. A., 26).

... his clear metallic voice seemed to come from *nowhere* (Br., Room, 56).

A strange man about would send him crazy in *no* time (G., Let, 76).

Принципиальная возможность предложений такого рода свидетельствует о том, что отрицательные местоимения и наречия могут передавать и отрицание одного члена предложения, а не только всего предложения в целом, а потому при анализе предложений с отрицательными местоимениями и наречиями следует учитывать синтаксический критерий — их позицию в предложении (так же, как это делается в отношении частицы *not*).

Ни у кого не вызывает сомнений, что отрицательное предложение создается только в том случае, «если отрицание в нем относится к самому акту предикцирования».⁸ Это происходит при наличии отрицательного элемента (независимо от его морфологической природы) при подлежащем или сказуемом. Предложения *I don't want to see him alone* (W., Picture, 81); *No shots had been fired* (Gr., Q. A., 65); *Not one blossom of his loveliness would ever fade* (W., Picture, 137) следует рассматривать как отрицательные, ибо в них дается непосредственное отрицание предикативной связи, т. е. связи между подлежащим и сказуемым, через отрицание одного из членов предикативного комплекса.

Совершенно иная картина наблюдается при наличии отрицательного дополнения или обстоятельства. Как известно, проф. А. И. Смирницкий убедительно доказал, что второстепенные члены предложения связаны не с одним только сказуемым, а со всей предикативной группой.⁹ Исходя из этого замечания, оказывается возможным разделить предложение с отрицательным дополнением или обстоятельством на части только следующим образом:

She knows + *nothing* (Gr., Q. A., 32).

I was to be a reporter + *no longer* (Gr., Q. A., 79).

Поскольку в этих предложениях предикативная связь остается формально утвердительной, то их следует считать утвердительными (или, точнее, положительными). Еще более наглядно

⁷ Н. М. Евтуховская. К вопросу о частном отрицании в современном английском языке. В кн.: «Вопросы германского языкознания». Киев, 1961, вып. 1, стр. 56—57.

⁸ Е. И. Шендельс. Отрицание как лингвистическое понятие. Уч. зап. 1 МГПИИЯ, 1959, т. XIX, стр. 131.

⁹ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, стр. 179, 181.

утвердительный характер предложений с отрицательным дополнением (или обстоятельством) выступает при следующем рассуждении:

I don't know *anything* about her father (G., Let, 52).

I know of her *nothing* (G., Let, 60).

Эти предложения различаются локализацией отрицательного элемента, но их можно объединить по обобщающему значению входящих в их состав местоимений. Отбросим общий момент — обобщающее значение местоимений — и сравним оба эти предложения с соответствующими предложениями с единичным отрицательным дополнением:

I don't know *anything*. — I am not reading a book, I'm reading a letter.

I know *nothing*. — I'm reading not a book, but a letter.

Эти пары равны с точки зрения локализации в них отрицательного элемента и различаются лишь по лексическому признаку — наличию или отсутствию у дополнения обобщающего значения. Но тогда следует признать, что предложение I know *nothing* отличается от утвердительного предложения I am reading not a book, but a letter только по семантическому (обобщающее значение), но отнюдь не по грамматическому признаку, а следовательно, с синтаксической точки зрения его также следует считать утвердительным.

Итак, на основании всего вышесказанного мы считаем возможным относить к отрицательным только предложения, строящиеся по моделям: $S_n + P$ или $S + P_n$, т. е. предложения, в которых отрицательный показатель, выраженный отрицательной частицей¹⁰ или отрицательным местоимением, выступает при одном из членов предикативного комплекса и указывает на наличие негативной связи между ними. Наличие же негативной связи между предикативным комплексом и второстепенными членами предложения не делает предложение отрицательным, ибо тип предложения определяется прежде всего характером предикативной связи.

И утвердительные и отрицательные предложения с обобщающими членами могут рассматриваться как единая группа предложений по семантическому признаку, однако при этом не следует забывать, что значение обобщения в каждой семантико-грамматической модели проявляется по-разному в зависимости от способа выражения в ней обобщающего члена.

Сравним два отрицательных предложения, в состав которых входят разные обобщающие члены и которые выступают в разных контекстах:

I used to go to Manchester if I wanted to see a show. There isn't *anything* in Dufton (Br., Room, 27).

¹⁰ В качестве отрицательной частицы наряду с *not* могут выступать и *never*, *nothing*, *none*.

There is *nothing* in Dufton, Joe. Leave it before you become a zombie too ... (Br., Room, 28).

Сравнительный анализ этих предложений показывает, что обобщающее значение отрицательных местоимений (no-type) и обобщающих местоимений (any-type) не адекватно: no-type передает значение всеобщности, безысключительности, а any-type — значение обобщения через единичное, аналогичное (но не синонимичное!) обобщающему значению неопределенного артикля в отрицательном предложении.

В практической грамматике обычно подчеркивается соотносительный характер местоимений *some*, *any* и *no* и их производных в различных типах предложений. В частности в них говорится о том, что в отрицательных предложениях вместо местоимения *some* (*somebody* и т. д.) выступают местоимения *no* (*nobody* и т. д.) или *any* (*anybody* и т. д.).¹¹ Отсюда И. А. Бжилянская¹² делает вывод о том, что местоимение *any* (и его производные) в отрицательном предложении передает не обобщающее, а только неопределенное значение, синонимичное значению местоимения *some* (и его производных) в утвердительном предложении. Уже тот факт, что в отрицательном предложении наряду с *any* может быть употреблено и местоимение *some*, свидетельствует о том, что значения, передаваемые этими местоимениями, не являются синонимичными. Сравним два предложения:

But I haven't known *anyone* whom I could ask (Br., Room, 118) и I didn't bother to ask him why he didn't wait for *someone* from the American Legation ... (Gr., Q. A., 32).

Различие в значениях местоимений *someone* и *anyone* заключается в том, что второе указывает на какое-то одно неопределенное лицо из определенной (замкнутой) группы людей, в то время как первое подразумевает любого (каждого по отдельности) человека из данной группы людей. В известном смысле можно говорить об обобщающем значении для *some* и неопределенном для *any*, но при этом следует помнить, что *some* передает обобщение одной группы людей или предметов по сравнению с другой, которая обладает как раз противоположными признаками (*It's no difficulty to me to do the little things that women like and that some men can't be bothered with* (S. M., 64)), а *any* указывает на неопределенное лицо или предмет только в отношении выбора любого представителя из всей данной группы лиц или предметов (... I didn't speak to *any* of them because I hated them so much that I *couldn't speak* (Br., Room, 106))

Обобщение в отрицательном предложении может быть передано, хотя и очень редко, при помощи местоимения *all*, которое

¹¹ B. Kelly. An Advanced English Course for Foreign Students. L., 1962, pp. 254—255.

¹² И. А. Бжилянская. Сложные слова с первым компонентом *some*, *any*, *no*, *every* как особая лексико-грамматическая категория в английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 11.

тоже имеет значение всеобщности, безысключительности, но употребляется в основном тогда, когда у существительного уже есть определитель, а потому местоимение по не может быть употреблено:

...and all your money won't stop me ... (Br., Room, 69).

Местоимения *every* (и его производные) и *one* тоже могут выступать в пределах отрицательного предложения со значением обобщения. При этом передаваемое ими обобщающее значение, несомненно, не совпадает ни с одним из значений, перечисленных выше:

Working on a newspaper *one* does not learn the way to break the news (Gr., Q. A., 33).

You can't get *everything* you want all at once (Br., Room, 60).

Итак, обобщающие члены предложения находятся в системном противопоставлении по отношению друг к другу по двум линиям: по линии заключенного в них положительного или отрицательного значения и по линии значения обобщения, которое является специфическим для каждого из них.

Статистическое обследование отрицательных предложений с положительными или отрицательными обобщающими членами и утвердительных предложений с отрицательными обобщающими членами дало следующую картину частотности употребления различных обобщающих членов в предложениях этого типа.¹³

В качестве подлежащего с обобщающим значением в отрицательном предложении выступает преимущественно отрицательное местоимение (в функции предметного члена предложения или в сочетании с существительным) — 251 пример (из них 126 — с оборотом с *there*).

Другие способы передачи обобщающего значения подлежащего в отрицательном предложении представлены буквально единичными примерами: *all* — 1 пр., *some* — 3, *one* — 15, неопределенный артикль (или значащее отсутствие артикля) — 9, *any* (и его производные) — 8 пр.¹⁴

Предикативный член со значением обобщения обнаруживает следующее соотношение различных способов его передачи: отрицательные местоимения — 29 пр., неопределенный артикль — 12, *any* (и его производные) — 4 пр.

Обобщающее дополнение передается преимущественно отрицательными местоимениями (212 пр.); местоимение *any* (и его производные) выступает в 58 пр., неопределенный артикль (или значащее отсутствие артикля) — в 51, *all* — в 5, *some* — в 7, *one* — в 2, *everything* — в 1 пр.

¹³ Подсчет производился на основе сплошной выписки примеров с 700 страниц текста художественных произведений 7 современных английских писателей (по 100 страниц из каждого произведения).

¹⁴ *Any* (и его производные) выступает в качестве подлежащего в отрицательном предложении только при наличии оборота с *there*.

Что касается обстоятельства, то оказалось, что в большинстве примеров встречается отрицательное наречие *never* — 47 пр.;¹⁵ все другие способы передачи отрицательного обстоятельства представлены 29 примерами. Положительное обобщающее обстоятельство передается следующими способами: предлог + *some* + существительное — 3 пр., наречие *ever* — 4, наречия *anywhere, any longer, any more* — 21, предлог + *any* + существительное — 3 пр.

Статистический анализ распределения различных способов передачи обобщающих членов в предложении позволяет сделать общий вывод о том, что в современном английском языке в предложениях рассматриваемого типа преобладает употребление отрицательного обобщающего члена предложения. Однако этот общий вывод абсолютно верен только в отношении подлежащего и предикативного члена предложения. В группе обстоятельства большой удельный вес отрицательного обобщения создается за счет большей частотности употребления наречия *never*, ибо если исключить это наречие, то соотношение отрицательного и положительного обобщающего обстоятельства будет приблизительно 1 : 1 (29 : 27). В группе же дополнения преобладание отрицательного обобщения создается за счет большей частотности употребления конструкции *to have (to know, to say) +* отрицательное местоимение и идиоматических выражений, в состав которых входят отрицательные местоимения.¹⁶

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Br., Room — J. Braine. Room at the Top. M., 1961.
G., Let — J. Galsworthy. To Let. M., 1954.
Gr., Q. A. — G. Greene. The Quiet American. M., 1963.
S. M. — S. Maugham. Six Short Stories. L., 1958.
W., Picture — O. Wilde. The Picture of Dorian Gray. M., 1958.

¹⁵ Мы считаем, что *never* является отрицательным обобщающим обстоятельством только тогда, когда оно выступает на первом месте в предложении или когда в предложении есть другое наречие (или обстоятельство), которое уточняет и подчеркивает наречный характер *never*.

¹⁶ Идиоматические выражения были выделены на основании данных фразеологического словаря Кунина.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЧЛЕН В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Бурлакова

В свое время Б. Дизраели сказал: *There are three kinds of lies: lies, damned lies, and statistics.*¹ Однако в наши дни отношение к статистике изменилось — идея точного измерения укоренилась в науке и количественные исследования распространились на все отрасли знания.

Несмотря на то что получение статистических оценок распределения изучаемого объекта основано на исследовании некоторой отобранной части материала и, следовательно, сообщает лишь приближенные данные, результаты выборочного подсчета все же дают возможность судить о характеристике всей совокупности анализируемых объектов без их сплошной проверки.

Как указывают специалисты,² вероятность ошибочных суждений в отношении исследуемого явления при выборочном анализе не превышает вероятности получения ошибок при сплошном контроле, так как есть основания ожидать, что в выборочных отрезках имеются основные черты, характерные для всей совокупности, и соблюдается средняя частота повторения исследуемой единицы, ибо все элементы, имеющиеся в совокупности, обладают равновероятной возможностью появления в выборке.

¹ Stevenson's Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases. L., 1949, p. 802.

² См.: Н. В. Смирнов, И. В. Дунин-Барковский. Краткий курс математической статистики для технических приложений. М., Физматгиз, 1959, стр. 326; Дж. Э. Юл и М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., Госстатиздат, 1960, стр. 27; В. Ю. Урбах. Математическая статистика для биологов и медиков. Изд. АН СССР, 1963, стр. 11 и далее. — Однако необходимо учитывать, что в лингвистических исследованиях необязательно применение методов математической статистики, но возможно использование и более простых арифметических приемов, как-то исчисление процентных отношений. См. напр.: В. Г. Адмони. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. Сб.: «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., Изд. «Наука», 1964, стр. 66—67.

Таким образом, полученные выводы можно считать общими вероятностными характеристиками данного явления, учитывая при этом, что случайный состав выборки все же заставляет рассматривать их как приближенные оценки вероятностного характера.³

Прежде чем перейти к описанию статистических данных в отношении исследуемых объектов, необходимо установить, какие языковые единицы подлежат обследованию и статистическому описанию.⁴

Статистический анализ сложноподчиненных предложений, содержащих в своем составе придаточное подлежащее (s.) Сх или предикативный член Сх (рг.), обнаруживает своеобразие структуры подобных построений, не свойственное другим типам сложноподчиненных предложений.⁵ В рассматриваемых синтаксических построениях включающее предложение⁶ обладает дефектностью структуры, так как один из главных членов выражен придаточным предложением и таким образом при его изъятии оставшаяся часть не имеет необходимой структурной законченности. Например:

What he writes now for very private manuscript circulation is curious stuff (Н., 48).

В предложениях с придаточным предикативным членом наблюдается аналогичная недостаточность структуры;

The trouble is, all teachers preach (А., 94).

Исходя из положения, что каждый член предложения занимает строго определенное место в позиционной структуре предложения, вышеприведенные примеры можно представить в виде следующей схемы: s. + l. v.⁷ + rg., причем в первом из них позиция s. занята придаточным предложением, а во втором придаточное предикативный член занимает место rg. Таким образом, и в том и в другом случае модель предложения, традиционно обозначаемого главным, оказывается структурно недостаточной — для первого примера ... + l. v. + rg. и для второго — s. + l. v. + ... Подобная дефектность структуры, как правило, не наблюдается в других типах сложноподчиненных предложений несмотря на то, что в некоторых случаях придаточные и главные находятся в чрезвычайно тесной связи как по семантике, так и по наличию коррелирующих частей:

³ Объем данной выборки равен 20 000 страниц.

⁴ Во избежание громоздкого повторения «сложное предложение с придаточным подлежащим» в дальнейшем подобные построения обозначаются (s.) Сх, где s. — subject, () скобки указывают, что этот член предложения выражен придаточным предложением, а Сх означает, что имеется сложное предложение; аналогично сложное предложение с придаточным предикативным членом обозначено Сх(рг.), где rg. — predicative.

⁵ В работе не рассматриваются сложные предложения с вводным it.

⁶ Данный термин заимствован из работы М. К. Румянцева «Предложение подлежащее в современном китайском языке» М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 4).

⁷ l. v. — link verb.

The slope was so gentle and the car rolling so slowly that for some time I tried to halt it by pulling, then pushing at it (U. F., 72).

Well, I think that's about as much as I can do with the material available (U. F., 203).

Несмотря на тесную зависимость в таких предложениях явно наличествуют две структурно законченные единицы, построенные в соответствии с имеющимися языковыми нормами модели предложения. Единственная параллель подобной дефектной структуре наблюдается в сложноподчиненных предложениях с конструкцией типа апокойну, так как ввиду наличия общего члена одна из главных позиций остается незанятой:

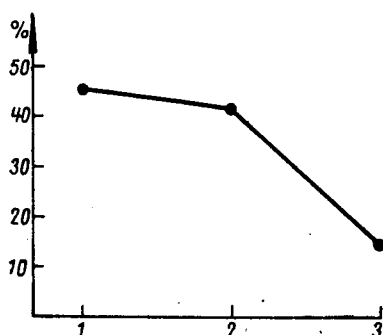

Рис. 1. График распределения типов сказуемого во включающем предложении при придаточном подлежащем.

1 - простое сказуемое; 2 - составное именное сказуемое; 3 - составное глагольное и смешанный тип сказуемого.

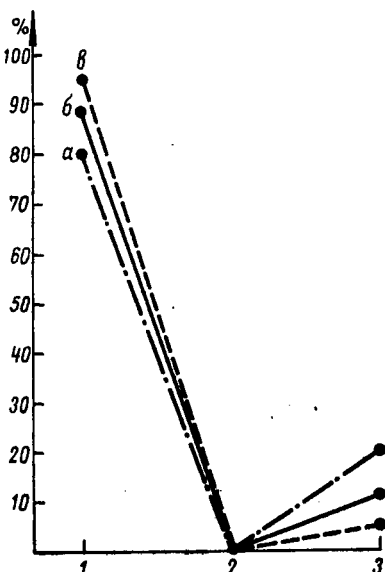

Рис. 2. График распределения видо-временных форм по трем типам сказуемого.

1 - Indefinite; 2 - Continuous; 3 - Perfect; a - простое сказуемое; б - составное именное сказуемое; в - составное глагольное и смешанный тип сказуемого.

Is there nothing can be done for your headaches, Miss Welsh (G. H., 26).

There was no breeze came through the open window (E. H., 124).

It was you made a fool of yourself (Th. L., 113), что схематически может быть представлено так: s. + l. v. + pr. + ... + v. + + etc.

Правда, необходимо отметить, что данный тип предложений употребляется чрезвычайно редко в противоположность (s.) Sx и Sx (pr.).

Таким образом, (s.) Sx и Sx (pr.) характеризуются особой структурой, выделяющей их из всех других типов сложноподчиненных предложений.

В отношении построений подобного рода было бы чрезвычайно удобно применить термин «одночленные сложные предло-

жения», однако, учитывая широкое использование этого термина в других значениях, вряд ли разумно делать его еще более полисемантическим.

Рассмотрение (s.)Сх показало довольно пеструю картину как в отношении типов сказуемого, включающего предложения (рис. 1), так и в отношении круга глаголов, при которых оно возможно, при довольно однообразных видо-временных формах самого глагола (рис. 2).

Структурная модель подобных построений однотипна и по сути дела сводится к следующим вариантам: (s.)+v или

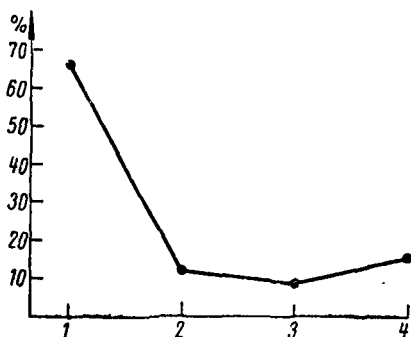

Рис. 3. График распределения употребления вводных слов для придаточного предложения подлежащее.

1 — what; 2 — whoever; 3 — whatever; 4 — прочие.

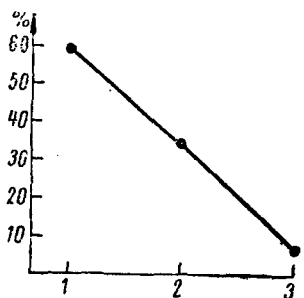

Рис. 4. График распределения употребления придаточных подлежащих в сложноподчиненных предложениях с разным количеством частей.

1 — двухчастные; 2 — трехчастные; 3 — четырех-, пяти- и шестичастные предложения.

(s.)+v+Adv. mod, если глагол непереходный, и (s.)+v+ +obj/(obj.) при переходном глаголе, причем возможен вариант с предлогом, если глагол косвенно-переходный.

При составном именном сказуемом во включающем предложении наиболее типичной моделью оказывается (s.)+is/was+ +pr.+etc., так как в 92% связка выражена глаголом to be.

Распределение употребления вводных слов при придаточном подлежащем показано на рис. 3. Причем, кроме выделенных на схеме вводных слов, были также зафиксированы следующие — why, when, how, whether, if, before, отмеченные на рис. 3 на уровне 15%. Таким образом, придаточное подлежащее, как, впрочем, и большинство придаточных предложений, не имеет собой, присущей только ему, формы выражения и вне связи с включающим предложением не может быть самостоятельно классифицировано как определенный тип придаточного.⁸

⁸ По этому вопросу см.: И. Г. Дына й. Сложное предложение с придаточным подлежащим. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

Интересно отметить, что в исследованной литературе наблюдалось некоторое соответствие между формой сказуемого включающего предложения и словом, вводящим придаточное предложение. Так, *what* было отмечено только при простом или составном именном сказуемом во включающем предложении, *that* — при составном именном, *whatever* — при составном именном и при составном глагольном. В ряде случаев придаточное подлежащее вводится бессоюзно. Это обычно наблюдается при придаточных подлежащих, выражающих прямую речь: «*I want my five dollars*», *was what he would have liked to say* (M. E., 312).

Однако бессоюзное оформление возможно и в других случаях:

You're so smug, is what gets me (R. R., 122).

Как правило, придаточные подлежащие не отделяются знаками препинания от включающего предложения. Однако иногда наличествует запятая, так как ее отсутствие могло бы вызвать затруднения в понимании высказывания:

For what is, is; and let him that disbelieves shake his head till he shakes it off (W. H., 241).

В современном английском языке придаточные подлежащие могут выступать как часть сложноподчиненного или часть сложносочиненного предложения. Однако в подавляющем большинстве случаев они встречаются в составе сложноподчиненных предложений (97%) преимущественно двухчастной структуры (рис. 4). Вероятно, это объясняется в значительной мере тем, что удельный вес сложноподчиненных предложений в языке значительно больше, чем сложносочиненных.

В случаях трехчастных структур и выше включающее предложение может выступать либо главным, либо выполнять функцию различных придаточных предложений — дополнительного, сравнительного и т. п.:

I cannot believe what you say is true (G. H., 221).

Переходя к рассмотрению *Sx*(pr.), необходимо отметить, что придаточное предложение предикативный член употребляется гораздо чаще, чем придаточное подлежащее (рис. 5), причем это является особенностью диалогической речи (рис. 6).⁹

— Это соотношение резко меняется при отдельном рассмотрении *Sx*(pr.), в которых сказуемое включающего предложения имеет любую связку, кроме *to be*, и показывает то же распределение, что и в (s.)*Sx* (рис. 6). Правда, следует учитывать, что связка *to be* во включающем предложении составляет 87% всех случаев сложных предложений с придаточным предикативным членом.

⁹ Был произведен сплошной подсчет примеров по двум произведениям: C. P. Snow. *The New Men*. L., 1957; Lars Lawrence. *Out of the Dust*. Berlin, 1958.

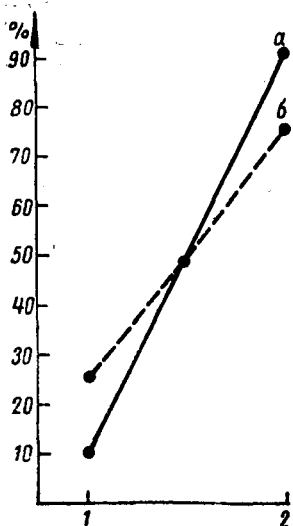

Рис. 5. График распределения употребления (s.) Сх и Сх (pr.) по произведениям Ч. Сноу и Ларса Лоренса.
1 — (s.) Сх; 2 — Сх (pr.); а — C. P. Snow; б — Lars Lawrence.

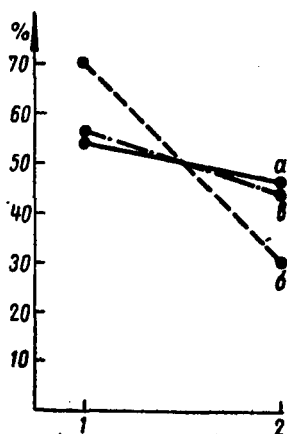

Рис. 6. График распределения употребления (s.) Сх и Сх (pr.) в диалогической речи и в повествовании по произведениям Ч. Сноу и Ларса Лоренса.

1 — диалогическая речь; 2 — повествование; а — (s.) Сх; б — Сх (pr.); в — Сх (pr.) при любой связке, кроме глагола to be.

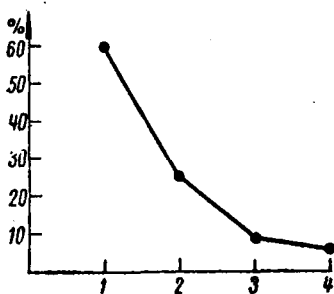

Рис. 7. График распределения употребления различных способов выражения подлежащего во включающем предложении Сх (pr.).

1 — абстрактное существительное; 2 — that/this; 3 — all + прилагательное предложение; 4 — другие способы.

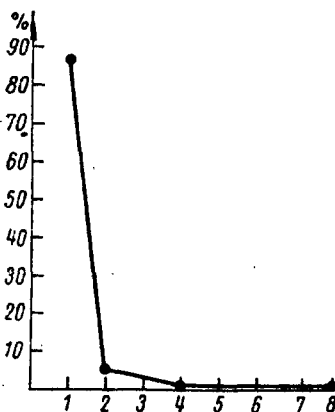

Рис. 8. График распределения употребления связочных глаголов во включающем предложении Сх (pr.).

1 — to be; 2 — to stand; 3 — to look; 4 — to feel; 5 — to seem; 6 — to become; 7 — to remain; 8 — to mean.

В Сх(рг.) однотипность характерна не только для обозначения связочного глагола, но и для способа выражения подлежащего включающего предложения (рис. 7).

Кроме того, относительно распространенным является тип сложноподчиненного предложения с придаточным предикативным членом, в котором подлежащее также выражено придаточным предложением. В таком случае включающее предложение оказывается состоящим только из связки. Например:

What I'm anxious to know is at what time she will be going out (D. H., 227).

В предложениях данного типа была отмечена только связка to be, причем в 76% в форме Present Indefinite и в 24% в Past Indefinite, других видо-временных форм для связочного глагола зафиксировано не было. От общего количества случаев (s.)Сх и Сх(рг.) тип (s.)Сх(рг.) составляет 17%.

Таким образом, модель включающего предложения в Сх(рг.) может быть представлена следующим образом: s._{a/d, pr.} + I. v. + (рг.) или для большинства случаев: s._{a/d, pr.} + is/was + (рг.) (буквенное обозначение «а» выражает «абстрактное существительное», а d. pr. — «указательное местоимение»).

Интересно отметить, что несмотря на обилие связочных глаголов в современном английском языке в тех случаях, когда предикативный член выражен придаточным предложением, употребляются далеко не все связки, а только некоторые из них, как-то: to be, to sound, to look, to feel, to seem, to become, to remain, to mean, причем глагол to mean присоединяет придаточное предикативный член только при подлежащем, выражающем лицо (рис. 8).

В единичных случаях глагол-связка во включающем предложении может быть опущен, как, например:

My first thought, of course, is that this garage is attached to a house. My second, that the house, being situated in this part of the town, must be owned by some person of wealth. My third, that whoever owns, it must be playing some part in this affair, or else they wouldn't have the run of the place. My fourth, that obviously it does not belong to any of the people we've piled in the car. My fifth, that it's heavy betting in favour of it being the home of our Mr. Wills (D. H., 166).

В приведенном отрывке пять раз повторяется одна и та же структура, что дает возможность, начиная со второго раза, ограничиваться сокращенным вариантом.

Видо-временные формы связочного глагола включающего предложения в Сх(рг.), аналогично (s.)Сх, весьма однообразны (рис. 9). При связке включающего предложения, выраженной формой прошедшего времени в придаточном предложении предикативный член, тоже обычно наблюдается соответствующая форма прошедшего времени. Эта зависимость времен придаточ-

ного предикативного члена и связочного глагола включающего предложения особенно показательна в тех случаях, когда высказывание, выраженное в придаточном предложении, относится к будущему моменту:

The only hope was that Welch wouldn't notice what his wife would presumably tell him about the burning of the bedclothes (К. А., 63).

Не исключена возможность наличия придаточного предложения предикативного члена при неличной форме глагола:

All our lives we would be trying more and more hard to become what we are not (S., 163).

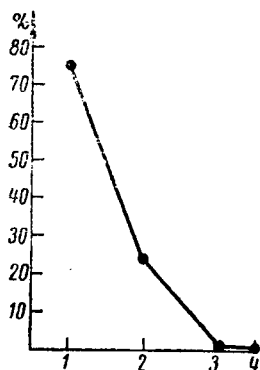

Рис. 9. График распределения употребления видовременных форм связочного глагола *to be*, включающего предложения в Сх (пр.).

1 - Present Indefinite; 2 - Past Indefinite; 3 - Future Indefinite; 4 - Past Perfect.

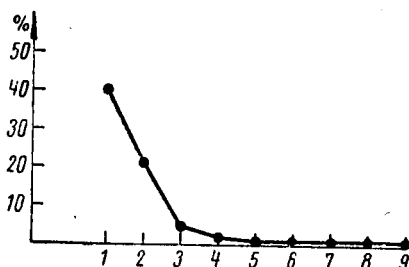

Рис. 10. График распределения употребления вводящих слов для придаточного предложения предикативный член.

1 - that; 2 - бессоюзное соединение; 3 - as if; 4 - why; 5 - how; 6 - where; 7 - as though; 8 - when; 9 - because.

Совершенно естественно, что в таких случаях придаточное предикативный член не обязательно соотнесено с подлежащим включающего предложения, так как неличная форма может находиться в предикативных отношениях с каким-либо другим членом предложения и придаточное предикативный член в таком случае соотносится с субъектом неличной формы. Подобные построения возможны либо в абсолютном номинативном обороте, либо при объектно-предикативном сочетании:

I could make him be what he wished (S. F., 9).

Придаточные предикативный член, как и другие типы придаточных, могут вводиться весьма разнообразными словами, а также бессоюзно (рис. 10).

Знаки препинания нетипичны для придаточного предикативного члена; в рассмотренном материале в 88% случаев знаки препинания отсутствуют и в 12% имеются, причем в основном при бессоюзном подчинении. Какие-либо знаки препинания отсутст-

вуют в 100% употреблении при связках *become, feel, look, remain, sound, seem* (рис. 11).

Интересной особенностью придаточных предложений предикативный член является употребление при них уточняющих членов, которые конкретизируют высказывание, сделанное в придаточном предложении. Например:

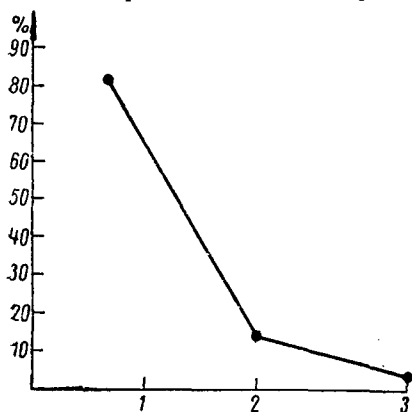

Рис. 11. График распределения употребления знаков препинания, отделяющих придаточное предложение предикативный член.

1 — запятая; 2 — тире; 3 — двоеточие.

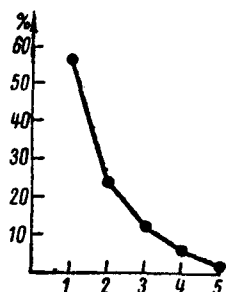

Рис. 12. График распределения употребления *Sx (pr.)* в различных типах сложных предложений.

1 — двухчастные; 2 — трехчастные; 3 — четырехчастные; 4 — пятичастные; 5 — шестичастные.

... he was really what he had always claimed to be — a physicist (W., 9).

But they were what they were, slow inevitable parts of the natural world (L., 9).

В подобных случаях получается развертывание модели предложения за счет введения добавочных членов, уточняющих общее и несколько абстрактное значение придаточного предложения предикативный член.

Придаточные предикативный член аналогично придаточным подлежащим чаще всего употребляются в двухчастных сложных предложениях (рис. 12).

Особого внимания заслуживают предложения типа:

All I want to say is this — unless absolutely forced to, don't do anything until I come back (D. H., 229).

В работах Д. Керма, Е. Крейзинга и Э. Н. Плеухиной¹⁰ по-

¹⁰ G. Curme. A Grammar of the English Language, III. Boston, 1931, p. 156; E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English, II. Groningen, p. 502; Э. Н. Плеухина. Основные структурно-семантические разновидности сложноподчиненного предложения с придаточным предикативным в со-

добные предложения относятся к $Sx(pq.)$, несмотря на то что модель предложения оказывается иной. Действительно во всех истинных $Sx(pq.)$ схема построения такова: $s. + l. v. + (pq.)$, причем место $pq.$ занято придаточным предложением предикативный член, тогда как в построениях вышеприведенного типа место $pq.$ занято указательным местоимением *this*; таким образом, эти две структуры не идентичны, а следовательно, и типы предложений разные. Вся та часть высказывания, которая находится справа от тире, по своему значению может рассматриваться как аппозиция или уточнение предикативного члена главного предложения — *this*. Однако такое толкование допустимо только в тех случаях, когда после существительного (местоимения) нет точки или ее эквивалента; тогда как при наличии точки естественно считать всю последующую часть самостоятельным предложением. Например:

But this is the point. I don't want to lecture you two young fellows again (P., 273).

Несмотря на то что до сих пор нет достаточно четкого и исчерпывающего определения, что именно следует считать предложением, все же исследователи, занимающиеся анализом языка, свободно оперируют этим термином и используют его примерно в одинаковом значении. Как правило, принято считать, что в устной речи одним из оформителей предложения является интонация, однако в письменной речи это средство отсутствует и его эквивалентами выступают знаки препинания. Поэтому вполне логично считать точку (или равный ей знак) показателем конца предложения.

Наличие в английском языке, как и в каждом из других существующих языков, особых типических форм предложения общеизвестно, так же как и возможность значительного изменения данных схем как в сторону их развертывания, так и свертывания. Несмотря на конечное число вариантов модели, предложение является до известной степени единицей произвольной. Из этого не следует, что любой набор слов может выступать в качестве предложения, так как предложением можно считать только те сочетания или отдельные слова, которые соответствуют существующим в языке схемам предложения. Следовательно, идентичные отрезки речи могут быть расчленены на различное количество предложений или на различные типы предложений в зависимости от желания говорящего, но в пределах существующих в данном языке моделей предложения. При этом одинаковые построения могут выступать в разных случаях либо как самостоятельные предложения, либо как зависимые, либо как части предложения. Например, возможно предложение из одного слова

временном английском языке. Уч. зап. Горьковск. пед. ин-та иностр. яз., вып. VIII, 1958, стр. 45; Е е же. Сложноподчиненное предложение с придаточным предикативным членом в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1959, стр. 10.

Dusk!, так как в языке существует подобная модель и можно сказать Winter или Death и т. п.

Кроме того, допустима иная, несколько развернутая структура Dusk of a summer night, так как в языке существует и такая модель для предложения и можно сказать The horror of it ... и т. п., но невозможно считать предложениями слово Just или сочетание of a summer night из-за отсутствия подобной модели.

Те же сочетания слов, которые в данных случаях представлены как отдельные предложения, могут в свою очередь выступать частью еще более развернутых структур.

Именно вариантность модели предложения и способность предложения выступать в более развернутом или свернутом виде и привели к необходимости иметь некий знак, служащий в письменной речи сигналом законченности предложения и воспринимающийся всем коллективом говорящих однозначно.

Таким общепринятым знаком является точка и ее эквиваленты — вопросительный и восклицательный знаки и многоточие. В связи с этим утверждение, что пунктуация не является признаком, на основании которого решается вопрос о границах предложения, представляется в известной мере спорным.¹¹

Если один и тот же автор в идентичных построениях использует различные знаки препинания, то это является свидетельством многообразия существующих структурных моделей, которые допускают вариантность в построении предложения и наличие знака, сигнализирующего конец предложения, оказывается существенной необходимостью письменной формы языка. При этом не следует забывать, что точка не является причиной, вызывающей завершение предложения, а лишь сигналом, указывающим место, где автор считает необходимым закончить предложение. Следовательно, в высказывании:

What I want to point out is this. These things needn't have happened and wouldn't have happened if this island had been decently governed (P., 368) имеются два самостоятельных предложения, так как их разделяет точка.

Подводя итог всему сказанному выше, можно утверждать, что сложное предложение, имеющее в своем составе придаточное подлежащее или предикативный член, обладает своеобразием построения, не отмечающимся у других сложноподчиненных предложений, а именно включающее предложение обнаруживает дефектность структуры, так как либо позиция s., либо позиция rg. остается свободной при изъятии придаточного предложения.

В отдельных случаях модель придаточного предикативного члена может быть развернута за счет уточняющих членов, рас-

¹¹ Ch. Fries. The Structure of English. N. Y., 1952, p. 10; Л. Л. Иоффик. Существует ли сложносочиненное предложение в английском языке? Научные доклады высшей школы, филолог. науки, 1958, № 2, стр. 117; Г. А. Вейхман. К вопросу о синтаксических единствах. ВЯ, 1961, № 2, стр. 97.

крывающих более общее значение придаточного предложения предикативный член.

В количественном отношении придаточное предикативный член занимает ведущее место по отношению придаточного подлежащего, а именно 9:1. Придаточное предикативный член преимущественно используется в разговорном стиле речи, причем в основном сочетается со связкой, выраженной глаголом *to be*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. — Ch. Armstrong. *The Dream Walker*. N. Y., 1955.
D. H. — D. Hume. *Too Dangerous to Live*. L., 1938.
E. H. — E. Hemingway. *Men without Women*. Penguin Books.
G. H. — G. Hughes. *Mrs. Carlyle Seathe*, 1950.
C. P. S. — C. P. Snow. *The New Men*. L., 1957.
H. — A. Huxley. *Collected Short Stories*. L., 1957.
K. A. — K. Amis. *Lucky Jim*. L., 1957.
L. — L. Lawrence. *Out of the Dust*. Berlin, 1958.
M. E. — J. London. *Martin Eden*. M., 1954.
P. — J. B. Priestley. *Plays*, vol. III. L., 1950.
R. R. — John Updike. *Rabbit Run*. N. Y., 1963.
S. — D. Stewart. *The Unsuitable Englishman*. L., 1955.
S. F. — P. G. Wodehouse. *Something Fishy*. L., 1957.
Th. L. — A. J. Cronin. *Three Loves*. L., 1953.
U. F. — K. Amis. *That Uncertain Feeling*. L., 1957.
W. — M. Wilson. *Live with Lightning*. Boston, 1949.
W. H. — W. Hudson. *The Purple Land*. N. Y., 1927.
-

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Менькова

Среди односоставных предложений английского языка несколько особняком стоят предложения типа *The irony!* (*The irony of it!*), которые выделяются как спецификой значения, так и некоторыми особенностями грамматического оформления. Эти предложения обычно эмоциональны и имеют отчетливо выраженное значение оценки. Замечание об эмоциональном характере этих предложений находим у П. Кристоферсена,¹ а также у О. Есперсена, который приводит в числе прочих предложения такого рода, как аморфные, т. е. представленные одним членом и употребляющиеся преимущественно в эмоциональной речи.² Такие предложения иногда относят к неполным,³ что, однако, вряд ли логично. Слишком неопределенно, расплывчато то, чего «недостает» в таком предложении и что могло бы быть восполнено. Так, предложение О. Есперсена *The callousness of it!* можно было бы представить не только как, например: *The callousness of it makes me (us, one) mad!* (если, как утверждает автор, опущен конец предложения), но и как: *Think of the callousness of it!* В некоторых же предложениях добавление или восполнение «недостающих» членов было бы совершенно произвольным. Иными словами, неясен тот образец полного предложения, с которым всегда сопоставлялось бы предложение типа *The irony (of it)*, т. е. нет именно того условия, которое позволяет считать предложение неполным.

Предложения такого рода образуют вполне отчетливо очерченную группу среди именных односоставных. Неотъемлемой частью таких предложений является определенный артикль или указательное местоимение при главном члене.

¹ P. Christophersen. *The Articles*. L., 1939, p. 113.

² O. Jespersen. *Essentials of English Grammar*. L., 1933, pp. 105—106.

³ См., напр.: О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 360—361.

Роль главного члена предложения может выполнять любое существительное, абстрактное или конкретное: «*The great tumbling, roaring vastness of this*», I cried in my mind (S. S., 18). «*What a lot of walls to this place*», she said, but I said nothing. «*Oh, the walls in this place*», she said again (S. S., 61). Существительное—главный член обычно не употребляется в общем смысле в отличие от главного члена так называемых номинативных предложений, для которого такое употребление характерно.

Уточнение значения главного члена—абстрактного существительного происходит различными путями. Значение существительного может уточняться в контексте: «*Oh*», the jefe moaned from the chair, «*the pain, the pain*» (P. G., 281).⁴ Ситуация—действие происходит в зубо врачебном кабинете—позволяет раскрыть значение слова *pain* 'зубная боль', испытываемая в этот момент пациентом. Значение абстрактного существительного конкретизируется также путем соотнесенности с членами других предложений: Don't talk to me about *the country*. The doctor said I was to go there for six weeks last summer. It nearly killed me, I give you my word. *The noise of it* (C. A., 152). Конкретное значение существительного *noise* выясняется из предыдущего предложения.

Существительное—главный член может иметь определение (иногда в виде определительного придаточного предложения): Oh, my God, I have to go to the dentist to-morrow. Oh, the suffering *I have gone through with my teeth* (L. C., 130). Oh God, he thought, the decisions *you force on people, suddenly, with no time to consider* (H. M., 264). Конкретизирующее определение при главном члене—абстрактном существительном обычно постпозитивно: Oh, the *pain in her heart, and the fear!* She could have screamed (P. V., 89). Реже встречается определение в препозиции, как правило, описательное: He could see at once that the genus was altogether a new one. And the *insufferable* scent! How hot the place was! (D., 84).

Очень характерным является определение, выраженное именным сочетанием с предлогом *of*. Это определение бывает только ограничительным: The rapture *of raspberries and cream, the horror of fish, the hell of castor oil!* And the torture *of having to get up and recite before the whole class!* The *inexpressible* joy of sitting next to the driver. . . (G. G., 27). She could think of him now with indifference. She loved him no longer. Oh, the relief and the sense *of humiliation!* (P. V., 160).

Для предложений с главным членом—конкретным существительным постпозитивное конкретизирующее определение не характерно: такое существительное само по себе достаточно конкретно и не требует дополнительных показателей конкрети-

⁴ Примеры предложений с указательным местоимением в роли определения при главном члене см. на стр. 94 и след.

зации: Miss Wilmarth gave a little squeal at the sight of them. «*Oh, the darlings!*» she cried (L. C., 152). «What a picture!» cried the ladies. «*Oh, the ducks! Oh, the lambs! Oh, the sweets! Oh, the pets!*» (S. St., 53).

Наличие определения при главном члене—конкретном существительном, разумеется, не исключается. Обычно это описательное определение в препозиции: The *dirty* dog (P. V., 241).

Конкретные существительные в роли главного члена могут быть эмоционально окрашены (*darling*, *pet*) и могут сопровождаться определением эмоционально-оценочного характера. Эмоциональная насыщенность предложения зависит, однако, не только от его лексического состава. Все предложения этого типа в той или иной степени эмоциональны, что обычно легко обнаруживается в контексте: *The children, mother, the children!* When I saw them this morning, I could feel myself coming alive (Pl., 195) 'Какие дети, мама, какие дети!' «She loves me so much and she waits». He shifted his fat thigh and said, «*The pureness of that love*», and wept (H. M., 55) 'Как чиста эта любовь!'

Эмоциональность таких предложений иногда подчеркивается их восклицательным характером. Возможно также наличие лексических показателей эмоционального характера предложения, к которым в первую очередь следует отнести междометия: *Oh, the peace of that moment!* (G., 196). *Oh, the fool she had been!* (P. V., 170). На эмоциональность предложения могут указывать и слова, вводящие или заключающие прямую речь.

Значение оценки, присущее таким предложениям (и отчасти их эмоциональный характер), связано и с обязательным наличием перед существительным определенного артикля, который здесь приближается по значению к указательному местоимению; причем и местоимение и артикль обычно не имеют при таком употреблении чисто указательного значения, не обозначают 'тот самый', 'этот самый'. Указательное значение местоимения и артикля отступает на второй план, сохраняясь лишь в очень общем виде и уступая место значению эмоционально-оценочному: *I'm exhausted. Yes, it's been very successful. But oh, these parties, these parties!* Why will you children insist on giving parties? (S. St., 69). Имеются в виду приемы гостей как один из видов развлечений. Роль указательного местоимения заключается здесь в указании на отношение говорящего к предмету, на оценку говорящим этого предмета.⁵

Об эмфатическом употреблении указательного местоимения в английском языке упоминается в трудах по грамматике.⁶

Возможность параллельного употребления определенного

⁵ Аналогичное значение указательного местоимения находим в русском языке: Кто за прелесть эта Наташа! (Л. Н. Толстой. Война и мир).

⁶ G. Q. Curme. A Grammar of the English Language. L., vol. III, 1931, pp. 508—509; R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar. Groningen—Djakarta, 1950, p. 168; P. Christophersen, op. cit., p. 113.

артикля и указательного местоимения при существительном — главном члене подтверждает сходство их значения: «There was a time», he said ... «years ago, when I totally lost my head about her. Totally». *Those* tear-wet patches on the pillow, cold against his cheek in the darkness; and oh, *the* horrible pain of weeping, vainly, for something that was nothing, that was everything in the world! (A. H., 85).

Несмотря на близость значения, выбор определителя (артикль или местоимение) может быть обусловлен контекстом. Так, в следующем предложении при существительном—главном члене употребляется артикль: Oh! *the* woefulness of that return! he murmured (D., 30). Два указательных местоимения (при определении и определяемом) вряд ли были бы уместны стилистически.

В целом значение предложений такого типа можно было бы определить как эмоционально-оценочное, причем значение оценки обычно преобладает, если предложение относится к настоящему или совпадает с моментом речи (если оно представляет собой прямую речь): What an expression, Sheila! *Really, the things you girls pick up these days!* (Pl., 269). He appeared in the doorway... «Booted and spurred! — *the energy!*» he cried (S. N., 53). Все предложение приближается по значению к предложению с восклицательным *what* (ср.: What energy!).

Очень часто данная разновидность предложения употребляется в плане прошедшего (обычно в воспоминаниях): When had he known himself of interest to her — the second night, the third? The look in her eyes! The pressure of her arm against his own! (S., 28). O the cries in my heart then (S. S., 14). Определенный артикль в этом случае очень близок к указательному местоимению (ср.: O *those* cries in my heart then).

В отдельных случаях предложение выражает эмоциональную оценку количества: Why didn't you tell me? *The time* we've wasted when we might have been together. All these weeks and days (R., 311). Показателен в этом отношении перевод: *Сколько же времени мы потратили...*

Основным формальным признаком предложений этого типа является определенный артикль при существительном—главном члене, что естественно связано с конкретным значением существительного (а также с оценочным характером самого предложения). При отсутствии определения у существительного — главного члена об ограничении понятия, выраженного существительным, свидетельствует только определенный артикль — формальный показатель конкретизации существительного: The Mexicans stayed in charge, looking after the goats. But the place did not pay... *But the effort, the effort!* (S. N., 141). *But the air!* If you stopped to notice, was the air always like this? (S. St., 61). Сам артикль, однако, не конкретизирует значения существительного, а только указывает на то, что значение существитель-

ного уточняется либо посредством синтаксических уточнителей (определение, соотносительность с членом предыдущего или последующего предложения); либо лексически, в контексте.

Специфика употребления определенного артикля заключается в том, что будучи, с одной стороны, необходимым элементом при существительном—главном члене предложения именно этого типа, артикль является, следовательно, какой-то частью структуры этого предложения, т. е. тем, что отличает этот тип предложения от других именных односоставных. С другой стороны, близость к указательному местоимению со значением эмоциональной оценки свидетельствует о наличии сходного значения и у самого артикля, что особенно заметно при главном члене—имени собственном: *Oh — the damnable Miriam!* (Pl., 89).

Наличие определенного артикля как структурного оформителя предложения именно этого типа несомненно связано и с присущим артиклю в таком употреблении значением оценки. Отмечая сходство значения определенного артикля с восклицательным *what* (a), П. Кристоферсен считает, что сам артикль не имеет оценочного значения (*this subjective colouring, however, is not a constituent part of the meaning of the article itself*), но что это значение оценки содержится в самом предложении.⁷ Это замечание П. Кристоферсена никак не аргументируется. Неясно поэтому, что именно в предложении передает значение оценки. Н. С. Бухтиярова, исследуя значение односоставных предложений в произведениях Т. Драйзера, объясняет наличие у них эмоционально-оценочного значения подбором слов с экспрессивным оттенком, а также интонацией восклицания.⁸ Это справедливо лишь в отношении односоставных предложений в рассматриваемых произведениях: употребление преимущественно эмоционально окрашенных слов продиктовано содержанием этих произведений, а также формой изложения (несовершенно прямая речь). Вообще же круг значений существительных, составляющих такие предложения, неограничен. Определение при главном члене может отсутствовать, а само предложение может и не иметь восклицательной интонации. Приходится предположить, что, очевидно, значение оценки может передаваться и самим артиклем, именно вследствие близости его значения к эмоционально-оценочному *that* (и отчасти *what*): «*Oh, the walls in this place*», *she said again* (S. S., 61) 'О, какие же здесь стены,—опять сказала она.' Ср. номинативное предложение: *Dusk of a summer night. And the tall walls of the commercial heart of an American city ...* (A. T., 9) 'Сумерки летним вечером. И высокие стены коммерческого центра американского го-

⁷ P. Christophersen, op. cit., p. 113.

⁸ Н. С. Бухтиярова. Синтаксис несобственно прямой речи в произведениях Т. Драйзера. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 6.

рода...' Номинативное предложение (и определенный артикль при главном члене) не имеет значения оценки, что отражается и в переводе.

Выражение эмоциональной насыщенности оценочных предложений осуществляется, по-видимому, и при помощи интонации; наличие или отсутствие интонации восклицания, возможно, связано со степенью экспрессивности предложения.

Указательное местоимение может быть таким же необходимым в смысловом и структурном отношении элементом, как и определенный артикль, выполняя в предложении те же функции: *Oh, that lunch!* The table covered with flowers, a band hidden behind a grove of palms playing music that fired her blood like wine ... (S. St., 140).

Параллельное употребление артикля и местоимения в одной и той же функции при одинаковом изменении их основного, указательного, значения является еще одним свидетельством их близости. На связь артикля и местоимения в современном английском языке указывал А. И. Смирницкий: «Артикли связаны с полнозначными словами не только генетически. В современном английском языке артикли близки к местоимениям...».⁹ Употребляясь в одинаковой функции, артикль и указательное местоимение оказываются втянутыми в систему синтаксиса, где, претерпевая некоторое изменение значения, становятся принадлежностью структуры предложения определенного типа.

Другим формальным показателем конкретизации значения существительного—главного члена является особого рода определение: сочетание личного местоимения 3 л. ед. ч. с предлогом *of*, *of it*: *Oh, the shame of it!* She knew that what he said was true (P. V., 86). Определение *of it*, естественно, встречается только при главном члене—абстрактном существительном. Употребляясь всегда при наличии другого формального показателя, определенного артикля, определение *of it* подчеркивает конкретизацию абстрактного существительного. Как и определенный артикль, определение *of it* употребляется либо анафорически, либо в качестве предваряющего элемента: *Why had he left the crystal in the window so long? The folly of it!* (D., 198). Определение *of it* указывает на соотношенность существительного *folly* с содержанием предыдущего предложения. В случае предваряющего употребления *of it* уточнение значения существительного, а следовательно и содержания предложения осуществляется в последующих предложениях:

The filthy ingratitude of it! I took you out of a Birmingham slum, let you go everywhere with me, treated you (Pl., 90). Значение определения *of it* может быть очень общим. Интересно в этом отношении следующее предложение, начинающее главу:

⁹ А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 386—387.

Oh, the pity of it! Such a dashing soldier — so popular... And now! (Ch. M., 26). Определение of it здесь не соотносится с каким-либо словом или предложением; его смысл раскрывается во всем последующем изложении, в содержании всей главы.

Определение of it представляет собой как бы схему предложного определения: «of + имя существительное», которое обычно в таких предложениях. Как и определенный артикль, оно лишь указывает на некоторую степень конкретизации существительного, не раскрывая характера этой конкретизации. Ср.: *Oh, the irony of it!* (С. В. N., 117) 'О, какая ирония!' — и значительно более конкретное: *The bitter irony of fate!* (P. V., 265) 'Какая ирония судьбы!' Будучи специфической принадлежностью английского предложения данного типа, определение of it на русский язык не переводится.

Роль определения of it отчасти сходна с ролью определенного артикля: как и артикль, оно указывает на ограничение понятия, выраженного абстрактным существительным. Но в отличие от артикля определение of it не передает значения оценки; поэтому употребление его не всегда обязательно: *And look how splendidly the pilasters carry up the vertical lines. And then the solidity of it, the size, the immense, impending bleakness of it!* (A. H., 30). Повторяя, подчеркивая то, что уже выражено посредством другого формального элемента, артикля, определение of it употребляется обычно там, где возникает необходимость более четкого выражения конкретной соотнесенности существительного: «To sleep». *Lily Winton said: «To sleep, perchance to dream. The privilege of it»* (L. C., 131). При факультативном употреблении опущение of it может несколько изменить эмоциональную напряженность предложения.

Наряду с определением of it возможно определение of the thing, неопределенностью значения напоминающее местоимение: *The idea of his not opening his mouth sooner — the criminality of the thing!* (D. R., 246). В отличие от of it определение of the thing встречается лишь в единичных случаях.

Итак, в целом для предложений данного типа характерно местоименное оформление (определенный артикль, указательное местоимение, определение of it).

Обязательная конкретизация существительного — главного члена и значение оценки, передаваемое с помощью формальных элементов, отличают эти предложения от других именных односоставных.

Эмоциональная насыщенность предложения выражается в основном интонацией, а также лексически.

При грамматическом оформлении предложений данного типа происходит вторичное сближение артикля и местоимения в области синтаксиса, причем и артикль и местоимение выполняют особую роль в оформлении предложения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. H. — A. Huxley. Antic Hay. N. Y., 6/r.
 A. T. — T. Dreiser. An American Tragedy, vol. I. M., 1949.
 C. A. — S. Maugham. Cakes and Ale. N. Y., 6/r.
 C. B. N. — T. Thurston. The City of Beautiful Nonsense. Leipzig, 6/r.
 Ch. M. — T. Hardy. A Changed Man. Leipzig, 1913.
 D. — H. Wells. The Door in the Wall. M., 1959.
 D. R. — T. Hardy. Desperate Remedies. Chicago — N. Y., 6/r.
 G. — L. Hartley. Go-Between. Penguin Books, 6/r.
 G. G. — A. Huxley. The Genius and the Goddess. L., 1955.
 H. M. — Gr. Greene. The Heart of the Matter. L., 6/r.
 L. C. — D. Parker. Little Curtis. M., 1959.
 P. G. — Gr. Greene. The Power and the Glory. L., 6/r.
 Pl. — J. Priestley. The Plays, vol. III. L., 6/r.
 P. V. — S. Maugham. The Painted Veil. Leipzig, 6/r.
 R. — D. du Maurier. Rebecca. M., 1956.
 S. — J. Galsworthy. Selections. M., 1931.
 S. N. — L. Lawrence. The Short Novels, vol. II. L., 6/r.
 S. S. — J. Hanley. Sailor's Song. L., 1943.
 S. St. — K. Mansfield. Selected Stories. M., 1957.
-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О ДИАХРОНИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Н. Н. Амосова

Проблеме происхождения фразеологических единиц обычно уделяется несравненно меньше внимания, чем определению их сущности в отличие от «свободных» сочетаний слов. В этом есть определенный смысл. Действительно, прежде чем изучать ход становления тех или иных языковых фактов, важно выяснить их специфические черты, как они даны в синхронии.

В литературе по теории фразеологии встречается очень мало специальных этюдов, в которых исследовались бы пути возникновения и развития фразеологических единиц, а теоретических работ, посвященных этой проблеме, фактически вовсе не существует. Обычно дело ограничивается самыми краткими замечаниями по поводу источников происхождения идиом. Среди таких источников называются следующие: разные отрасли хозяйственной и культурной жизни данного народа, произведения художественной литературы, калькирование иноязычных идиом, намек на историческую ситуацию или забытый обычай, обособление части существующих и широкоупотребительных пословиц. Соображения исследователей по этому вопросу в целом, по-видимому, верны. Но в них заметно объединение в общем понятии «источника» идиомы разноплановых фактов и этапов фразеологизации переменного словосочетания, которые должны были бы отчетливо расчленяться в ходе диахронического анализа этого процесса. Вследствие этого само понятие «источника» применительно к истории идиом остается неточным. Строго говоря, таким источником можно было бы признать лишь те речевые обстоятельства, в которых исходное переменное слово, сочетание получает употребление в его фразеологическом, т. е. закреплённом, традиционном переосмыслении, в отрыве от породившей его первоначальной речевой ситуации. Ведь если какое-то выражение, скажем, было впервые создано и употреблено неким говорящим или автором, оно еще не было в этот момент фразеологической единицей. Это было простое переменное сочетание слов — образное, а иногда даже и необразное, которое, бу-

дучи впоследствии подхвачено, цитировано, закреплено в определенном составе компонентов и в определенном, впрочем, чаще более обобщенном, переориентированном содержании — постепенно превратилось в единицу постоянного контекста, т. е. во фразеологизм.¹ Например, когда Шекспир употребил впервые выражения *to tear passion to tatters* и *to out-Herods Herod*, это еще не было фактом их фразеологизации. Ср.:

O, it offends me to the soul, to hear a robustious periwig-pated fellow *tear passion to tatters*, to very rags... I would have such a fellow whipped for o'er-doing Termagant; it *out-Herods Herod*. Pray you, avoid it (Hamlet, III, 2).

Это были образные словесные находки автора и вначале принадлежали только тому тексту, элементами которого они были. Затем, вследствие своей яркой метафоричности и широкой известности содержащего их произведения, они вошли в речевой обиход, стали сначала «крылатыми словами», популярными цитатами, а затем и просто идиомами английского языка. Поэтому, по сути дела, шекспировский текст является источником переменных словосочетаний, оригиналов возникших впоследствии фразеологизмов, а не самих этих фразеологизмов как таковых. Фразеологическая единица никогда не возникает сразу, в первый же момент создания и употребления ее материального состава; она всегда — результат постепенного становления. Именно это обстоятельство и составляет основную трудность для диахронического анализа идиом, даже если речь идет о тех из них, которые первоначально сформировались как переменные сочетания в литературном, письменном тексте. Особенно трудно найти тот речевой отрезок, в котором исходное переменное словосочетание переходит безусловно в новое, фразеологическое качество. Такие исторические разыскания чрезвычайно сложны и редко могут быть достаточно доказательны. Допустим, что в результате просмотра тысяч памятников письменности и самой тщательной сравнительной их датировки можно установить самый ранний случай употребления исследуемого выражения в иной по содержанию речевой обстановке, отличной от той, в какой было впервые употреблено соответствующее переменное словосочетание. Это расхождение в речевых условиях может служить материальным свидетельством появления в изучаемом словосочетании нового семантического качества. Такая работа чрезвычайно трудна и, собственно говоря, не под силу одному исследователю, тем более, если ее проводить фронтально, т. е. если сделать объектом наблюдения историю многих фразеологических единиц. Здесь нужны усилия многих и многих наблюдателей, это ясно. Но не только в этом заключается трудность исследования, но и в том, что здесь не может быть гарантии от невольных грубых ошибок. Ошибки эти могут проистекать не

¹ Ср.: Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., изд. «Высшая школа», 1963, стр. 81.

только от случайных пропусков при вычитке текстов — такие пропуски вполне возможны, ибо разнообразие и обилие материала, подлежащего просмотру, поистине необозримо. Ошибки могут быть вызваны и тем, что найденный факт употребления данного словосочетания может быть просто первым или одним из первых случаев письменной фиксации того, что уже ранее вошло в речевой обиход.² Сложность задачи еще возрастает, если исследуется фразеологическая единица, сформировавшаяся в сфере устного общения, например, профессиональное, бытовое или жаргонное выражение. Здесь историческое наблюдение попросту технически невозможно.

Вот поэтому и приходится довольствоваться упрощенным решением, давая в качестве крайних звеньев диахронической цепи, с одной стороны, исходное переменное сочетание, а с другой — фразеологическую единицу как языковое средство, вошедшее в общее речевое использование, и следовательно, как элемент фразеологического фонда языка. Такой сокращенный вариант исторического объяснения можно видеть относительно идиом несомненно литературного происхождения, и таких идиом, которые представляют собой фрагмент пословицы³ или кальку иноязычного речения. Учитывая трудности иной трактовки материала, приходится соглашаться на это огрубление и обеднение диахронического анализа идиом. И все-таки нельзя не отметить удивительной изменчивости понятия «источника» фразеологизма в разных случаях его применения. Иногда «источником» называется литературное произведение, в тексте которого исходное переменное сочетание (еще не ставшее фразеологизмом) употреблено впервые; иногда «источник» — это речевое произведение типа пословицы; иногда «источником» оказывается не первичный материал, так сказать, а просто та общественная или специальная сфера, в пределах которой возникла (или могла возникнуть) данная многоязычная словесная единица, вышедшая затем на широкий простор речевого употребления и преобразовавшаяся в идиому; бывает и так, что «источником» объявляется не исходный материал и даже не исходная сфера, а процесс, повлекший за собой появление новой идиомы, например калькирование иноязычных фраз.

Такая растяжимость понятия «источника», как нам представляется, зачастую вызывается именно недостаточным различением исходного материала, мотивировки и путей сложения идиомы.

Мотивировка идиомы — это отправной образ или отправная идея, определившие отбор словесного материала для исходного

² См.: Л. П. С м и т. Фразеология английского языка. М., Учпедгиз, 1953, стр. 125.

³ См.: А. В. К у н и н. Некоторые вопросы английской фразеологии. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955, стр. 1453 сл.; Н. М. Ш а н с к и й. Фразеология современного русского языка, стр. 89 сл.

переменного словосочетания или содержание речевого целого, включившего это последнее. Этот отправной образ, идея или содержание служат в дальнейшем и основой для последующего закрепления целостного значения, если речь идет об идиоме, или фразеологически связанного значения одного из компонентов фразеологической единицы, если мы имеем дело с фраземой.⁴ Различие между исходным материалом и мотивировкой идиомы легко показать на примере так называемых «библейизмов», т. е. речений, источником которых признается Библия.

В силу того что знакомство с текстом Библии в течение веков считалось необходимой составной частью религиозного воспитания в Англии, заимствованных из этого текста слов и выражений в английском словарном составе и фразеологическом фонде действительно немало. Однако многие из идиом, признаваемых библейизмами, связаны с исходным текстом именно только своей мотивировкой, но не конкретной материальной формой. Например, сочетания *Judas' kiss* 'внешнее дружелюбие, скрывающее под собой предательство' в Библии нет. Там просто рассказывается о том, как Иуда поцеловал Христа для того, чтобы указать стражникам, кого им надлежит схватить (см.: *Math.*, XXVI, 47—49; *Mark*, XIV, 43—45; *Luke*, XXII, 47—48; *John*, XVIII, 3—5). В длинном повествовании о бедствиях Иова (*The Book of Job*, Ch. I—XLII) нет словосочетаний *Job's post* 'тот, кто приносит дурные вести', *Job's news* 'дурные вести', *Job's comforter* 'горе-утешитель', но все содержание этого повествования служит общей мотивирующей основой этих фразеологизмов, сформировавшихся где-то за пределами страниц Библии. Фразема *Jacob's ladder* 'крутая лестница' и идиома того же состава 'сноп солнечных лучей на фоне темных облаков' восходят своей мотивировкой к преданию об Иакове, видевшем во сне лестницу, идущую от неба до земли, по которой поднимались и спускались ангелы (*Genesis*, XXVIII, 12), но такого атрибутивного сочетания опять-таки в исходном тексте не имеется.

В многочисленных случаях, подобных этим, различие между мотивировкой и исходным материалом фразеологической единицы просто бросается в глаза. Но различие это существует и в тех случаях, о которых говорилось выше, т. е. и тогда, когда в исходном тексте имеется соответствующее словосочетание. Особенно заметно это различие, если исходное словосочетание имеет прямой необразный смысл. Например, идиома *corn in Egypt* 'изобилие, достаток' воспроизводит словосочетание, имеющееся в словесной ткани библейского предания о голоде, охватившем все страны, кроме Египта:

... I have heard that there is *corn in Egypt*: get you down thi-

⁴ Об идиоме и фраземе как разновидностях фразеологических единиц см. монографию автора настоящей заметки «Основы английской фразеологии». Изд. ЛГУ, 1963, гл. II, §§ 1 и 2.

ther, and buy for us from thence; that we may live, and not die (Genesis, XLII, 2).

Здесь это сочетание имеет прямой смысл — 'хлеб в Египте'. Таким образом, оно является материальным прообразом будущей идиомы, но мотивировка этой последней заключается в сохранении включающего его текста.

Мотивировка содержится в материальном составе исходного словосочетания в тех случаях, когда оно является изначальной метафорой. Если уж держаться библеизмов, то примером тут может служить идиома *to have itching ears* 'быть падким на новостях'. Ср.:

For the time will come when they will not endure sound doctrine; but after their own lusts shall they heap to themselves teachers, *having itching ears* (Timothy, IV, 3).

Правда, нужно признать, что большей частью такие сочетания претерпели известное переоформление, но это уже вопрос иной.

Возможен, хотя и встречается редко, еще один вариант соотношения исходного материала и мотивировки идиомы. В исходном тексте может быть налицо первичное переменное сочетание даже в той точно форме, в какой оно стало впоследствии идиомой, но смысловой мотивировки его дальнейшей фразеологизации в этом тексте нет. Например, из Библии взято сочетание *the land of Nod* (Genesis, IV, 16), которое буквально означает 'страна Нод'; оно было каламбурно использовано как идиома со значением 'сон' ('страна дремы'), причем каламбур построен на омонимии топонима *Nod* и английского существительного *nod* 'дрема, клеванье носом'. Здесь мотивировка сосредоточена в самом словосочетании и даже, по сути дела, в одном из его членов, но она основана не на образе, не на идее, выражаемой этим членом, а на его звуковой форме.

Если литературный оригинал фразеологической единицы не может быть установлен или вообще отсутствует, единственной основой анализа и мотивировки, и сферы возникновения, естественно, может служить только сам материальный состав фразеологической единицы, его буквальный, исходный смысл. Например, идиома *to have a ball at one's feet* 'быть хозяином положения' (букв. 'иметь мяч у себя в ногах') ясно обнаруживает свою связь с футболом и, следовательно, можно предполагать с достаточной долей вероятности, что это словосочетание возможно в профессиональной речи футболистов и там же, может быть, приобрело свой фигуральный смысл. Но даже при наличии более или менее легко вскрываемой мотивировки идиомы атрибуция этой последней в той или иной сфере речевого общения нередко производится «на глазок». Например, Л. П. Смит связывает с «птичьим двором» (т. е. с хозяйственной сферой) выражение *to be no chicken* 'выйти из детского возраста', *to look on the dark side of things* 'быть пессимистом, во всем видеть

плохое' — с «речью художников», to make two bites at a cherry 'прилагать излишние старания к очень легкому делу' — с «кругом выражений, относящихся к огородам и садам», not to care a rip — с «шитьем и починкой одежды», a not to care a straw — с «сельским хозяйством».⁵ Тематические списки Л. П. Смита, может быть, представляли бы тот интерес, что могли бы показать, из каких понятийных сфер английское образное мышление преимущественно черпает свои метафоры. Но для этого исследователь должен был бы более тщательно отличать понятийную сферу от источника фразеологизмов и подвергать последние более строгой исторической проверке. Например, он помещает идиому under the rose 'тайком, по секрету' среди идиом, в которых «упоминаются цветы»,⁶ но она не имеет никакого отношения к самостоятельному творчеству английского народа: ведь известно, что это калька латин. sub rosa (у римлян роза служила символом молчания); а упомянутая выше идиома to make two bites at a cherry, даже если согласиться на отнесение ее к сфере огородничества и садоводства (что само по себе, конечно, большая натяжка), тоже, видимо, несколько не показательна в идеографическом отношении, так как, если верить В. Коллинзу, она тоже является калькой.⁷

Итак, вскрытие мотивировки идиомы — это не то же самое, что установление ее источника. Источником же ее, вследствие трудности установления момента фразеологизации исходного словосочетания, приходится считать те речевые условия, в которых сложилось данное словосочетание. Это может быть либо литературный текст, либо устное языковое общение в пределах определенной идеографической сферы.

Определение мотивировки и источника фразеологической единицы — это два взаимосвязанных, но не совпадающих друг с другом аспекта диахронического анализа фразеологических единиц. Третьим его аспектом является исследование путей фразеологизации словосочетаний, т. е. самого механизма этого процесса, от повтора, переосмысления, возможного переоформления — к стабилизации. Здесь многое уже угадано, но почти ничего не показано и не доказано, утверждения остаются в большей степени плодом логических умозаключений, нежели обобщением широких и детальных наблюдений.⁸

Мы говорили здесь в основном о диахроническом анализе идиом. Такой же анализ фразем в некоторых частных пунктах может быть несколько иным, но об этом нужно поговорить особо.

⁵ См.: Л. П. Смит. Фразеология английского языка, стр. 66, 96, 73, 87, 72.

⁶ Там же, стр. 74.

⁷ V. H. Collins. A Book of English Idioms. Учпедгиз, 1960, стр. 240.

⁸ См., напр.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., Изд. лит. на иностр. яз., 1956, стр. 226.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДОВ В АНГЛИИ XVI в. И РОЛЬ Т. ЭЛИОТА В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С. С. Линский

Известно, что при изучении истории лексики того или иного языка ценными источниками являются многочисленные лексикографические труды, созданные в разные периоды истории изучаемого языка.

Следует, однако, заметить, что история создания словарей и особенно вопрос о формировании лексикографических традиций до сих пор недостаточно освещены в языкознании отдельных стран.

Это замечание полностью относится и к английской лексикографии, историю которой принято начинать с появления первого толкового словаря Кодри.

Между тем уже в XV—XVI вв., т. е. еще до появления первого толкового словаря, в многочисленных параллельных словарях формируются приемы, получившие развитие в лексикографических трудах последующих периодов.

В данной статье сделана попытка рассмотреть некоторые особенности словарей, появившихся в Англии в XVI в., показать роль Т. Элиота в английской лексикографии, а также выяснить, в чем заключается ценность данных словарей для исторической лексикологии и лексикографии английского языка.

Для анализа взяты три параллельных словаря, пользовавшихся в XVI в. большой популярностью, Купера, Барета и Флорио.¹

Одна из особенностей параллельных словарей XVI в. та, что все они не являются словарями одного типа, т. е. словарями,

¹ Th. Cooper. *Dictionarium Latino—Anglicum*. L., 1552 (словарь, составленный Т. Элиотом и переизданный Купером, — в дальнейшем будем называть словарем Элиота — Купера); I. Baret. *An Alvearie or quadruple dictionarie, containing foure sundrie tongues: namelie, English, Latine, Greeke and Frenche, newlie enriched with varietie of wordes, etc.* . . . L., 1580; John Florio. *Dictionarie in Italian and English*. L., 1598.

которые можно было бы определенно назвать словарями только переводными. В большинстве из них сосуществуют особенности разных типов словарей. Это проявляется прежде всего в манере толкования значений слов. Так, в этот период широко употребляется толкование значений, характерное для энциклопедических словарей.

В словаре Элиота—Купера встречаем, например, следующее толкование значения латинского слова *Chameleon*: «*Chameleon, ontis, m. g.* — небольшой зверек, кожа которого покрыта пятнами, как у ящерицы. Он меняет различные цвета в соответствии с цветом вещи, которую видит этот зверек. Они происходят из Индии и по величине и виду похожи на ящерицу, однако их ноги длиннее. Ходят они прямо и имеют морду, как у свиньи, а также длинный хвост, который узок на конце. Их глаза никогда не закрываются, они никогда ничего не едят и не пьют, но питаются только воздухом (!?)».

Оставляя в стороне вопрос о наивности рассуждения по поводу того, чем питается хамелеон, можно заметить, что сам характер толкования значения слова представляет собой типичный образец словарной статьи энциклопедического словаря. Составитель словаря стремится сообщить все известное ему о предмете, существе или явлении, обозначенном данным словом.

Объясняя значение слова, Элиот часто приводит исторические сведения, рассказы и анекдоты, как-то связанные со значением объясняемого слова, т. е. вводит читателя словаря в круг реалий, ассоциируемых с данным словом.

Так, объясняя слово *nasturtium*, он пишет: «*Nasturtium, ii* — растение, называемое *Cresses*, которое высоко почиталось у персов, так что молодые люди, отправляясь на охоту, не ели ничего, кроме этого растения, полагая, что их мысли будут более быстрыми и оживленными».

Делаются ссылки и на сферу употребления слова. Например, давая толкование латинскому слову *calendarium*, *iii*, Элиот показывает, что оно употребляется преимущественно в среде купцов, ростовщиков и юристов:

«... and because merchantes and usurers dyd often make suche recknyng bookes or tables for remembrance of dettes, it is taken amonge civile lawers, for the feacte or practise of lendyng of money».

Близки к данному способу и такие толкования, в которых раскрывается содержание понятия, обозначенного тем или иным словом.

Например, вводя латинское слово *assentator*, Элиот объясняет его значение следующим образом: «*assentator, ōris, m. g.* — a flatterer, that prayseth a man overmuch, and holdeth up his yea and nay in every thyng».

Или, объясняя латинское слово *aristocratia*, он пишет: «*Aristocratia*, æ — the fourme of governaunce of a weale publike, where many doo rule, that are of moste vertue and power».

В этих случаях раскрывается понятие, обозначенное данным словом, описывается объем данного понятия и в ряде случаев устанавливаются границы его. Последнее особенно заметно при объяснении слов абстрактного значения.

Например, слово *beneficentia* объясняется следующим образом: «*Beneficentia*, æ — не только щедрость (*Liberalitee*) в снабжении деньгами, вещами и другими подобными предметами, но также в помощи человеку советом, разъяснением и другими делами».

В этом определении видно стремление разграничить близкие по значению слова *beneficence* и *liberality*, в которых заключается общее им значение 'щедрость'. Разграничение идет по линии расширения объема значения слова *beneficence*.

Подобные объяснения очень часто даются как можно более наглядно, с возможной степенью изобразительности.

Например, объясняя значение глагола *circumfluere*, Элиот дает следующее описание: «*circumfluo*, *fluoi*, *ēre* — to abound. Also to flow or renne about, as water about a citee or countreye. Sometye to envyronne or compasse. Also to resort to a place in great number out of all partes».

Любопытное образное объяснение значения слова дает в своем словаре Барет: «*confuselie* — one with another, as folkes go to market. *Permiste*».

Кроме указанных выше способов, значение слова в тех же словарях может раскрываться через синонимы.

Объясняя глагол *attingere*, Элиот приводит целый ряд синонимов к нему: «*attingo*, *i*, *ere* — to touch almoste, to touche softly, to mencion or handle a matter brefely, to meddle a litele with a thing».

Ряд синонимов дается и при объяснении слов *vehemens* и *audacia*: «*vehemens*, *tis* — vehement, great, urgent, fierce, sharpe», «*audacia*, æ — foolehardynesse, courage, trust, confidence in ones selfe, aventerous courage, stomache, boldnesse, presumption».

Приведенный ряд синонимов как бы обрисовывает объем понятия, обозначенного словом, показывает возможные оттенки значения его и таким образом устанавливает предел возможного варьирования употребления слова.

Для историка английской лексики ценный материал дают те определения, которые содержат уже адаптированную форму латинского слова, как, например, в приведенном выше примере на слово *vehemens*, где объем понятия, установленный группой синонимов, объясняющих латинское слово *vehemens*, является в то же время и объемом понятия английского прилагательного *vehement*.

Подобные словарные статьи фактически могут рассматриваться как образцы словарных статей будущих синонимических словарей. Например, значение глагола *abandonare* в словаре Флорио раскрывается целой группой синонимов: «*abandonare, to abandon, to forsake, to leave, to cast off, to shake, to give over, to refuse*».

Само собой разумеется, что в таком толковании раскрывается понятие, обозначенное итальянским глаголом *abandonare*, а в то же время и понятие, обозначенное английским глаголом *to abandon* (для данного периода, когда глагол *to abandon* является еще неологизмом).

Приведенная здесь группа английских синонимов в совокупности составляет объем понятия заглавного слова. Именно в этом можно обнаружить норму словоупотребления, сложившуюся в данный период, установить границу допустимости (возможного) расширения синонимического ряда.

Отсюда ценность для исторической лексикологии словарей данного типа (учитывая отсутствие собственно синонимических и толковых словарей).

Еще более ценны в этом отношении примеры толкований, где используются и описание значения слова и раскрытие оттенков значения через синонимы.

Например, объясняя значение латинского слова *decorum*, Элиот приводит в качестве эквивалента английское слово *semelynesse*, а затем дает объяснение понятия. После объяснения понятия дается еще одно английское слово, рассматриваемое как эквивалент — *grace*. Таким образом раскрывается не только значение латинского *decorum*, но и синонимические значения английских слов *semelynesse* и *grace*, а вместе с тем и значения каждого из них: «*decorum, ri, n. g. — a semelynesse, or that whiche becometh the person, havynge regarde to his nature, degree, studie, office, or profession, be it in dooeing or speakyng: a grace...*»

Для более полного показа ценности подобных толкований приведем еще несколько объяснений, данных в словаре Элиота:

«*Astrologus, i, — an astrologien, he that studieth the speculation of astronomy*».

«*Patronus, ni, — he that is advocate on the defendauntes parte, an attorney, a spokesman, he that defendeth one in trouble and perill*».

«*Liberalitas, tatis, — liberalitee, bountee, honest intreating or dealyng, freenesse in gevyng or bestowing*».

«*Decoctor, oris — he that hath wasted all his substaunce and is brought to extreme povertie, specially by dyce playing and lechery, a bankrupt*».

Из анализа приведенных выше определений видно, что толкование значения латинского слова *astrologus* равным образом относится и к определению значения английского *astrologien*.

Объяснение значения латинского слова *patronus* относится одинаково и к английским *attorney* и *spokesman*, в то же время показывая синонимичность слов *attorney* и *spokesman* так же, как показана синонимичность слов *liberalitee* и *bountie*.

Объяснение значения латинского *decoctor* является в то же время объяснением значения английского слова *bankrupt*.

В словаре Барета находим те же самые особенности, т. е. здесь, как и в словаре Элиота — Купера, сосуществуют разные типы толкования значений:

1) объяснение сущности понятия, обозначенного словом: «*a long round instrument of husbandrie to breake clods called a roller. Cylindrus*»;

2) объяснение через синонимы: «*Boldnesse: presumption, rashnesse. Audacia, æ*»; «*to recover, or get againe. Recupero*»; «*Baptisme, or christening. Baptismus*».

Иногда приводится и пример употребления слова, например, «*experience: practise. Experientia. Thou art no expert, thou hast no experience*»;

3) объяснение сущности понятия вместе с употреблением синонима или английского эквивалента: «*Palmerie or the divination and telling of fortune by markes and lines in the bandes. Chiromantia*»; «*One that hath riotously wasted his substance, a banquerote. Decoctor*»; «*That grace, seemelnesse and comelnesse that a bodie hath in doing something. Decorum*»; «*The Attorney or proctour on the defendantes part: a spokesman: a patron: he that in trouble and perill defendeth. Patronus*».

И, наконец, даже в словаре Флорио, который пользуется в основном способом объяснения через синонимы, можно найти определения описательного характера: «*democratia, æ — a free common wealth, having no Prince or superior but themselves, as Venice is*».

Подобным способом Флорио обычно объясняет слова, являющиеся названиями поэтических фигур: «*metonomia, æ — a figure when the cause is put for the effect*»; «*monodia, æ — a mournfull song where one singeth alone*».

Соединение объяснения с употреблением английских эквивалентов тоже наблюдается у Флорио: «*Chiromante, — a palmer, a diviner by the palme of the hand*»; «*Compilare, — to compile; compilatione, — a compilation, a heaping or gathering together in one*».

Нетрудно заметить, что описательные толкования применяются здесь преимущественно по отношению к словам терминологического значения.

При описании значений многозначных слов каждый из рассматриваемых словарей фиксирует эти несколько значений, причем интересно отметить попытки установления путей возникновения у слова новых значений.

Делается это преимущественно путем указания на:

а) этимологическое значение (т. е. показывается путь развития, изменение значения) и б) возможность переносного употребления слова (т. е. показывается перенос названия).

Этимологические значения объясняемых слов чаще всего раскрываются в словарях Барета и Элиота.

Например, в словаре Барета значение слова *angel* объясняется следующим образом: «*Angel is borrowed of the Latin word Angelus, which also is derived of the Greeke ανγελος, which signifieth a messenger Nuntius.*»

В словаре Элиота тоже указано этимологическое значение данного слова: «*Angelus, i, — an aungell. In greeke it proprely signifieth a messenger.*»

Объясняя значение слова *ambry*, Барет пишет: «*...It seemeth to be derived of this Frenche worde Aumosniere, whiche is a little purse, wherein was put single money for the poore, and at length was used for any hutch or close place to keepe meate left after meals, which at the beginning of christianitie, was ever distributed among the poore people...*»

Объясняя значение слова *divisor*, Элиот пишет: «*Divisor, oris — among the old Romaines was he, which at the election of great offices, divided or gave moneie to the people in the name of them that sued for the office, to the intent for to atteyne it: one that distributeth...*»²

Объясняя слово *almanach*, Барет пишет: «*...seemeth to be eyther an Arabic or a chaldie worde. Al is an article in their language, as Le, is in French, and The, in Englishe. And Mana in Hebrue or chaldie tongue, signifieth to number, for in the Calender monethes and dayes are counted and numbered.*»

Таким образом, указание на этимологическое значение служит средством показа основы, на которой возникает новое значение слова, причем это новое значение может и не объясняться как вполне очевидное.

Указание на перенос как способ создания нового значения может прямо и не приводиться, но сам порядок расположения значений позволяет судить о том, какое из них основное, а какое переносное. Так, в словаре Элиота основное значение ставится на первое место, а затем идут переносные. Например:

«*Ascensus, an ascending, mounting, or climbing up. Also advancement or risynge to honour.*»

«*Latratus, a barking or baying of dogges. Also a vehement speeking agaynst one.*»

«*Cylindrus, dri — an instrument, whiche is longe and rounde lyke a pyllar, and turneth wherwith the cloddes of earthe are broken, called communly a roller. It is also any thyng that is easy to be rolled or tumbled.*»

Кроме этого, у Элиота указанием на переносное значение

² Производный характер второго значения отмечен в словаре отточнем: «*...to the intent for to atteyne it: one that distributeth or divideth.*»

служат специальные пометы — «by a metaphor», «figuratively»: «carnifex, icis — a execucioner, or hange man that cutteth men in pieces. And by a methaphore, a murderer, a cruell person»; «circulus, li — a circle or compasse. And by a metaphore it is taken for a company of men standyng or sittyng together»; «ceruix, the hynder parte of the necke, and figuratively, the lyfe or savegard of a man».

Таким образом, рассматриваемые словари не являются в строгом смысле словарями параллельными, переводными. Они совмещают в себе особенности толковых, энциклопедических, синонимических и даже этимологических и исторических словарей.

Сами приемы объяснения, толкования значения слова тоже содержат ряд особенностей.

Описательное объяснение, как правило, не является толкованием лексического значения слова, а содержит в себе описание понятия, обозначенного словом.

Эта особенность вызвана, с одной стороны, характером самого объясняемого слова, так как большинство разъясняемых (объясняемых) таким образом слов является словами терминологического характера. С другой стороны, это связано с общелингвистическими теориями эпохи, когда слово рассматривалось как непосредственное выражение понятия и понималось как равное понятию.³

Анализируя особенности синонимического толкования, можно заметить, что синонимическое объяснение обычно не содержит дискриминации синонимов. Однако предпосылки разграничения значений синонимических слов заложены в том, что толкование дается отдельно каждому из слов, поставленных затем в синонимический ряд.

Например, в словаре Барета в один синонимический ряд поставлены слова *beneficence* и *liberalitie*: «Beneficence, liberalitie, doing pleasure anie way. Beneficentia. . .».

В словаре Элиота слово *liberalitie* поставлено в синонимический ряд с рядом других слов: «*Liberalitas, tatis — liberalitee, bountie, honest intreating or dealyng, freenesse in geving or bestowing*».

В каждой из этих словарных статей не содержится указания на дискриминацию в употреблении слов *beneficence* и *liberality*, однако замечания, сделанные по поводу объема понятия каждого из них, дают ясную картину взаимоотношения данных слов. Так, у Элиота: «*Beneficentia, æ — is not only liberalitee in geving money or possessions, or other lyke things, but also in helping a men with consaile, solicitation, or other labour*»; «*Liberalitas, tatis — liberalitee, bountie, honest intreating or delayng, freenesse on geving or bestowing*».

³ См.: С. С. Линский. Языковые теории в эпоху английского возрождения. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XVII, вып. 5, 1958, стр. 435—445.

Или, объясняя латинское слово *decorum*, Элиот вводит английские эквиваленты его, которые он видит в словах *seemeliness* и *grace*. Барет в качестве эквивалента добавляет еще слово *comeliness*: «That grace, seemeliness, and comeliness that a bodie hath in doing something. Decorum».

Однако и Барет и Элиот не включают в качестве эквивалентов *decentia*, æ, слово *grace*, подчеркивая тем самым большую общность синонимов *comeliness* и *seemeliness*: «Comeliness; seemeliness. Decentia, æ» — у Барета, «Decentia, æ — comeliness, semeliness» — у Элиота.

Таким образом, хотя в данных определениях нет прямого указания на взаимоотношение синонимов, исследователь истории английской лексики может извлечь богатый материал по исторической синонимике английского языка, используя данные параллельные словари.

Каждый из рассматриваемых словарей предпочитает какой-то из рассмотренных выше способов толкования.

Так, в словаре Элиота преобладают определения описательные, свойственные энциклопедическим и терминологическим словарям.

Словарь Барета и особенно словарь Флорио ближе стоят к толковым и синонимическим словарям, хотя в словаре Барета тоже не редки описания обозначаемых предметов и явлений, а также раскрытие этимологии слов.

Достаточно привести несколько определений одного и того же слова, даваемых этими словарями, чтобы ясно представить себе особенности каждого словаря. Например, латинское слово *synomyia*, и происшедшее из него итальянское *cinomia* указанные словари объясняют следующим образом.

Элиот «Synomyia, æ — a flye that doeth make the bloude of beastes, some call it an horse flye, all be it by etymologie of the worde: it might be better called a dogge fly. It is also the beste called cynocephalia».

Барет: «A Flie sucking the bloud of beasts, a horseflie, a dogge flie. Synomyia».

Флорио: «Cinomia, a horseflye, or a dogflye».

Из сопоставления приведенных здесь определений видно, что Элиот стремится сообщить как можно больше сведений о предмете. Барет тоже дает описание предмета, следуя в основном за Элиотом. Флорио ограничивается лишь указанием слов, вступающих в качестве эквивалентов к объясняемому слову, и не вдается в подробности описания предмета.

При объяснении слова *anniversary* наблюдаем следующие особенности.

Элиот: «Anniversarius, a, um, that every yere returneth at the time».

Барет: «Anniversarie is compounded of two latin wordes, Annus, and Verto, which is asmuch to say, as the same day retur-

ned and come againe of some friendes death, which was the same day twelve moneth before, on the which day yearly they used certaine ceremonies. in remembrance of such a friend departed. Annua parentalia».

Флорио: «Anniversario, from yeere to yeer, once a yeer, done every yeere at a certaine time».

Анализ данных определений показывает, что Элиот дает описание понятия, обозначенного словом. Барет прибегает к раскрытию этимологии, а Флорио, как и в предыдущем примере, дает группу синонимических выражений.

Данные толкования можно считать типичными для разобранных здесь словарей.

Выше мы отмечали, что рассматриваемые словари совмещают в себе особенности разных типов словарей и каждый из них использует все возможные способы толкования, объяснения значений слов.

Такая особенность данных словарей лишний раз свидетельствует о сознательном стремлении лексикографов отразить все богатство словарного состава английского языка.

Об этом стремлении говорит и тот факт, что каждый из составителей словарей свободно пользуется возможностью введения неологизмов.

Например, такие слова, как contagiousness, demigod, derivation, vocabular, scraper, emulation, to circumflex, to exclaim, coinheritance и др., впервые засвидетельствованы в словарях Палгрейва, Хулоэта, Элиота, Левинса, Флорио, Барета.

Важно и то, что каждый из неологизмов сознательно объясняется авторами словарей путем применения различных приемов, что способствует вхождению и закреплению новых слов в словарном составе английского языка.

Интересно отметить, что в XVI в. довольно часто отдельные страницы в произведениях различных авторов напоминают словарные статьи. Особенно часто это наблюдается в книгах научно-популярных и в переводных произведениях, где заимствованные слова и научная терминология по мере употребления их в тексте тут же объясняются и растолковываются. Например, слово moderation, употребленное в произведении Элиота «Правитель», объясняется следующим образом: «Moderation is the limites and boundes whiche honestie hath appoynted in spekyng and doinge» (E. G., 327).

В том же произведении слово abstinence объясняется следующим образом: «Abstinence is wherby a man refrayneth from any thyng, whiche he may lefully take, for a better purpose...»

В произведении Р. Эшама «Наставник» дается следующее объяснение слову metaphoris: «...metaphrasis is to take some notable place out of a good prose and turne the same sense into meter or into other wordes in prose...» (A. S., 93).

Эти объяснения, вызванные необходимостью формирования

новых понятий, по существу мало отличаются от словарных статей.

В тексте произведений встречаются и случаи постановки синонимов, которые разъясняют вводимые автором неологизмы или популяризуют уже имеющиеся слова.

Так, например, писатель Боорд, употребляя слово *repletion*, тут же ставит объясняющий синоним *surfeit*.

Синонимичность показана употреблением союза *or* 'или': «...*replecyon or a surfet is taken as well by gurgytacions...*» (B. D., 267).

Подобные примеры для XVI в. — обычное явление.⁴

Сопоставление способов толкования значений слов, применяемых отдельными авторами, со способами толкования слов в словарях приводит к выводу, что переводчики и авторы отдельных произведений дали первые образцы способов толкования слов, применяемых в словарях.

Особенно велика в этом отношении в XVI в. роль Элиота.

Элиот принадлежал к придворно-аристократическому течению писателей, отличительными чертами которого были культ античности, гуманизм, эстетизм. Будучи разносторонне образованным человеком, Элиот оставил после себя большое литературное наследство. Хотя его произведения не представляют большого интереса с художественной стороны, однако они дают ценный материал для понимания процессов развития литературного языка того периода и процессов пополнения словарного состава английского языка.

В своих произведениях Элиот постоянно прибегает к объяснению значений отдельных слов и многие из его определений прямо заимствуются лексикографами. Немалую роль здесь сыграло и то, что Элиот является автором очень популярного в его время латино-английского словаря. Например, приведенное выше толкование значений слов *moderation* и *abstinence* Элиот повторяет⁵ в своем словаре, переработанном позднее Купером: «*Temperantia, temperance, moderation, whiche is a firme and moderate governaunce of reason agaynste sensualitee, and other vicious affections of the mynde...*»

В словаре Барета это определение, как и многие другие, дается аналогично словарю Элиота—Купера: «...*abstinence, a vertue forbearing extencion, or violente taking of other mens goodes. Abstinencia*».

Многие лексикографы прямо указывают, что целый ряд толкований заимствовано ими у Элиота. Например, в книге «Об

⁴ См.: С. С. Линский. Способы введения и популяризации неологизмов, употребляемые английскими писателями и лексикографами XVI века. Уч. зап. ДВГУ, филол. серия, вып. IV, 1962, стр. 21—22.

⁵ Говоря об идентичности дефиниций, мы не имеем в виду обязательного полного текстового совпадения.

источниках словаря Котгрейва» исследователь Смолей пишет: «Не вызывает сомнения, что словари, вышедшие после словаря Элиота, настолько обязаны заимствованием друг у друга и у Элиота, что в большинстве случаев невозможно указать кого-либо иного, кроме Элиота, как автора дефиниций...»⁶

В этой же книге, в подтверждение аналогичной мысли приводятся отрывки из целого ряда словарей, где повторяются определения, данные первоначально Элиотом.

Купер: «Venditio ... a sale, a selling» (B. E.); «Venditio ... a sale, a selling» (T.).

Барет: «... Venditio ... a selling, or sale ... Vendition» (T. A.).

Томас: «Venditio ... a sale, a selling» (Dic.).

Холибанд: «Vendition, a selling ...» (Dic., F. E.).

Флорио: «Vendita, the sale or selling of anything, a vendition ...» (W. W.) etc.⁷

Следует еще раз подчеркнуть, что первоисточником рассмотренных толкований являются обычно толкования, данные не в словарях, а в произведениях отдельных авторов, в данном случае в произведениях (а не в словаре) Элиота.

Сам Элиот подчеркивает это, когда в словаре, давая объяснение значения латинского слова *publicus*, пишет: «...смотри точное определение слова в моей книге „Правитель“».⁸

Анализируемые словари не являются нормативными. В них нет указаний на сферу употребления слов и лишь иногда содержатся замечания о границах употребления слова в том или ином значении. В этом отношении показательна деятельность Элиота, который ясно понимал необходимость нормирования в области лексики и старался на практике осуществить это. Так, например, в «Правителе» он пишет, что «слова, подходящие на банкете или во время развлечений, не следует употреблять во время серьезных бесед или во время молитв...» (E. G., p. 17).

Здесь прямо указано на необходимость соблюдения определенных норм словоупотребления. Стремлением указать нормы употребления слов объясняются встречающиеся иногда у Элиота попытки дискриминации синонимов в пределах одного гнезда, безусловно повлиявшие на составителей первых синонимических и толковых словарей.

Так, в произведении «Правитель», вводя латинское слово *fides* 'вера, доверие', Элиот приводит целый ряд синонимов для того, чтобы раскрыть значение этого слова. Слово *fides* при этом

⁶ V. E. Smalley. The Sources of a Dictionary of the French and English Tongues by R. Cotgrave. Baltimore, 1948, p. 98.

⁷ Там же, стр. 51—52.

⁸ «*publicus*, a, um, common, but more properly *publike*, that is to say, pertaining to every state of the people jointly and severally, see the true definition thereof in my booke called the governour».

выступает как обобщающее, включающее в себя все оттенки общего понятия 'вера, доверие'.

Для показа различий в употреблении синонимов к этому слову, таких, как *faith, credence, trust, fidelity, loyalty*, Элиот объясняет каждое из них, раскрывая понятия, обозначенные этими словами: «Когда речь идет о вере в заповеди и наставлении бога, то это носит имя *faith*. В отношениях между людьми это обычно называется *credence*. В отношениях между людьми равного положения и находящихся в равных условиях это называется *trust*. В отношениях между слугой и господином это более точно может быть названо *fidelity* или французским термином *loyalty* ...» (E. G., 367).

Аналогично дискриминация синонимов приводится для синонимического ряда, включающего такие слова, как *benevolence, charity, zeal, amity, beneficence*.

«Если это качество (*benevolence*) распространить на всю страну или город, то его правильнее назвать *charity*, а иногда *zeal*. Если же оно применяется по отношению к одному лицу, тогда оно носит имя *benevolence*. Если оно полно сильного чувства и применимо к одному избранному лицу, тогда оно называется *amity*. Если же это качество находит конкретное (материальное) проявление, то оно называется *beneficence*. ...» (E. G., 89—90).

Как и в предыдущем примере, нормы употребления слов даны не через показ употребления их в контексте, а через раскрытие значений каждого из слов, через описание объема значений отдельных слов.

В словарях XVI в. дифференциация синонимов обычно не дается и поэтому отрывки из произведения Элиота представляют собой первый опыт словарных статей будущих синонимических словарей.

Нормализаторская деятельность Элиота проявляется и в тех своеобразных стилистических «пометах», которые встречаются иногда в произведении Элиота.

Таковыми пометами выступают слова *vulgarely, commonly*.

Например, вводя в употребление слово *celerity* 'быстрота, скорость', Элиот дает и синоним его *speediness*, указывая на стилистические различия между ними: «...Я думаю, что достаточно объяснил качество, названное *maturity*, которое является средним между понятием „медлительность“ и понятием „быстрота“, в обычной речи (*commonly called*) называемое *speediness*» (E. G., 245).

Другой пример:

«Наиболее порицаемым пороком и наибольшей несправедливостью я считаю неблагодарность (*ingratitude*), в обычной речи называемую *unkindness* (*commonly called unkindness*)» (E. G., 166).

Принадлежность слова к «низкому» стилю указывается при

помощи слова *vulgarely*. Так, приводя латинское слово *ire* 'гнев', Элиот говорит, что в английском просторечном языке это понятие обозначается словом «*wrathe (vulgarely called wrathe)*» (E. G., 55—56).

Замечания о нормах употребления отдельных слов, которые приводились здесь, обнаруживаются иногда и в словаре Элиота, где даются замечания о диалектных вариантах произношения и употребления, о стилях речи. Так, например, объясняя значение латинского слова *cylindrus*, *dri*, Элиот дает английский эквивалент этого слова *roller*, замечая, что слово *roller* общепотребительно: «*Cylindrus, dri — an instrument, whiche is longe and rounde lyke a pyllar, and turneth, wherwith the cloddes of earthe are broken, called communely a roller...*»

В другом месте, объясняя значение латинского слова *compilare*, Элиот приводит фразеологическое выражение *to poll and shave*, характеризуя его как просторечие (*vulgar*): «*Compilo, compilas, aui, are, to take by extortion or wronge. Or (as the vulgar speeche is) to poll and shave.*»

Диалектные варианты произношения и употребления отдельных слов указаны, например, при толковании слов *cabbalus* и *centunculus*.

Так, переводя латинское слово *cabbalus*, *li* английским словом *horse*, Элиот замечает, что в некоторых местах Англии лошадь называют *a cable*: «*Cabbalus, li — an horse, yet in some part of Englande they do call an horse, a cable.*»

Говоря об английском эквиваленте латинского слова *centunculus*, Элиот дает два варианта произношения его — *chafwede* и *Cudwede*, указывая, что последнее наименование обычно встречается в Йоркшире: «*Centunculus, or centunculum — a certayn herbe, which hath lost leaves lyke floxe, and is named chafwede: it is called on Jorkshine Cudwede...*»

Сопоставление данных определений с определением этих же слов в словаре Барета показывает, что именно Элиот делает попытки внесения в словарь замечаний нормативного порядка. Барет эти же слова дает без всяких замечаний: «*A long round instrument of husbandrie to breake clods, called a roller. Cylindrus...*» «*To take by extortion and wring: to poll and shave: to pill. Compilo.*»

По сравнению с другими лексикографами, Элиот идет дальше в приемах толкования значений слов. В своей лексикографической практике Элиот стремится не только определить для слова объем значений, но и в ряде случаев разграничить значения, а в отдельных случаях дать и нормы употребления слов.

Таким образом, несмотря на то что рассмотренные словари принадлежат к типу параллельных или переводных, они содержат ценный материал для исторической лексикологии английского языка и английской лексикографии, позволяющий восстановить многие особенности словарного состава английского

языка XVI в. не только с точки зрения пополнения словаря новыми лексическими единицами, но и с точки зрения восстановления семантической системы его.

В них показаны также отдельные направления, по которым шло в дальнейшем развитие английской лексикографии. Исследованный материал показывает, что важную роль в формировании лексикографических традиций сыграла деятельность Элиота, который в своих произведениях и словарях во многих случаях предвосхитил те достижения английской лексикографии, которые характерны для позднейших этапов ее развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. S. — R. Ascham. The Schoolmaster. Ed. E. Arber. L.
B. E. — Bibliotheca Eliotae, Latin-English. L., 1548.
B. D. — A. B o o r d e. A Compendious Regyment or a Dyetary of Helth, 1542 (1562; EETS, 1870).
Dic — Dictionarium, Latin-English. L., 1589.
Dic. F. E. — A Dictionarie French and English. L., 1593.
E. G. — T. E l y o t. The Governour, vol. II. Ed. E. Arber. L.
T. — Thesaurus, Latin-English. L., 1565.
T. A. — An Alvearie, or Triple Dictionarie in English, Latin and French. L., 1573.
W. W. — A Worlde of Words, Italian-English. L., 1598.
-

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. М. Беляева

Настоящая статья посвящена анализу словообразовательных приемов, действующих в древнеанглийском языке для образования глаголов от основ других частей речи. Префиксальное образование в статье не рассматривается, так как этот вопрос уже довольно полно освещен в работах отечественных и зарубежных лингвистов и связан с рядом таких проблем, освещение которых выходит за пределы настоящей работы.

Принято считать, что префиксация в системе глагольного словообразования играет ведущую роль по сравнению с суффиксацией. Эта точка зрения обычно подтверждается количественным соотношением глагольных суффиксов и префиксов, действующих в системе языка.¹

Цифровые данные, однако, вряд ли могут выступать как решающий фактор при определении роли того или иного словообразовательного приема в языке, а соответственно, и его значимости для языка. Общим для суффиксации и префиксации является то, что словопроизводство в обоих случаях осуществляется с помощью аффикса, характеризующегося лексической самостоятельностью, но на этом общность суффиксов и префиксов, пожалуй, и кончается. Более существенным для семантической структуры производного слова является не то, что объединяет суффиксы и префиксы в общем разряде аффиксов, а то, что отличает их друг от друга.

Префиксы проявляют почти полное безразличие к лексико-морфологическим свойствам производящей основы, в то время как суффиксы закрепляются за определенными лексико-морфологическими разрядами слов. Соответственно, как справедливо отмечает Н. Н. Амосова, «префиксы выполняют только и исклю-

¹ А. И. Смирницкий. *Лексикология английского языка*. М., 1956, стр. 111 (§ 112), 113 (§ 114).

чительно функцию средства перестройки лексического значения слова и один и тот же префикс может обслуживать разные части речи, тогда как суффиксы несут на себе и лексическое и грамматическое значение и распределяются между разными частями речи».²

Префиксам также свойственна определенная нейтральность к звуковому составу производящей основы, что нашло свое выражение в ассимиляции конечного согласного префикса с начальным согласным производящей основы (ср. варианты формы префиксов: *in-*, *il-*, *ig-*, *im-* или *en-*, *em-*). Для суффиксов характерна избирательность по отношению к звуковому составу производящей основы, поэтому фонетическая ассимиляция форм суффиксов невозможна.

Префиксы относительно нейтральны к происхождению основ, тогда как суффиксы ведут себя более консервативно, проявляя избирательность к основе по ее происхождению.

В сфере глагольного словообразования для суффиксов по сравнению с префиксами характерна большая семантическая емкость, что с появлением конверсии, вероятно, повлекло за собой значительное сокращение продуктивных глагольных суффиксов английского языка.

Количество глагольных суффиксов современного английского языка различными авторами определяется по-разному. Так, например, А. И. Смирницкий считает, что в системе глагола есть только один продуктивный суффикс *-ize*.³ И. В. Арнольд в состав суффиксов включает также морфемы *-ate-*, *-en-*, *-fy-*, *ize-*, *-er-*, *ish-*, *-l-*, отмечая непродуктивность суффиксов *-ep-*, *-g-* и *-l-*.⁴ Еще большие колебания отмечаются при определении состава суффиксов древнеанглийского языка, что вполне объяснимо отсутствием специального исследования, произведенного на материалах древнеанглийского языка.

В настоящей статье будет сделана попытка установить состав древнеанглийских глагольных суффиксов, а также выяснить, с помощью каких приемов в древнеанглийском языке происходило образование глаголов от основ других частей речи.

Исторически в германских языках словообразовательная функция в системе глагола выполнялась основообразующими суффиксами, свойственными каждому из классов слабых глаголов. Общая для всех древних германских языков тенденция сведения трехчастной структуры слова в двухчастную сказалась в том, что основообразующий суффикс, сливаясь с корнем в ос-

² Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, стр. 32.

³ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, стр. 111.

⁴ И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка, М., 1959, стр. 115—117.

нову слова, утрачивал семантическую значимость, необходимую для словообразовательной морфемы, а словообразовательную функцию принимала на себя сама структурная модель класса слабого глагола. Однако имевший место уже на ранних этапах развития германских языков переход слабых глаголов из одного класса в другой не мог не расшатать сложившуюся систему, поскольку семантическая значимость структурных типов слабых глаголов оказывалась очень нечеткой. Реакцией на этот процесс, очевидно, явилось вторичное переразложение слова с выделением конечного согласного производящей основы в качестве словообразовательного глагольного суффикса. В этой связи небезынтересно отметить, что преобладание в глагольном суффиксе грамматического над лексическим, а также нечеткость лексического значения глагольных суффиксов, вероятно, являются следствием того, что в отличие от суффиксов других частей речи глагольные суффиксы, как правило, не развивались и не развиваются из полнозначных слов.

Переразложение основ началось еще в период близкой языковой общности германских племен, поскольку состав глагольных словообразовательных морфем, выделившихся в древнеанглийском языке, повторяется и в других германских языках.

В древнеанглийском языке в качестве глагольных суффиксов используются морфемы -n-, -s-, -l-, -g-, восходящие к конечному согласному производящей основы, и морфема -ett-, этимология которой неясна. Глаголы, включающие перечисленные выше морфемы, делятся на две группы. В первую группу входят глаголы, у которых этот элемент является конечным согласным производящей основы, а поэтому как словообразовательная морфема невыделим. Вторую группу образуют глаголы, у которых этот элемент выделяется как словообразовательная морфема, поскольку производящая основа его не имеет.

Первая группа: **A.** aefnian 'вечереть' (aefn 'вечер'), mircian 'роптать, жаловаться' (mircen 'жалобный, печальный').

B. egsian 'пугать' (egsa 'страх'), fetelsian 'грузить на корабль' (fetels 'корабль').

B. braestlian 'ломиться врываться' (brastl 'шум'), stathe-lan 'основывать' (stathol 'фундамент').

G. faegrian 'хорошенько' (faeger 'красивый'), clifrian 'царапать' (clifer 'коготь').

Вторая группа: **A.** aewnian 'жениться' (aew 'женитьба'), saetnian 'сидеть в засаде' (saet 'засада').

B. swinsian 'звучать' (swin 'звук, мелодия'), hreowsian 'раскаиваться, чувствовать угрызение совести' (hreow 'раскаяние, сожаление').

B. speowlian 'преклонять колени, вставать на колени' (speow 'колени'), handlian 'держат в руках, обращаться' (hand 'рука').

G. scimrian 'светить, сиять' (scima 'свет'), tealtrian 'дер-

жаться нетвердо на ногах, спотыкаться' (tealt 'нетвердый, нестойкий').

Во вторую группу входят также глаголы с суффиксом -ett-, поскольку они, как правило, образуют полночленимые, производные глаголы: lathettan 'вызывать чувство враждебности, ненавидеть' (lath 'ненавидный'), gasettan 'быстро двигаться, пожирать (о пламени)' (gaes 'гонка, атака').

Суффикс -n-

Глагольный суффикс -n- образует довольно многочисленную группу глаголов в древнеанглийском языке; часть из них является образованиями самого английского языка, а часть имеет соответствия в других германских языках: готск. -in-, древневерхненем. -n-, древнеисланд. -n-.

Суффикс -n- сочетается как с именными, так и глагольными основами. Вновь образуемые глаголы обычно оформляются по типу слабых глаголов второго класса и могут выражать как переходное, так и непереходное действие.

Глаголы, образованные от основ существительных, в зависимости от значения производящей основы могут:

выражать действие, свойственное лицу, названному в основе: laesnian 'лечить, исцелять, заботиться' (laesa 'врач'), brytnian 'распределять, наделять' (brytta 'тот, кто распределяет');

иметь значение испытывать чувство, приводить в чувство, выраженное производящей основой: aegnian 'бояться' (aege 'страх'), gnofnan 'тосковать' (gnofn 'печаль'), aewnian 'жениться' (aew 'женитьба'), brosnian 'разлагаться, погибать' (brosnung 'разложение') и т. д.

Глаголы, образованные от основы прилагательного или причастия второго, имеют значение делать, -ся таким, как это выражено основой: dreagnian 'сушить, осушать' (drege 'сухой'), swornian 'притеснять, угнетать' (swor/swaeg 'гнетущий, тяжкий'), druncnian 'пьянеть' (druncen 'пьяный'), awasnian 'будить, пробуждать' (образован от причастия второго сильного глагола awasan).

Глаголы, соотносящиеся с глагольными основами, сохраняют значение основы: claensnian 'очищать, чистить' (claensian), molsnian 'превращаться в прах, гнить' (molsian), costnian 'испытывать, искушать' (costian).

Суффикс -s-

Древнеанглийскому суффиксу -s- соответствует суффикс -s- в древнеисландском языке и суффикс -s- в древневерхненемецком.

В зависимости от значения производящей основы глаголы этой группы могут иметь следующие значения:

производить действие, для которого предназначен предмет, выраженный основой: *spyllsian* 'звонить в колокола' (*spyll* 'колокольный звон'), *swinsian* 'петь, играть на музыкальном инструменте' (*swin* 'звук, мелодия, песнь');

испытывать чувство или состояние: *hřeowsian* 'раскаиваться' (*hřeow* 'сожаление, раскаяние');

снабжать, обеспечивать тем, что выражено основой: *metsian* 'обеспечивать продуктами, кормить' (*mete* 'пища, еда'), *ricsian* 'управлять' (*rice* 'власть'), *bricsian* 'приносить пользу' (*brice* 'польза').

Глаголы, образованные от основ прилагательных, более многочисленны и распадаются на две семантические группы:

со значением испытывать или вызывать чувство, состояние: *gotsian* 'радоваться' (*god* 'радостный, благодушный'), *grimsian* 'ожесточаться, свирепеть' (*grim* 'суровый'), *yfelsian* 'скверно относиться', 'причинять зло' (*yfel* 'злой'), *treowsian* 'доверять, быть верным, обязывать' (*treow* 'верный')

и со значением делать, -ся таким, как это выражено основой: *'minsian* 'уменьшаться' (*min* 'маленький'), *feorsian* 'удалять, устранять' (*feor* 'далекий, дальний'), *maersian* 'прославлять', 'извещать' (*maere* 'известный, славный, великий').

Суффикс -l-

Древнеанглийскому суффиксу *-l-* имеются следующие соответствия: готск. *-il-*, древневерхненем. *-il-*, *-al-*, древнеисланд. *-l-*.

В древнеанглийском языке этот суффикс используется редко. Основную массу слов этого морфологического типа составляют глаголы, у которых согласный *-l-* в составе слова не вычленяется.

Производные глаголы этого морфологического типа очень немногочисленны и образованы главным образом от основ существительных. От основы прилагательного образован только один глагол *seoclian* 'болеть, заболеть' (*seoc* 'больной').

В производных глаголах от основ существительных установить значение суффикса не представляется возможным, так как эта группа очень мала и не содержит таких общих семантических признаков, которые бы позволили определить значение суффикса. Например: *wordlian* 'говорить' (*word* 'слово'), *nestlian* 'вить гнездо' (*nest* 'гнездо'), *sehtlian* 'договариваться, приходить к соглашению' (*seht* 'соглашение, мир'), *sneowlian* 'вставать, стоять на коленях' (*sneow* 'колено').

Значение длительного или повторного действия в древнеанглийском языке прослеживается у глаголов, образованных от глагольных основ: *spearlian* 'пришпоривать, поддавать ногой' (*spurnan* 'бить шпорой, ногой'), *corflian* 'рубить, резать на мелкие куски' (*ceorfan* 'резать'), *scarflian* 'разрывать в клочья, разгрызать' (*sceorfan* 'грызть'), *springlan* 'расстилать, разворачивать'.

вать' (springan 'стлать'), а также у одиночных глаголов типа spreawlian 'ползать', tearfilian 'барахтаться, ворочаться', twincilian 'мерцать, моргать', steartlian 'спотыкаться', tinclian 'щекотать'.

Суффикс -r-

Формирующемуся в древнеанглийском языке суффиксу -г- соответствует древнеисланд. -г- и древневерхненем. -ir-, -ag-.

Количество глаголов, образованных с помощью этого суффикса, очень незначительно, а поэтому определение его значения представляется в древнеанглийском языке затруднительным. Значение длительного действия, состоящего из многократных повторений одного и того же движения или звука,⁵ характерное для глаголов этой структуры, по всей вероятности, появляется в среднеанглийский период под влиянием скандинавских заимствований, поскольку в северных германских языках суффикс -г- придавал глаголам значение неравноповторяющегося действия.⁶ С этим же значением в древнеанглийском языке появляется такое раннее скандинавское заимствование, как глагол thoscegian 'метаться, бегать туда и обратно'.

С помощью суффикса -г- в древнеанглийском языке образовывались глаголы от основ существительных и прилагательных: mistran 'туманиться' (mist 'туман'), maethrian 'почитать, уважать' (maeth 'уважение, почтение'), stancian 'разбрызгивать' (stank 'брызги'), swithrian 'крепчать' (swith 'сильный, крепкий').

В качестве производящей могла также выступать основа слабого или сильного глагола: wandrian 'бродить, шататься, уклоняться от работы' (wandian 'откладывать, уклоняться, избегать'), thoterian 'выть, скулить' (theotan 'выть по-волчьи').

Суффикс -ett-

Наряду с суффиксами, восходящими по своему происхождению к конечному согласному основы, в древнеанглийском языке выделяется группа производных глаголов, образованных при помощи суффикса -ett-. Поскольку эти глаголы оформлялись по типу слабых глаголов первого класса, а в дальнейшем исчезли из языка, можно полагать, что продуктивность этого суффикса в древнеанглийском языке была очень незначительной, и большинство глаголов этого морфологического типа было образовано в дописьменную эпоху. В готском (-atjan) и древневерхненемецком (-azzen) языках, как отмечает Райт, этот суффикс употреблялся для образования непереходных глаголов.

⁵ Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава английского языка, стр. 49.

⁶ М. И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык. М., 1955, стр. 170.

В древнеанглийском языке большинство глаголов этой группы сохраняет значение непереходности, а сама группа в количественном плане является самой большой. Словарь Босворта фиксирует около пятидесяти таких глаголов.

Общим для большинства глаголов с суффиксом *-ett-* является значение длительного многократного действия, иногда с указанием на интенсивность его протекания особенно в тех случаях, когда глагол имеет значение движения и образован от глагольной основы: *hopettan* 'подпрыгивать, прыгать' (*hopian* 'прыгать'), *scofettan* 'ездить туда и обратно' (образован от причастия II сильного глагола *scufan* 'толкать, двигать, -ся'), *scotettan* 'быстро переходить, передвигаться с места на место' (образован либо от причастия II сильного глагола *scotan* 'стрелять', 'мчаться', либо от слабого глагола *scotian* 'быстро двигаться'), *spornettan/sporetan* 'пришпоривать, бить ногой, ударять' (образован от причастия II сильного глагола *spurnan* с тем же значением), *hleapettan* 'подпрыгивать' (образован от основы сильного глагола *hleapan* 'прыгать'), *raescettan* 'трещать, потрескивать (о горящем дереве), сверкать' (*raescan* 'двигаться', 'мерцать, сиять').

В отдельных случаях выделение производящей основы представляется затруднительным, так как производный глагол может быть соотнесен как с глагольной, так и с именной основой: *sicettan* 'вдыхать', 'стонать' (*sice/sicet* 'вдох', 'стон' *sican* 'сильный глагол первого класса 'вдыхать', 'стонать'), *gasettan* 'стремительно или порывисто двигаться, бушевать (о пламени)' (*gaes* 'гонка, быстрый бег, атака', *gaesan* 'стремительно двигаться'), *plicettan* 'ставить под угрозу, наносить ущерб' (*pliht* 'ущерб, угроза', *plihtan* 'ставить под угрозу') *stamettan* 'спотыкаться, заикаться' (*stam/stamor* 'заикание, спотыкание', *stame-gian* 'заикаться, спотыкаться').

В семантике глаголов, образованных от основ существительных и прилагательных, значение многократности не прослеживается. Переходность же, свойственная глаголам этой структуры, в большинстве случаев сохраняется: *salettan* 'петь под арфу', 'играть на арфе', 'петь псалмы' (*saltere* 'псалтернон'), *slegettan* 'биться, пульсировать' (*slege* 'удар'), *stefnettan* 'стоять твердо и прямо (как ствол дерева)' (*stefn* 'ствол дерева'), *ricettan* 'управлять, господствовать' (*rice* 'власть, господство, управление'), *leasettan* 'притворяться' (*leas* 'притворный, фальшивый'), *lathettan* 'внушать отвращение' (*lath* 'враждебный, вредный'), *grimettan* 'сердиться, злиться' (*grim* 'суровый, яростный').

Этимология этого суффикса неясна, и данные одного древнеанглийского языка не дают ключа для разгадки его происхождения. Однако сопоставление его с древневерхненемецким суффиксом *-azz-* и готским суффиксом *-at-* позволяет предполагать, что в свое время он входил в состав корневой морфемы

производящей основы, поскольку перегласовка и удвоение характеризовали фонемы корня слова, и соответственно, своим происхождением суффикс -ett- обязан переразложению производящей основы.

Таким образом, древнеанглийский язык располагает пятью глагольными суффиксами; из них развитие четырех суффиксов можно проследить на материалах письменных памятников самого языка, а выделение пятого суффикса, по всей вероятности, происходило в период, предшествовавший объединению англосаксонских диалектов в язык английской народности. Четыре суффикса по своему происхождению восходят к конечному согласному основы (-n-, -s-, -g- и -l-), один суффикс появился в результате переразложения основы и выделения в качестве суффикса конечного слога корневой морфемы (-ett-). Суффиксы более позднего происхождения образуют глаголы по типу второго класса. Некоторое исключение представляет суффикс -n-, иногда входивший в состав слабых глаголов первого класса. Суффикс -ett- входит в состав производных глаголов только первого класса. Такое распределение словообразовательных морфем по структурным моделям слабых глаголов не является случайным. Выделение суффиксов в составе слабых глаголов второго класса стало возможным вследствие того, что именно этот класс служил той типовой моделью, по которой было образовано большинство глаголов, появившихся в древнеанглийском языке.

Сфера действия модели слабых глаголов второго класса была очень широкой, охватывая все типы именных основ.

Слабые глаголы второго класса образовывались от простых и сложных основ. Семантические связи глагола и производящей именной основы были очень разнообразны и в значительной степени зависели от значения производящей основы.

Глаголы, образованные от именных основ, содержащих указание на лицо, выражают свойственное данному лицу действие: smithian 'ковать' (smith 'кузнец'), myrthrian 'убивать' (myrthra 'убийца'), stalian 'воровать' (stala 'вор').

Наряду с этим значением второй класс слабых глаголов может:

выражать действие, в результате которого возникает предмет, выраженный основой: mearcian 'ставить метку, клеймо' (mearc 'знак, клеймо'), wifian 'жениться' (wif 'жена'), riplian 'прищаветь' (от латин. rapula 'прыщ');

выражать действие, для которого предназначен предмет, выраженный основой: naeglian 'забивать гвоздями' (naegel 'гвоздь'), mynetian 'чеканить' (mynet 'монета'), piporian 'перчить' (pipor 'перец');

испытывать чувство или состояние, приводить в чувство или состояние, выраженное производящей основой: thrytian 'гор-

диться' (thryte 'гордость'), teopian 'раздражать, упрекать' (teona 'вред, урон, раздражение'), miltsian 'жалеть' (miltс 'жадность, доброта');

производить наиболее характерное для выраженного в основе предмета действие: smocian 'дымиться, куриться' (smoca 'дым'), winian 'собира́ть виноград' (win 'вино, виноград'), sithian 'путешествовать' (sith 'путешествие');

становиться таким, как это выражено производящей основой: tynucian 'посвящать в монахи' (tynuc 'монах').

Приведенные выше значения, будучи наиболее типичными, далеко не исчерпывают все те смысловые связи, которые возникают между основой и производным глаголом.

Глаголы, образованные от основ прилагательных, имеют более узкий и четко очерченный круг значений:

быть или становиться таким, как это выражено производящей основой: sceortian 'укорачивать, -ся' (sceort 'короткий'), smalian 'уменьшать, -ся' (smael 'маленький'), stifian 'крепнуть' (stif 'крепкий');

испытывать чувство или состояние, приводить в чувство или состояние, выраженное основой: modigean 'гордиться, славиться' (modig 'благородный, смелый, храбрый'), leofian 'восхищаться, любоваться' (leof 'дорогой'), methian 'уставать' (methe 'усталый, истощенный').

Наряду с простыми основами в этом словообразовательном процессе участвуют и сложные основы. В древнеанглийском языке имеется довольно большая группа сложных глаголов второго класса. Поскольку в настоящей статье словосложение как средство глагольного словообразования не затрагивается, мы останавливаемся только на таких глаголах, в образовании которых участвует модель слабых глаголов второго класса, и, следовательно, они не являются результатом словосложения.

Процесс словосложения отсутствует в таких случаях, когда второй, глагольный, компонент сложного глагола в языке самостоятельно не функционирует, а в качестве производной выступает сложная основа. Например: wurt-walian 'сажать', 'посадить корни, укоренять, -ся' (wurt-wala 'корень растения') eath-modigean 'повиноваться' (eath-modig 'покорный'), wearg-cwedolian 'проклинать', 'дурно говорить о ...' (wearg-cwedol 'зло-речивый'), gese-leasian 'быть беззаботным, беспечным' (gese-leas 'беззаботный, беспечный'), wil-cumian 'привечать, приветствовать' (wil-cume 'добро пожаловать').

Если глагольный компонент сложного глагола существует в языке в свободном виде, то весьма вероятно, что в словообразовательном процессе участвует сложение основ, но с обязательной ориентацией на словообразовательную модель, поскольку словосложение не характерно для системы глагольного словообразования как современного, так и древнеанглийского языка. Следует также отметить, что количество сложных глаголов, ко-

торые бы, несмотря на наличие глагольного компонента в качестве самостоятельной единицы языка, не имели соотносительной производящей основы, в древнеанглийском языке очень мало. Как правило, такие сложные глаголы опираются и на сложное существительное, или прилагательное и на глагол. Например: *wuldorfullian* 'прославлять' (*wuldorful* 'славный', *fullian* 'выполнять, совершенствовать, наполнять, -ся'), *teon-cwidian* 'порицать, стыдить, оскорблять' (*teon-cwide* 'недостойный, постыдный', *cwidian* 'говорить'), *tin-tregian* 'пытать, мучить', (*tin-treg* 'пытка', *tregian* 'раздражать, волновать, мучить'), *sin-hiwan* 'жениться' (*sin-hiwan* 'супружеская чета', *hiwan* 'жениться'), *nid-theowian* 'обращать в рабство' (*nid-theow* 'раб', *theowian* 'служить').

Второй класс слабых глаголов в древнеанглийском языке служил той типовой моделью, которая обладала не только самой большой продуктивностью, но и по сфере своего действия, а также по характеру семантических связей с производящей основой выступала универсальным средством глагольного словопроизводства от основ неглагольных частей речи. В этом плане она семантически подготавливала возникшую позднее конверсию, ибо для нее, как и для возникшей позднее конверсии, была безразлична лексико-морфологическая соотнесенность основы, исключая глагольную, а также многообразие семантических связей с ней.⁷

Безусловным свидетельством продуктивности этой модели может служить то, что по ней оформлялись глаголы, образованные от основ заимствованных слов: *winian* 'собирать виноград' (*win*>латин. *vinum*), *munucian* 'посвящать в монашеский сан' (*munuc*>латин. *monachus*), *munctian* 'чеканить' (*munet*>>латин. *moneta*), *mangian* 'торговать' (*mangere*>латин. *mango*), *riplian* 'прищаветь' (латин. *rapula*), *piporian* 'перчить' (*pipor*>>латин. *piper*), *plantian* 'сажать' (*plante*>латин. *planta*), *maesian* 'читать мессу' (*maesse*>латин. *maessa*), *matorgian* 'погружаться в задумчивость, находиться в задумчивости' (латин. *metoria*), *predician* 'проповедовать, поучать' (латин. *predicare*), *gabbian* 'беситься, злиться' (встречается в проповедях Вульфстана с пометой «непосредственное заимствование из латинского языка»), *lagian* 'издавать закон' (*laga*>сканд. *lag*), *latian* 'медлить, мешкать' (*late*>сканд. *lata*).

⁷ С. М. Костенко выделяет десять лексических групп глаголов, образованных путем конверсии (Автореф. канд. дисс. «Конверсия как способ образования глаголов от существительных». Л., 1957). Примерно такой же классификации придерживаются некоторые зарубежные исследователи (См., напр.: D. Lee. *Functional Change in Early English*. Wisconsin, 1948). Такие же лексические группы могут быть выделены и в составе слабых глаголов второго класса древнеанглийского языка. Таким образом, конвертированные глаголы по характеру семантических связей с производящей основой аналогичны отыменным глаголам древнеанглийского языка.

Суффиксальное глагольное словообразование древнеанглийского языка характеризовалось отсутствием четко выраженной дифференциации сфер действия каждого словообразовательного типа, а это влекло за собой создание синонимичных по значению, но различных по морфологическому строению глаголов, образованных от одинаковых основ. При этом, как правило, компонентом такой синонимичной пары выступал слабый глагол второго класса, в котором словообразовательную функцию нес на себе суффикс инфинитива. Следует также отметить, что источником возникновения слабого глагола второго класса обычно служила производящая основа существительного или прилагательного, входящая в словообразовательный ряд: имя существительное (или прилагательное), слабый глагол второго класса с одним из суффиксов.

Глагол с суффиксом

Глагол без суффикса

drohtnian	drohtian
'беседовать, проживать, составлять компанию'	
(droht 'условие, образ жизни')	
threatnian	threatian
'настаивать, заставлять' (threat 'угроза')	
saetnian	saetian
'сидеть в засаде' (saet 'засада')	
brytnian	brytian
'наделять, распределять' (brytta 'тот, кто распределяет')	

treowsian	treowian
'доверять, быть верным, обязывать'	
(treowe 'истинный, верный')	
bricsian	brician
'приносить пользу, быть полезным'	
(bryce 'польза, выгода')	
yfelsian	yfelian
'причинять зло, плохо обращаться'	
(yfel 'злой')	
maerxian	maerian
'прославлять, извещать' (maere 'известный')	
sneowlian	sneowian
'стоять, вставать на колени' (sneow 'колени')	
nestlian	nestian
'делать гнездо, гнездиться' (nest 'гнездо')	
wordlian	wordian
'говорить' (word 'слово')	
scearflian	scearfian
'разрывать в клочья, разгрызть'	

scimrian	scimian
‘светить, сиять’ (scima ‘свет’)	
tealtrian	tealtian
‘держаться нетвердо на ногах, быть неустойчивым’	
(tealt ‘неустойчивый’)	
swithrian	swithian
‘усилить, преодолевать’ (swithe ‘сильный’)	
wandrian	wandian
‘блуждать, отклоняться’	

*Слабый глагол
I класса*

seglian	segian
‘идти под парусами, плыть’	
(segl ‘парус’)	
stihtan	stihtian
‘устраиваться, располагаться, приказывать’	
(stiht ‘устройство, расположение’)	
timbran	timbrian
‘строить’ (timber ‘строевой лес’)	

*Слабый глагол
II класса*

Значение глаголов, образованных от основ прилагательных, довольно часто не совпадает. Слабый глагол I класса сохраняет переходное каузативное значение, тогда как глагол II класса может иметь переходное и непереходное значение, или только непереходное. Возможны и такие случаи, когда круг значений второго класса несколько уже, поскольку возникали эти глаголы позднее. Исторически II класс объединял глаголы, образованные от основ существительных; появление глаголов, образованных по II классу от основ прилагательных, вероятно, относится к тому периоду, когда начинается смешение употребления слабых глаголов I и II классов:

stillan — stillian ‘успокаивать, -ся’ (still ‘тихий, спокойный’); slaeccan ‘ослаблять’ — slacian ‘слабеть, мешкать’ (slaec ‘слабый’); maegan ‘прославлять, праздновать’ — maerian ‘прославляться’ (maere ‘славный, знаменитый’); wetan ‘мочить’ — wetian ‘мочить, мокнуть’ (wet ‘мокрый’); geodan ‘краснеть, окровавливать’, ‘ранить, убивать’ — geodian ‘краснеть’ (geod ‘красный’).

Одним из очень ярких и наглядных свидетельств продуктивности слабых глаголов II класса могут служить слабые глаголы, соотносящиеся с сильными глаголами того же корня. Появляются они обычно в тех случаях, когда сильный глагол соотносится с существительным того же корня. Например:

wigan (слн. I) — wigian ‘сражаться, бороться’ (wig ‘сражение, борьба’);

writan (слн. II) — writian ‘вырезать букву’, ‘писать, сочинять’ (writ ‘надпись’, writere ‘писатель’);

melcan (слн. III) — meolcian ‘доить’ (meolc ‘молоко’);

stelan (слн. IV) — stalian 'воровать' (stala 'вор', stalu 'воровство');

smеосап (слн. V) — smocian 'дымить, окуривать' (smosa 'дым').

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют, что древнеанглийский язык обладал развернутой системой средств образования глаголов от основ неглагольных частей речи, при этом наиболее продуктивной и распространенной являлась модель II класса слабых глаголов. Ее действие распространялось на все лексико-морфологические типы основ (исключая глагольные), а семантические связи производного глагола и соотносительного существительного или прилагательного были настолько широки, что практически по II классу можно было образовать глаголы самого разнообразного значения.

В то же время для II класса были совершенно несвойственны такие значения, которые придавали бы действию качественную или количественную характеристику. Для II класса было безразлично, насколько интенсивно протекает действие, является ли оно однократным или многократным, непрерывно длительным или состоящим из ряда повторяющихся одинаковых действий. Значение глагола уточнялось в контексте и зависело от значения тех слов, с которыми он входил в сочетание в предложении. Именно поэтому модель слабых глаголов второго класса послужила прообразом конверсии, подготовила для конверсии почву в такой степени, что нивелировка окончания инфинитива, а затем и его отпадение послужили чисто формальным актом появления конверсии как такого словообразовательного приема, который характеризуется омонимией исходных форм производного и производящего.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕТЕРИТАЛЬНЫХ ФОРМ ТИПА TO SEND—SENT; TO FEEL—FELT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. И. Гусейнов

Ряд глаголов современного английского языка проявляет известную особенность в образовании утвердительных форм простого прошедшего времени. Особенность эта состоит в том, что у одних из них имеет место чередование согласных исхода основы при морфологической дифференциации личных неаналитических форм времени. Например, to send — sent, to lend — lent, to bend — bent и др. У других же в формах претерита появляется глухое t после сонорных исхода, что необъяснимо с точки зрения фонетического строя современного английского языка. Например, to mean — meant, to feel — felt, to dream — dreamt и т. д. В лингвистической литературе упомянутые формы прошедшего времени именуются «неправильными» формами претерита. Вопрос о том, какие причины вызвали к жизни эти формы, когда и в какой части территории распространения английского языка они впервые возникли, представляет огромный интерес и является одной из трудноразрешимых проблем исторической грамматики. Уже тот факт, что по этому вопросу высказано много различных и подчас противоречивых мнений, свидетельствует о большой сложности его разрешения.

Отдельные авторы основывают свое решение вопроса на каком-либо отдельно взятом факте, а зачастую ограничиваются простой констатацией наличия самого явления или указанием причин его возникновения, не раскрывая процесса формирования. Существуют различные толкования истории возникновения так называемых «неправильных» форм слабого претерита. Так, например, появление претеритальных форм типа sent, meant вызывается, по мнению различных исследователей, разными причинами:

1) влиянием скандинавских языков на морфологическую систему английского языка;¹

2) определенной тенденцией языка к оглушению конечных звонких согласных после сонорных;²

3) необходимостью обозначения краткости корневого гласного;³

4) аналогическим действиям претеритальных форм от глаголов с долгим корневым слогом и конечным глухим согласным (типа *kēpen, kyssen — kēpte, kyste*);⁴

5) аналогией глаголов *benden, wenden* и др. с глаголами, которые имели на конце своей основы сочетания сонорных с глухим смычным *t*, а именно: *gyltan, hiertan, hentan, mieltan, syltan, myntan, scyrta, wyltan*;⁵

6) нейтрализацией голоса у фонемы «*d*» после фонем, не принимавших участия в корреляции по голосу (*f, s, l, m, n, r, g*).⁶

Все эти толкования проблемы возникновения «неправильных» форм слабого претерита представляются недостаточными и односторонними, ибо абсолютизация в качестве конечной причины действия какого-нибудь фактора, тенденции, на наш взгляд, приводит к упрощенному пониманию самого процесса возникновения рассматриваемых форм. Правда, точка зрения А. Марквордта представляет некоторый прогресс в этом отношении, но и она оказывается не совсем верной и достаточно аргументированной. Исследованный материал, сравнение и анализ высказываний отдельных исследователей языка дают основание предполагать, что в возникновении «неправильных» форм претерита решающим оказался не один отдельно взятый фактор, а целый комплекс явлений, причин.

На определенной фазе развития какого-нибудь языкового явления тот или иной фактор на фоне многообразия действующ-

¹ E. Björkman. *Scandinavian Loan Words in Middle English*. Studien zur englischen Philologie, vol. VII. Halle, 1900; vol. XI. Halle, 1902; E. Gwest. *On the Anomalies of the English Verbs arising from the Letter Changes*. Proc. Philol. soc., vol. II, 1846.

² H. Sweet. 1) *A History of English Sounds*. Oxford, 1888; 2) *A New English Grammar*. Oxford, 1891.

³ C. Friedrich Koch. *Historische Grammatik der englischen Sprache*, Bd. I. Kassel, 1882.

⁴ R. Morris. *Historical Outlines of English Accidence*. L., 1877; L. Morsbach. *Über den Ursprung der neuenglischen Schriftsprache*. Heilbronn, 1888; K. Bülbring. *Geschichte des Ablauts der Starken Zeitwörter innerhalb des Südenglischen*. Strassburg, 1889.

⁵ A. Markwardt. *Origin and Extension of the Voiceless Preterits and the Past Participles Inflections of the English Irregular Weak Verb Conjugation*. Essays and studies in English language and literature, vol. XIII, pp. 151—328.

⁶ B. Trnka. *A Phonological Analysis of Present-Day Standard English*. Studies in English by the Members of the English Seminar of the Charles University, vol. V, p. 19.

щих других, причастных к судьбе этого явления, может выделяться более отчетливо и тогда возникает видимость его доминирующего положения над всеми остальными факторами. Некоторые из них, расчистив почву для действия других, перестают функционировать в дальнейшем. Поэтому, чтобы доискаться до подлинных причин возникновения того или иного языкового новшества, недостаточно одного указания на то явление, фактор, который является завершающим на пути его формирования. Необходим учет и тех причин, факторов, которые стоят у самых истоков этого явления.

Обстоятельный анализ, критика первых трех из вышеприведенных толкований истории «нерегулярных» форм слабого претерита даны А. Марквордтом в работе, посвященной разбираемой проблеме. Выводы его относительно научной несостоятельности этих толкований представляются убедительными. Кроме того, он не согласен с таким пониманием возникновения «нерегулярных» форм претерита, согласно которому признается роль действия парадигматических форм глаголов *kēpen*, *cyssen* и др. в их появлении (см. точку зрения Л. Морзбаха, К. Бюльбринга и др.).

Однако нельзя считать критику А. Марквордта одинаково справедливой в отношении всех критикуемых им положений по данному вопросу. Это прежде всего касается высказываний Л. Морзбаха, К. Бюльбринга и др. По мнению А. Марквордта «нерегулярные» формы слабого претерита возникли как результат развития глаголов *senden*, *wenden* и др. по аналогии с глаголами *hentan*, *mieltan*, *syltan* и др., имеющими одинаковые формы 3 л. ед. ч. настоящего и прошедшего времени в восточных и центральных диалектах юга Англии. Так мы находим тождественные формы *mynt*, *gylt* одинаково действительные для передачи значения как настоящего, так и прошедшего времени. И глаголы *senden*, *wenden* также имели форму 3 л. ед. ч. настоящего времени с исходом на сонорный +*t*, что и сближало их с глаголами типа *myntan*, *gyltan*. Это и дало повод А. Марквордту усмотреть причину возникновения «неправильных» форм слабого претерита у глаголов *senden*, *wenden* в аналогии, основанной на наличии похожих форм 3 л. ед. ч. настоящего времени у глаголов типа *mynten* и *senden*. Согласно его мнению, некоторая общность форм 3 л. ед. ч. настоящего времени явилась основной предпосылкой для возникновения такой же общности и в формах прошедшего времени. Автор также считает, что важную роль в переходе *t* — исхода вышеупомянутой формы настоящего времени в формы прошедшего времени сыграло и то, что «основной характерной чертой» глаголов слабого спряжения является тождество консонантного состава основ настоящего и прошедшего времени. И в этой связи будто тенденция к «одинаковости» (*similarity*) в формах настоящего и прошедшего времени могла привести к переходу согласного (*t*) в форму про-

шедшего времени.⁷ Доводы А. Марквордта, приводимые в доказательство своей точки зрения и против толкования данного вопроса Л. Морзбахом и его сторонниками, представляются не вполне убедительными. Во-первых, он не находит никаких точек соприкосновения между глаголами *kēren*, *wēren*, с одной стороны, и *sēnden*, *wēnden* — с другой. А это обстоятельство исключало всякую возможность аналогического развития глаголов по образцу глаголов *kēren*, *syssen* и др.⁸ Во-вторых, по его мнению, восемь приводимых им глаголов (*myltan*, *hentan* и др.) составляли определенную языковую модель глаголов, объединявшихся по общности форм 3 л. ед. ч. настоящего и прошедшего времени, в силу своей частой употребляемости в языке. И будто, несмотря на свою малочисленность по сравнению с моделью глаголов *sēran*, *wēran*, они представляют собой более эффективную модель формообразования, нежели модель выше-сравниваемых глаголов.⁹

Разберем второй довод. Действительно, не все из восьми глаголов, приводимых А. Марквордтом, являются общеупотребимыми в среднеанглийский период. Некоторые из них очень редко встречаются в языке того периода, а один из них (*hiertan* 'подбадривать'), по данным имеющихся словарей среднеанглийского языка, совсем не встречается. Наибольшей степенью употребляемости из них пользуются только два глагола (*gyltan* и *myltan*). Поэтому вряд ли можно приписывать этим глаголам способность создавать модель более эффективную и продуктивную, нежели модель глаголов *kēren*, *wēren*, которые в противоположность упомянутым глаголам составляют многочисленную и весьма четкую модель по способам морфологического противопоставления основ настоящего и прошедшего времени.

Сомнения вызывают также и рассуждения А. Марквордта относительно тенденции к тождеству консонантного состава основы форм настоящего и прошедшего времени. Из его рассуждений вытекает, что расхождения между консонантным составом основ 3 л. ед. ч. настоящего и прошедшего времени глаголов *sēnden*, *wēnden* элиминировались через унификацию формы 3 л. ед. ч. презенса и для претерита. Во-первых, сама мысль о тенденции к выравниванию консонантного состава основ настоящего и прошедшего времени, на наш взгляд, является несколько туманной. Ведь далеко не у всех слабых глаголов соблюдается принцип тождества (*similarity*) согласных исхода основы настоящего и прошедшего времени (ср.: *tellen* — *tolde*, *tæchen* — *tahte* и др.). Во-вторых, если бы появление форм прошедшего времени с исходом на сонорный *+t* у ряда глаголов

⁷ A. Markwardt. *Origin and Extension of the Voiceless Preterits...*, p. 218.

⁸ Там же, стр. 170.

⁹ Там же, стр. 219.

явилось следствием упомянутой тенденции, то эти формы прежде всего возникли бы в претеритах 3 л. ед. ч., ибо именно между основами данного лица двух рассматриваемых времен имело место упомянутое расхождение консонантного состава. Но доказательств раннего появления «нерегулярных» претеритов только в 3 л. ед. ч. нет. С другой стороны, не совсем понятны причины подобной реализации самой тенденции к выравниванию консонантного состава основ двух рассматриваемых форм времени. Более того, презентные формы 3 л. ед. ч. *sent*, *went* не были единственными формами данного значения у глаголов *senden*, *wenden*. Встречались и формы *(he) sendeþ*, *(he) wendeþ*. Не выдерживает критики также первый, основной, довод автора об отсутствии каких-либо точек соприкосновения между глаголами типа *sēnden* и *kēpen*.¹⁰

Самыми первыми глаголами, проявившими тенденцию к образованию «нерегулярных» форм слабого претерита, были глаголы с «удлиняющими» группами согласных на исходе инфинитивной основы (*sēnden*, *wēnden*).¹¹ Отсутствие морфологической противопоставленности основ настоящего и прошедшего времени у этих глаголов в древнеанглийский период не вызывает сомнения. Например:

Настоящее время

ic sende
lende

Прошедшее время

ic sende
lende и т. д.

Согласно позднедревнеанглийской фонетической закономерности удлинения гласных перед сочетаниями сонорных **l**, **m**, **n**, **ŋ** со звонкими гоморганными согласными при условии, если за ними не следовал третий согласный, у этих глаголов происходило удлинение корневых гласных основ настоящего и прошедшего времени. Однако отдельные ученые отрицают факт наличия долгого гласного в претеритальных основах упомянутых глаголов. При этом, по их мнению, удлинение гласного в формах претерита было предотвращено непосредственно следовавшим за *-nd*, *-ld* дентальным суффиксом прошедшего времени.¹²

Трудно допустить справедливость подобного утверждения, ибо памятники языка не отражают форм претерита с *-*ndde*, *-*ldde*, *-*rdde* в исходе. Вследствие синкопы соединительного гласного дентальный суффикс прошедшего времени, оказавшись рядом с конечным *-d*, слился с последним еще до начала удлинения перед группами *-nd*, *-ld*.¹³ И если учесть, что явление

¹⁰ Подробно об этом см. стр. 139—140.

¹¹ См.: A. Markwardt. *Origin and Extension of the Voiceless Preterits*..., pp. 193—197.

¹² E. Sievers. *Altenglische Grammatik nach der angelsächsischen Grammatik*, neubearbeitet von K. Brunner. Halle (Saale), 1951, 137, S. 124.

¹³ L. Wright. *An Elementary Middle-English Grammar*, 2nd ed. L., 1934, § 73, p. 38; A. Campbell. *Old English Grammar*. L., 1959, p. 323.

удлинения имело место в письменную эпоху английского языка, то возможность предотвращения удлинения кратких гласных перед упомянутыми группами согласных в формах прошедшего времени исключается.

Таким образом, глаголы типа *sēndan*, *wēndan* не имели морфологически четко противопоставленных основ настоящего и прошедшего времени. Подобные глаголы составляли в древнеанглийском языке модель без морфологически четко дифференцированных основ презенса и претерита. Омонимия многих форм настоящего и прошедшего времени сделала модель этих глаголов чувствительной к аналогичному воздействию других более продуктивных моделей данного типа формообразования. Вот почему уже в начале среднеанглийского периода в претеритах этих глаголов происходит сокращение ранее удлинившихся гласных основы как результат их развития по образцу глаголов *fēden* (*fēdde*), *lēden* (*lēdde*).¹⁴ В результате презентно-претеритальные основы глаголов *sēnden*, *wēnden* оказываются достаточно четко дифференцированными: *ic sēnde* (наст. вр.) — *ic sēde* (прош. время), *sennde* (Orm.) и т. д.

Вследствие упомянутого сокращения ранее удлинившихся гласных перед «удлиняющими» группами согласных и вообще перед сочетаниями двух и более согласных в формах претерита для значительной части среднеанглийских глаголов унифицируется краткий гласный. Этим был сделан шаг на пути дальнейшего сближения глаголов типа *sēnden*, *wēnden* с глаголами типа *kēpen*, *wēpen*. Отсюда и несостоятельность утверждений А. Марквордта об отсутствии каких-либо точек соприкосновения между среднеанглийскими глаголами типа *sēnden* и *kēpen*. Поэтому и этот его довод против признания роли глаголов *kēpen*, *wēpen* в развитии глаголов *sēnden*, *wēnden* и др. (точка зрения Л. Морзбаха, К. Бюльбринга) оказывается неоправданным. Итак, перед нами два диаметрально противоположных понимания причин возникновения «нерегулярных» форм слабого претерита. Одно из них считает появление этих форм следствием аналогического действия парадигмы глаголов *kēpen*, *cyssen* на глаголы *sēnden*, *wēnden* (Л. Морзбах, К. Бюльбринг и др.), другое — результатом аналогического развития глаголов *sēnden*, *wēnden* по модели глаголов *mūlten*, *henten* (А. Марквордт). На научную несостоятельность подобных толкований языкового явления, состоящих в сведении всей сути причин его возникновения к определенному порядку аналогии, было указано выше. Само по себе наличие сходных признаков не может

¹⁴ К. D. Bülbring. *Zur Mittelenglischen Grammatik*. Englische Studien, Bd. XX, 1895, S. 153. — О причинах сокращения ранее удлинившихся гласных претерита ряда глаголов см. также: F. Eiler. *Die Dehnung vor dehrenden Konsonantenverbindungen im Mittelenglischen mit Berücksichtigung der neuenglischen Philologie*, Hft. XXVI. Halle, 1907; W. Heuser. *Die Dehnung -end*, Anglia, 1819.

послужить основанием для того, чтобы имело место действие аналогии. Нельзя также сводить аналогию к чисто ассоциативным, механическим причинам. Она прежде всего обуславливается внутренней необходимостью развития грамматической системы языка.¹⁵ Поэтому «если действие аналогии обусловлено совокупностью фонетических факторов, если направление в реализации аналогии связано со структурными особенностями языка»,¹⁶ то правильно было бы говорить только об определенной роли аналогии в возникновении рассматриваемого явления, а не абсолютизировать ее (аналогию) как единственную причину появления рассматриваемых форм претерита. Спрашивается, какой из двух предлагаемых путей аналогического развития парадигмы среднеанглийских глаголов *sēnden*, *wēnden* и др. является более вероятным при условии наличия внутрисистемной обусловленности подобного развития. Чтобы разобраться в этом, посмотрим, какие признаки сближали среднеанглийские глаголы *sēnden*, *wēnden* и т. п. с глаголами типа *kēpen* и *mylten*.

Близость глаголов *kēpen*, *wēpen* с *sēnden*, *wēnden* состоит в том, что все они использовали чередование количества корневого гласного при морфологической дифференциации основ настоящего и прошедшего времени (ср.: *ic kēpe* — *ic kēpte* с *ic sēnde* — *ic sennde*, *sēnde*). А близость глаголов *mylten*, *henten* и т. п. с *wēnden*, *sēnden* состоит в некоторой общности образования форм 3 л. ед. ч. настоящего времени. В то время как общность глаголов *sēnden*, *wēnden* с глаголами *mylten*, *henten* и т. п. соблюдается только в одних формах, их общность с глаголами *kēpen*, *wēpen* соблюдается в гораздо большем количестве форм, а именно во всех формах прошедшего (наличие краткого гласного) и настоящего (долгий гласный основы) времени за исключением формы 3 л. ед. ч. и то не всегда. В этом легко убедиться, сравнивая спряжения этих глаголов. Поэтому, учитывая абсолютную малочисленность (непродуктивность) модели глаголов типа *mūlten* по сравнению с достаточно многочисленной и относительно продуктивной моделью глаголов *kēpen*, *wēpen*, скорее всего можно было бы допустить важную роль именно парадигмы глаголов *kēpen*, *wēpen* нежели глаголов *mūlten*, *henten* в развитии «нерегулярных» форм «слабого» претерита. Об этом же свидетельствует факт появления претеритальных форм с конечным *-t* и *y* глаголов *dælep*, *mæpen* и др. Таким образом, из двух предполагаемых путей аналогического развития парадигмы глаголов *sēnden*, *wēnden* более вероятным оказывается путь их развития по образцу с глаголами *kēpen*, *wēpen*. Однако допущение важной роли парадигмы глаголов типа *wēpen*, *kēpen* в развитии «нерегулярных» форм слабого претерита

¹⁵ См.: В. М. Жирмунский. Внутренние законы развития языка. Тр. Ин-та языкознания, т. IV, 1954, стр. 74—111.

¹⁶ Э. А. Макаев. Вопросы именного склонения в древних германских языках. Тр. Ин-та языкознания, т. IX, 1959, стр. 24.

не должно расцениваться как полное признание концепции Л. Морзбаха и его сторонников по данной проблеме. Это также не исключает возможности некоторого участия глаголов *mūnten*, *mūlten* и т. п. в развитии глаголов *sēnden*, *wēnden*, ибо само существование группы глаголов с исходом сонорный + *t* при возникновении на некотором этапе развития языка определенной «точки их соприкосновения» с гласными *sēnden*, *wēnden*, для исхода которых также характерно сочетание сонорного с дентальным, не могло не отразиться на развитии последних. Поэтому представляется правильным учитывать роль обоих типов глаголов (*kēpen* и *mūnten*) при установлении первопричин возникновения нерегулярных форм слабого претерита. Выше отмечалось, что у глаголов *sēnden*, *wēnden* в среднеанглийский период возникли формы презенса и претерита, морфологически четко противопоставленные посредством количественного чередования корневых гласных. Но со временем эта четкость в выражении значений настоящего и прошедшего времени нарушается. Дело в том, что, по мнению исследователей вопроса о древнеанглийском удлинении гласных перед *-nd*, *-ld*, *-mb*, *-rd*, *-st*,¹⁷ есть основание предполагать, что закономерность удлинения гласных перед названными группами согласных перестала действовать уже в конце X века, и в среднеанглийский период эти группы согласных не оказывали удлиняющего влияния на предшествующие гласные. Поэтому краткие гласные, оказавшиеся перед ними в результате фонетических изменений в этот период, как правило, не подвергались удлинению. В довершение ко всему этому в язык хлынула масса французских слов с краткими гласными перед «удлиняющими» группами согласных. Это со своей стороны, очевидно, привело к дальнейшему сокращению долгих гласных перед *-nd*, *-ld* и т. д. в исконно английских словах. По-видимому, этим и объясняются случаи колебания количества корневых гласных в инфинитивно-презентных основах глаголов *sēnden*, *wēnden*, *spēnden* и др. В памятниках среднеанглийского языка наряду с *ē* в инфинитивно-презентных основах глаголов *sēnden*, *spēnden*, *wēnden* и др. встречается и *e*. При этом тенденция к сокращению *ē* сильно выражена у глаголов *sēnden* и *wēnden*, т. е. у тех глаголов, у которых раньше всех остальных глаголов возникли формы претерита с *nt*-исходом. Таким образом, с одной стороны, происходило сокращение долгих в формах претерита этих глаголов, а с другой, — проникновение краткого и в инфинитивно-презентные основы, что сводило на нет результаты сокращений долгих в претерите, направленных на создание морфологически четко противопоставленных форм настоящего и прошедшего времени. При подобной неустойчивости и нерегуляр-

¹⁷ E. Eliason. Old English Vowel Lengthening and Vowel Shortening before Consonant Groups. *Studies in Philology*, vol. XLX, No 1, pp. 9—11.

ности противопоставления основ настоящего и прошедшего времени количественные чередования корневых гласных оказываются недостаточными для морфологической дифференциации упомянутых основ, и необходимость в их четком разграничении становится явной в языке.

Другим важным фактором, обусловившим появление «нерегулярных» форм слабого претерита, явилось следующее обстоятельство. В результате вышеотмеченного сокращения долгих гласных в претеритальных основах глаголов *sēnden*, *wēnden* по аналогии с формами *lēdde* (от *lēden*), *fēdde* (от *fēden*) происходит переосмысление *-de* (*sēnde*, *wēnde*) в дентальный суффикс прошедшего времени. Это в свою очередь обусловило иной тип морфемного стыка в претеритах *sēnde*, *wēnde* (ср.: *lēd-e* — *lēd-de* (prt.); *sēnd-e* — *sēn-de* (prt.)).

В дальнейшем при наметившейся в среднеанглийский период тенденции редукции и выпадения конечных безударных гласных *e* в *sēnde*, *wēnde* (prt.) могло выпасть. В результате получилось бы противопоставление *sēnd* — *sēn-d*. Подобного типа стык (*sēn-d*) не характерен для языка данной эпохи, ибо сонорный + звонкий дентальный всегда составляют единство. Следовательно, если стык *sēn-d* оказался невозможным в языке, то морфема (*-d* в данном случае) стремилась обрести признаки, которые обеспечили бы ей выделяемость, т. е. возможность измениться в выделяемую морфему, ибо в подобных случаях роль стыка, пограничного сигнала, который разграничивает значимые единицы в речевом потоке¹⁸ становится весьма важной. Так возникают предпосылки для возникновения нового средства выражения утвердительного значения основного прошедшего времени у глаголов типа *sēnden*, *wēnden* и т. п., а именно: необходимость в морфологически четко противопоставленных формах настоящего и прошедшего времени и возможность реализации этой необходимости посредством изменения, замены *d*-исхода претеритов этих глаголов другим звуком. Именно в таких условиях стала возможной замена звонкого *d* глухим *t* в формах претерита упомянутых глаголов. Причем замена *d* — *t* отнюдь не случайное явление в языке. Она оказывается результатом аналогического действия претеритальных форм глаголов типа *kēpen* (*kēpte*), *wēpen* (*wēpte*) на претериты глаголов типа *sēnden*, *wēnden*. Эти глаголы составляли весьма четкую в структурном отношении модель формообразования и были единственными глаголами, которые имели фономорфологическую структуру, близкую к глаголам *sēnden*, *wēnden*. Вместе с тем замена звонкого *d* глухим *t* в претеритах *sēnden*, *wēnden* происходила, по-видимому, и при поддержке существующими в языке формами претерита с исходом на сонорный + *t*, т. е. претеритами от группы глаголов, приводимых А. Марк-

¹⁸ См.: М. В. П а н о в. О разграничительных сигналах в языке. ВЯ, 1961, № 1, стр. 3.

вордтом (mūnten, mūlten, henten и др.). Нужно отметить также, что возможность замены **d** глухим **t** была поддержана и количественным перевесом синкопированных (т. е. без соединительного элемента между суффиксом и корнем в формах прошедшего времени: blēdde, swēpte и др.) претеритов с конечным **t** над такими же формами с конечным **d**.

Так, у среднеанглийских глаголов *sēnden*, *wēnden* появляется новый способ передачи значения прошедшего времени посредством чередования согласного исхода основы. Сравнительно ранее появление «нерегулярных» форм слабого претерита именно у глаголов, в которых тенденция к распространению краткого гласного форм претерита на формы презенса была сильно развита, подтверждает мысль о том, что основным стимулом к замене **d** глухим **t** в претеритах глаголов типа *sēnden*, *wēnden* явилось нарушение принципа морфологической противопоставленности основ настоящего и прошедшего времени.

Первые появившиеся «нерегулярные» формы слабого претерита создали предпосылки для дальнейшего их распространения не только на глаголы с фонетическим составом, сходным с фонетическим составом глаголов, впервые развивших эти формы, но и на глаголы, у которых было грамматически четко выраженное различие основ настоящего и прошедшего времени, например *dælen*, *fēlen* и др. Это объясняется тем, что с возникновением форм претерита с исходом на сонорный + **t** и предшествующим кратким гласным (*sent*, *went*) глаголы типа *dælen* (*dælde*), *mænen* (*mænde*) оказались как-то изолированными от других синкопированных претеритов, соответствующие инфинитивные формы которых имели также долгие корневые гласные. Поэтому и в претеритах этих глаголов по аналогии с глаголами *sēnden*, *wēnden*, презентно-претеритальные формы которых имели корневые гласные разного количества (*sēnden* — *sēnte* (prt.), происходит замена **d** — **t** с последующим сокращением корневого гласного. Вместе с тем не исключена возможность, что претеритальные формы глаголов *mænen*, *dælen* и т. п. еще до появления в них **t** вместо **d** встречались с кратким корневым гласным. Ведь эти глаголы почти ничем не отличаются от глагола *wēnen* (*wænen*), претеритальная форма которого (*wende*) неоднократно встречается с кратким **ē**. Они мало отличаются также от тех глаголов, в претеритах которых встречались краткие гласные перед **ld**, **nd**. Например, Добсон усматривает краткий гласный в таких формах, как *yeld* (prt. от *yēlden*), *held* (prt. от *hēlden*) и др.¹⁹ Однако все это нуждается в тщательной проверке и подтверждении.

В дальнейшем в числе глаголов, развивавших «нерегулярные» формы слабого претерита, оказываются также глаголы, *fellen*, *drenchen*, *mengen* и др., т. е. такие глаголы, у которых

¹⁹ См.: E. Dobson. English Pronunciation, 1510—1710, vol. I, p. 476.

не было количественного чередования гласных при морфологическом противопоставлении основ настоящего и прошедшего времени в среднеанглийский период. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о зарождении тенденции к унификации глухого *t* после сонорных в формах претерита как распространение вновь возникающей модели формообразования с сонорным + *t* в исходе претерита, а также как реализация внутрисистемной необходимости упорядочения распределения фонем *d*, *t* после сонорных в формах прошедшего времени определенных глаголов.

Таким образом:

1. Возникновение «нерегулярных» форм слабого претерита было подготовлено целым комплексом языковых факторов. Прежде всего у самых истоков причин их возникновения лежат явления сокращения ранее удлинившихся гласных в формах претерита глаголов, у которых относительно раньше появились упомянутые формы претерита. Это сокращение ранее удлинившихся гласных имело место в среднеанглийский период под давлением модели глаголов *lēden* (*lēdde*), *fēden* (*fēdde*), у которых было много общего с глаголами *sēden*, *wēden*. Между тем давление модели упомянутых глаголов было облегчено необходимостью четкого морфологического противопоставления основ личными неаналитическими форм глаголов типа *sēden*, *wēden*. Например, др.-англ. *sēde* (наст. вр.) — *sēde* (прош. вр.); ср.-англ. *sēde* (наст. вр.) — *sēde*, *sennde* (прош. вр.). Однако в дальнейшем в силу различных причин, не поддающихся определению, краткий гласный проникает и в инфинитивно-презентные основы глаголов типа *sēden*, *wēden*. Тем самым вновь стала нарушаться четкость в дифференциации основ настоящего и прошедшего времени у этих глаголов. В этих условиях, когда количественные чередования оказались недостаточными в формировании различий основ настоящего и прошедшего времени у глаголов типа *sēden*, *wēden*, возникает необходимость в другом средстве морфологического противопоставления основ указанных времен. Вместе с тем в претеритах *sēde*, *wēde* в связи с редукцией и выпадением конечного безударного *e* происходят изменения, которые сделали невозможным стык между сонорным и звонким дентальным. Вследствие этого конечный дентальный перестает выделяться как суффикс формообразования. Поэтому некогда выделяемая в этих формах морфема, естественно, стремится обрести признаки, которые обеспечили бы ей вычленимость, т. е. изменение в выделяемую морфему. Конкретный характер, направление изменения конечного *-d*, которое стало возможным в упомянутых условиях, обуславливаются позицией и ролью модели глаголов *kēpen* (*kēpte*), *wēpen* (*wēpte*) в языке. Эта модель глаголов, модель с морфологически четко выраженной разницей между основами утвердительных форм осовного настоящего и прошедшего времени (*kēpe-kēpte*) при ее

некоторой общности с глаголами типа *sēnden* (пусть даже соблюдавшейся не совсем регулярно!), а именно наличие количественного чередования в формах упомянутых времен (ср. *kēre — kēpte* с *sēde — sēnde*), очевидно, сыграло важную роль в дальнейшем развитии претеритов *sēde, wēde*. В силу сказанного и ряда других причин модель глаголов *kēren, wēren*, оказывая аналогическое воздействие на глаголы *sēnden, wēnden*, определяет направление реализации общезыковой необходимости в морфологически четко разграниченных формах презенса и претерита у этих глаголов. Причем проникновение глухого варианта формообразовательного суффикса прошедшего времени в претериты глаголов типа *sēnden, wēnden* по аналогии с претеритальными формами глаголов типа *kēren, wēren*, по-видимому, было поддержано рядом факторов: существованием в языке претеритальных форм с исходом на сонорный + *t* (*mūnte, hente, mūlte*), численным превосходством синкопированных претеритов с исходом над претеритами того же порядка с *t*-исходом и др.

2. Различные факторы сыграли роль в дальнейшем увеличении числа «нерегулярных» форм слабого претерита. Так, сравнительно раннее появление претеритов с *nti*-исходом у среднеанглийских глаголов *sēnden, wēnden* означало еще большее сближение парадигмы глаголов этого типа с парадигмой глаголов типа *kēren, wēren* (ср.: *kēren — kēpte, sēnden — sēnte*). Это, в свою очередь, открыло широкие возможности проникновению *t* в претеритальные формы других глаголов, претериты которых имели на исходе сонорный + *d* (*dālen — dælde, fēlen — fælde, mænep — mænde*, и др.).

Известную роль в увеличении числа «неправильных» форм слабого претерита сыграли также изменения определенного порядка, которые специально не затрагиваются в данной статье.

В конечном счете эти изменения положили начало тенденции к замене конечного *d* глухим *t* после сонорных в формах прошедшего времени среднеанглийских глаголов.

О ФОРМИРОВАНИИ ЧАСТИЦ КАК НОВОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

Е. В. Трофимова

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы развития частицы в английском языке как новой части речи. Вопрос о частицах является одним из относительно новых вопросов грамматики. Частицы как части речи были выделены в нашей лингвистической литературе сравнительно недавно. И поскольку в научной литературе этот вопрос еще не нашел достаточного освещения, представляется интересным остановиться на нем.

Как известно, части речи распадаются на две неравные группы — знаменательные и служебные.

Академик В. В. Виноградов выделяет служебные слова на основании ряда признаков, из которых, как нам кажется, ко всем служебным частям речи относятся следующие: 1 — неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2 — неспособность к самостоятельному распространению синтагмы или словосочетания; 3 — невозможность паузы после этих слов в составе речи (без специального экспрессивного оправдания); 4 — неспособность носить на себе фразовое ударение (за исключением случаев противопоставления по контрасту); 5 — своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов.¹ Эти же положения оказываются вполне применимы и к материалу английского языка.²

В языке обозначения новых возникающих понятий могут создаваться как новыми словами, так и путем развития новых значений у слов. Знаменательным частям речи свойственны оба способа развития. Служебные же части речи, как правило, образуются в языке только вторым путем.

Основной причиной, ведущей к развитию значений служебных слов, является их синтаксическое употребление, причем

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 28—30.

² Как известно, зарубежные лингвисты не выделяют частиц из наречия.

в контексте, где они не являются ведущими по своему смысловому значению. Так, например, русский предлог *кроме*³ в древнерусском языке мог быть и предлогом и наречием (со значением 'в сторону'), которое в свою очередь произошло из существительного *крома* — *край* (ср. современное уменьшительное *кромка*). Следовательно, путь развития этого слова следующий: существительное — наречие — предлог.

Конкретное слово, для того чтобы стать служебным, т. е. для того чтобы грамматизоваться, должно, во-первых, приобрести более общее значение и, во-вторых, должно находиться и закрепиться в определенных синтаксических конструкциях. Сам процесс грамматизации слова в основном заключается в том, что происходит изменение смысловой структуры, развивается другое соотношение между лексическим и грамматическим значением у слова. Грамматическое становится ведущим, основным, лексическое ступеневывается.

Иначе говоря, грамматизируясь, т. е. переходя из знаменательной части речи в служебную, слово иногда сохраняет старое лексическое значение, иногда приобретает новое, в силу чего это слово, принадлежа уже к служебной части речи, либо выражает синтаксическую связь между полнозначными словами, либо придает какие-то новые оттенки знаменательным словам.

В английском языке, как и в других языках, на базе слов, принадлежащих к одной части речи, могут возникать другие части речи, как первым, так и вторым путем. При развитии первым путем этот переход происходит в результате развития у данного слова нового значения, возникающего в его смысловой структуре под влиянием употребления в определенных синтаксических условиях и в каком-то определенном лексическом контексте. При частом повторении такого употребления за словом может закрепиться его новое лексическое и связанное с этим новое грамматическое значение, что может перевести его в категорию другой части речи. Именно таков обычно путь развития служебных частей речи.

При развитии у слова признаков, переводящих его в другую часть речи, возможны случаи, когда слово с первоначальным значением совсем не сохраняется в языке, так как новое значение полностью вытесняет старое. Подобное развитие возможно и для знаменательных частей речи и для служебных. Так, например, обстоит дело с прилагательным *cheap* 'дешевый', развившимся из существительного *cheap* 'рынок'. Такая же судьба постигла наречия *solely* 'лично, самостоятельно' или *merely* 'замечательно, прекрасно', которые были полностью вытеснены частицами *solely* 'единственно, исключительно' и *merely* 'только, просто'.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956, стр. 148.

Однако возможен и другой путь, когда при возникновении нового значения слово не утрачивает и своего старого значения, в результате чего данное слово распадается на два и больше самостоятельных слова-омонима. Подобное развитие в равной степени может касаться как знаменательных, так и служебных частей речи. Примером может служить слово *right*, которое при выделении частицы *right* в среднеанглийский период в то же время сохранилось в языке в значении наречия.

Это же наблюдение справедливо и по отношению к другим частицам, так как в основном они возникают из наречий, причем выделение из смысловой структуры наречия нового слова со значением частицы чаще всего не затрагивает самого наречия, продолжающего существовать в языке.

Процесс развития частицы из наречия обычно заключается в том, что наречие начинает употребляться в необычном для него сочетании, вследствие чего у наречия появляется новое, сначала ситуативное, затем все более закрепляющееся за ним постоянное значение. Новое лексическое значение, связанное с определенной грамматической сочетаемостью слова, сопровождается развитием в нем нового грамматического значения. При переходе от наречия к частице изменение грамматического значения состоит в том, что у слова, выступавшего в значении, называющем признак признака, развивается подчиненное значение ограничения, уточнения, усиления другого признака.

Таким образом, при развитии из наречия частицы на основе слова, принадлежащего к знаменательным частям речи, развивается новое слово со значением служебной части речи. Это слово отличается от исходного и по своему значению и по своей функции в предложении, так как вместо функции самостоятельного члена предложения оно выполняет служебную функцию при другом самостоятельном члене предложения.

Естественно, что при развитии из знаменательных частей речи, как уже упоминалось выше, частицы, как и другие служебные части речи, могли развиваться только тогда, когда слова, из которых они выделялись, уже существовали в языке довольно длительное время. То, что частицы возникли позднее, чем другие части речи, вполне закономерно, так как частицы менее существенны для коммуникации и не способны передавать грамматическую связь между словами. При этом они указывают либо на отношение говорящего к высказываемому, либо подчеркивают значение определяемого слова.

В английском языке частицы начинают ясно выделяться только в среднеанглийскую эпоху, где они встречаются уже довольно часто и в более разнообразных типах словосочетаний. В древнеанглийском языке наречий, употребляемых с ослабленным значением, приближающих их к частицам, чрезвычайно мало, хотя отдельные случаи и были зафиксированы.

Древнеанглийский период

Одной из наиболее ранних частиц, выделившихся в английском языке, была частица *riht*,⁴ развившаяся из наречия *riht*.

В древнеанглийском языке наречие *riht* имело значения 'прямо' и 'правильно' и выполняло обычную для всякого наречия функцию обстоятельства, чаще всего характеризуя сказуемое или реже определение и занимая место непосредственно после него:

Se scippend ... *rehte* zesceop eall þat he zesceop (Bt., XXXIX, 12) 'Создатель правильно создал все, что он создал'.

Stæppað *ryhte*, ne healtigeað leng (G. P., XI, 64) 'Ступайте прямо, не останавливайтесь долго'.

Однако уже в древнеанглийском языке наречие иногда стоит не рядом с глаголом, а рядом с существительным, выполняющим функцию обстоятельства места, и тогда возникает сомнение относительно того, к какому члену предложения оно относится. Например:

And *rihte* be eastan him sindon Beme (Oros. SW., I, 20).

С одной стороны, *rihte* возможно рассматривать здесь как наречие в функции обстоятельства, характеризующее сказуемое, 'находятся прямо'. С другой — *rihte* в данном примере можно считать уточняющим словом, относящимся к обстоятельству в группе *be eastan* 'прямо на восток' и тогда все предложение будет означать 'И прямо на восток от них были бемы'. Таким образом, в сочетании *rihte be eastan* в результате изменения позиции *rihte* начало происходить изменение отношений между составляющими его элементами, в силу чего наречие *rihte* утратило связь со сказуемым и приобрело связь с обстоятельством. В этом примере *rihte* находится на промежуточной стадии, когда оно одновременно относится и к сказуемому и к обстоятельству.

Но в древнеанглийском языке есть случаи, когда *riht* выполняет чисто служебную функцию, как, например, в нижеприведенном примере, где *riht* уточняет значение обстоятельства времени *þa*:

Swylce hi wæron *riht* ða hi ðe mæst zeolectan, swilce hi nu sindon (Bt., VII, 2) 'Таковыми они были как раз тогда, когда они больше всего очаровывали, таковы они и сейчас'.

Утрата у *riht* непосредственной связи со сказуемым подтверждается изменением его положения по отношению к сказуемому. Такое изменение синтаксической связи у *riht* было отмечено только в предложениях с обстоятельством времени или с определением с количественным значением и со значением места.

⁴ В данной работе одно и то же древнеанглийское и среднеанглийское слово может иметь разное написание, так как сохраняется орфография оригинала.

Но аналогичные примеры в древнеанглийскую эпоху чрезвычайно редки при очень большом количестве примеров, содержащих *riht* в значении наречия. Следовательно, можно считать, что в древнеанглийском языке *riht* с уточнительно-усилительным значением еще не выделилось из *riht* в значении наречия как отдельное слово.

Такая же способность выступать с ослабленным значением, приближающим их к частицам, свойственна *eall*, *wel* и *ȝyt*.⁵ Ослабленное значение *eall* можно проследить на следующих примерах:

Ic ƿæt al biheald (NED, all, Alb) 'Я, который все вижу'.
Eal swá ȝebundenne (NED, all, Alb) 'Совсем как связаны'.
... *ƿæt he sceolde beon eal to sliten from ðam clifstanum* (NED, all, C 12) '... что он должен был быть совсем отколотым от каменного уступа'.

Если в первом примере *eall* является самостоятельным членом предложения — дополнением и полнозначным словом со значением 'все', то во втором и в третьем примерах *eall* — уже только усилительное слово, усиливающее значение наречия *swá* и причастия второго *to sliten*. Но аналогичные примеры в древнеанглийском языке чрезвычайно редки.

В древнеанглийском языке довольно часто встречается наречие *wel* со значением 'хорошо'. Так, уже в древнеанглийском языке могло в редких случаях употребляться *wel* с ослабленным значением.

В нижеприведенном примере *wel* выступает как наречие:

Wel bið ƿæm ƿe mot æfter deaðdæȝe Drihten secan (Beo., 186) 'Хорошо тому, кто может после смерти обрести бога'.

В следующих примерах *wel*, как нам кажется, уже имеет чисто усилительное значение:

Se Godspellere ... ðær ƿurhwunde wel twa ȝear mid him (NED, well, b 17) 'Этот евангелист ... там прожил целых два года с ним'.

For ƿan ƿe ic ȝeselt hæble ... wel feowertig larspella on Engliscum ȝereode (NED, well, b 17) 'Так как я перевел. ... целых сорок притчей на английский язык'.

Как видно из примеров, ослабленное значение *wel* наблюдается в тех случаях, когда *wel* соотнесено с именами числительными независимо от того, каким членом предложения они являются (*two* — обстоятельство, *feowertig* — дополнение). Очевидно, что для наречия *wel*, когда оно выступает в функции усиления, характерно употребление при указании на число независимо от того, каким членом предложения является слово, его обозначающее.

Аналогично *riht*, *eall* и *wel* наречие *ȝyt* в отдельных редких

⁵ В отличие от *riht*, *wel* и *ȝyt*, которые в древнеанглийском языке были только наречиями, *eall* являлось и наречием и местоимением.

случаях еще в древнеанглийском языке встречается с ослабленным значением:

þe us monna mæst moðra ȝefremede, and þæt swyðor ȝyt ucan wolde (NED, yet, 1 b) 'Тот, который нам из всех людей больше всех убийств совершил и хотел сильнее еще добавить'.

В приведенном примере ȝyt усиливает значение прилагательного в сравнительной степени, имеющего функцию обстоятельства образа действия. В этом примере ȝyt не имеет непосредственной связи со сказуемым, вероятно, из-за дистантного расположения по отношению к сказуемому и вступает в непосредственную связь со словами, с которыми ȝyt стоит рядом (ср. ȝyt наречие при контактном положении по отношению к сказуемому):

ȝyt ne com min tim (NED, yet, 11, 4 b) 'Мое время еще не пришло'.

Таким образом, в древнеанглийском языке уже наблюдались отдельные случаи употребления наречия в не свойственной для него уточнительной и усилительной функции. При этом в то время как для riht в древнеанглийском языке свойственно выступать в уточнительно-усилительном значении, кроме своего основного, для eall, wel и ȝyt присуща только усилительная функция. Возникновение указанного значения наблюдается в тех случаях, когда riht и eal не находятся рядом со сказуемым, а занимают место либо рядом с обстоятельствами времени (riht) и образа действия (eall), либо рядом с определением (riht). Следовательно, возникновение новых значений обусловлено соотносительностью с определенными членами предложения. Иная зависимость наблюдается в отношении wel и ȝyt, для которых возникновение нового значения наблюдается при их соотносительности либо с именами, имеющими числовое значение, либо с превосходной степенью имени прилагательного.

Среднеанглийский период

Частицы начинают ясно выделяться только в среднеанглийском языке. Но, естественно, что они представлены гораздо меньшей группой слов, чем в современном языке. Размеры статьи лишают возможности привести весь имеющийся материал и вынуждают ограничиться описанием только следующих частиц: riht, al, oonly, wel, yet.

Частица riht

В среднеанглийском языке riht относится к разряду уточнительных частиц. Как и в древнеанглийском языке, где riht могло выступать для уточнения значения обстоятельства и определения, так и в среднеанглийском языке частица riht довольно часто выступает при этих же членах предложения.

Чаще всего частица *right* сопутствует обстоятельству, выраженному наречием, причем наибольшее число примеров падает на употребление частицы *right* при наречии *so*:

When fisshes falle þe flood ... þei diȝe for þe drouȝte ...
Riȝt so be religioun it rolleþ and stereuþ þat out of couent (L. P. P., I, XI, 206) 'Когда рыбам не хватает потока... они умирают из-за засухи. Точно также бывает с религией — она умирает, когда пытается существовать вне монастыря'.

В этом примере частица *right* выступает при наречии образа действия *so*, имеющем обобщающее значение, которое и относится к предшествующей ему характеристике действия. Здесь имеется сопоставление каких-то явлений. Сопоставление выражено обстоятельством *so*, которое подчеркивает частицей *right* полноту указываемого совпадения.

Довольно часто встречается также уточнительная частица *right* при наречии *thus*, имеющем то же значение, что и *so*:

With pitous herte and heigh devocioun,
Right thus to Mars he seyde his orisoun (Ch., Кн. Т., 1514)
'С жалобным сердцем и высокой преданностью

Как раз таким образом Марсу обратил он свою молитву!

Чрезвычайно распространены случаи употребления той же уточнительной частицы *right* при обстоятельстве образа действия, выраженном именной предложной группой:

For slayn is man right as another beste (Ch., Кн. Т., 1309)
'Потому что убивают человека точно так же, как другое животное'.

Функцию обстоятельства образа действия, уточняемого частицей *right*, может также выполнять целое предложение. В этом случае *right* находится перед союзом *as*, уточняя выражаемое им отношение сравнения, и тем самым вместе с ним соотносится со всем обстоятельственным придаточным предложением в целом:

Sche was vanyssht right as hir liste,
That no wyht bot hirself it wiste (Gow. T. C. Mor., 130)

'Она исчезла именно так, как ей хотелось,
Так что никто, кроме нее, не знал этого.'

Также часто встречается в среднеанглийском языке частица *right* при обстоятельстве времени. В этом случае *right* сопутствует обычно одним и тем же наречиям — *anoon*, *now* и *after*.

Quod he «to Athenes right now wol I fare» (Ch., Кн. Т., 1395)
'Сказал он: в Афины как раз сейчас я поеду'.

Уточнительной частице *right* также свойственно выступать при обстоятельстве времени, выраженном именной предложной группой:

And rigt with þat he vanesched (L. P. P., XII, 293) 'И как раз с этим он исчез'.

Наблюдаются случаи, когда слово *right* уточняет значение

обстоятельства времени, выраженного целым придаточным предложением, которое так же, как и обстоятельство образа действия, вводится союзом *as*:

Right as þe sonne wende adoun; riȝt as he womman were, and sprac wiþ him his worc (Gl. Dun, Mor., 70) 'Как раз когда солнце заходило вниз, словно оно было женщина, и говорил с ним о его работе'.

Употребление *right* как уточняющей частицы возможно в среднеанглийском и при обстоятельстве места, выраженном соответствующим наречием, именной предложной группой и придаточным предложением:

And al to dust be brend riht þore (Hav. D., 2832) 'И пусть именно там все будет сожжено и превращено в пыль'.

В приведенном примере *right* находится при наречии места *þore*, имеющем обобщенное местоименное значение, т. е. аналогично случаям, когда *right* выступает в функции обстоятельства образа действия при наречиях *so* и *þus*, имеющих тот же обобщенный местоименный характер.

В результате изложенного выше можно прийти к следующим выводам: в среднеанглийском языке уточнительная частица *right* может выступать при обстоятельствах образа действия, времени и места, выраженных наречием, именной предложной группой и придаточным предложением.

В среднеанглийском уточнительная частица *right* может выступать и при определении. Определение в этом случае обычно выражено анафорически употребленным местоимением *swich*:

And west-ward, in the mynde and in memoire of Mars, he maked hath right swich another, that coste largely of gold a fother (Ch., Кн. Т., 1907) 'И к западу, в память Марса, он сделал как раз такой же алтарь и часовню другие, которые стоили полностью целый воз золота'.

Более частое употребление уточнительной частицы *right* при обстоятельствах образа действия и места, объясняется, вероятно, тем, что эти обстоятельства часто имеют обобщающее значение и в силу недостаточной конкретности своего значения требуют уточнения. Кроме того, они выражают сравнение, которое тоже может нуждаться в уточнении.

Что касается союза, вводящего придаточные обстоятельственные предложения, то надо сказать, что *right* употребляется только при союзе *as*, вводящем придаточные сравнения, времени и места.

Как видно из примеров, уточнительная частица *right* выступает в предложении непосредственно при определяемом слове, т. е. слове, которое она уточняет, предшествуя ему.

Сопоставление частицы *right* в среднеанглийском с употреблением наречия *right* в функции частицы в древнеанглийском языке показывает, что частица *right* выполняет свою функцию при тех же членах предложения, при которых выступало

right в ослабленном значении в древнеанглийском языке. Необходимо отметить, что при обстоятельстве и при определении мы находим right и в среднеанглийском языке.

По сравнению с древнеанглийским в среднеанглийском языке уточнительная частица right имеет несколько иное распределение, т. е. может соотноситься не только с обстоятельствами, а и с дополнением, но утрачивает соотнесенность с определением. А, следовательно, способы выражения определяемого элемента в древнеанглийском и среднеанглийском языках также не полностью совпадают. А именно, кроме имеющихся в древнеанглийском языке обстоятельств, выраженных наречием и предложной группой, в среднеанглийском языке частица может соотноситься с целым придаточным предложением, выполняющим обстоятельственную функцию.

Кроме приведенных примеров, включающих в себя уточнительную частицу right были отмечены случаи употребления right в усилительной функции. Однако вряд ли целесообразно отделять уточнительную частицу right от усилительной, так как не существует четкой разницы между ними, вероятно, в силу того что сама уточнительная частица содержит в себе усилительный оттенок.

Как известно, частям речи свойственна многозначность. «Многозначность слов», как говорит А. И. Смирницкий, «возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказываются больше, чем количество отдельных самостоятельных единиц для их отображения средствами языка».⁶ Как пример многозначности слова А. И. Смирницкий приводит существительное hand в современном английском языке, которое представляет собою расчленение на несколько лексико-семантических вариантов.

Но многозначным может быть слово, принадлежащее не только к знаменательной, но и к служебной части речи. Так, например, в книге «Современный английский язык» указывается на многозначность некоторых предлогов, таких, как for, about.⁷

Подобно другим частям речи многозначными могут быть и частицы. Одной из частиц, у которой рано развилось несколько значений, является частица right. В нижеприведенных примерах right имеет чисто усилительное значение:

Bold of his speche, and ways, and wel y-taught

And of manhod him lakkede *right* naught (Ch., Кн. Т., 756).

‘Смелый в речи и обращении

И в мужестве у него совсем не было недостатка.’

⁶ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 156.

⁷ В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 197.

Sho is mikel in mi þouht

Of me self is me *rith* nowt (Hav. D., 123)

‘Она очень большое место занимает в моих мыслях,

О себе же я совсем не думаю’.

All þene þreates po drede ich, quod ha, *riht* noht (L. K., 2103)

‘Всех угроз не боюсь я, — сказала она, — совсем не боюсь.

Своеобразие частицы заключается в том, что она наблюдается только при отрицании, относящемся к сказуемому.

Усилительное *right* может находиться в группе сказуемого перед отрицанием или при частично отрицательном сказуемом. Что касается места, то для усилительной частицы так же, как и для уточнительной, характерно предшествование определяемому слову.

Усилительное значение у *right* начинает развиваться только в среднеанглийском языке, тогда как отдельные случаи употребления уточнительного значения наблюдаются уже в древнеанглийском.

Частица *al*

К разряду уточнительных частиц, кроме *right*, относится также частица *al*. В среднеанглийском языке уточнительная частица *al* не имеет столь широкого распространения, как уточнительная *right*. Последняя вошла гораздо прочнее в язык, чем *al*. Но как и уточнительной частице *right*, уточнительной частице *al* свойственно выступать при обстоятельстве. В зафиксированном материале *al* сопутствует обстоятельству. Оба обстоятельства выражены именной предложной группой. Приведем пример, где *al* уточняет обстоятельство места:

Fro Rokesburw *al* into Doure (Hav. D., 139) ‘От Р ... до самого Дувра’.

Интересно отметить, что при одних и тех же членах предложения уточнительная частица *al* смыкается с уточнительной *right*. Если Fro Rokesburw *al* into Doure можно было бы заменить *right* into Doure, смысл предложения остался бы тот же самый. В подтверждение этого можно привести пример, иллюстрирующий употребление частицы *right* при обстоятельстве места, выраженном именной предложной группой:

Richt to the burn thai passit ar (Barb. Mor., 205, 39) ‘Прямо к ручью они направились’.

Кроме того, *al* может соотноситься с обстоятельством причины:

Al oder hit it idde:

The leoden he bilæfdan.

Al þurh, Modred if main

for-siðest alle monnen (Laz. B., 111, 113, 27 900).

‘Совсем иначе это случилось,

Людей они оставили

Только из-за Модреда, его родственника,

Самого злого из всех людей’.

Анализ показал, что частица *al*, как и другие частицы, занимает место перед определяемым словом.

Частица *oonly*

Ограничительная частица *only* является единственным представителем этого разряда в среднеанглийском языке.

Наиболее раннее употребление слова *oonly* зафиксировано в NED в древнеанглийскую эпоху, где оно являлось прилагательным со значением 'единственный'.⁸

He hæfde an swiþe *ænlic* wif (Bt., XXXV, 6) 'Он имел одну совсем единственную жену'.

В среднеанглийском языке звуковая форма *oonly* представляет собой уже несколько омонимичных слов:

1) прилагательное со значением 'единственный':

He is min *onlica* sunu (NED, only, 2) 'Он мой единственный сын'.

2) наречие со значением 'единственно, исключительно':

Ac þe *oferewere* strongore and Richore *oniliche* (NED, only; 3) 'Но другие были сильнее и богаче значительно'.

3) противительный союз, имеющий значение 'но':

Be sche weddid to whom she wole, *oonly* in the Lord (NED, only, B 1) 'Пусть она выйдет замуж за кого она хочет, но только по божьему'.

4) частицу 'только':

þe king louede is wif ... so vaste þat al is herte *onliche* on hire on he coste (NED, only, A 1a) 'Царь любил свою жену ... так сильно, что все свое сердце только ей отдавал'.

Интересно отметить особенность частицы *oonly*, заключающаяся в ее способности выступить при всех членах предложения.

В среднеанглийском языке частица *oonly* чаще всего выступает при дополнении, которое может в этом случае быть беспредложным или реже предложным. Приведем пример, где *oonly* выделяет беспредложное дополнение:

And comaundid hem, that thei schulde not take any thing in the weye, no — but a *zerd oonly*, not a scrippe, not bred, neither money in the girdil (Wicl. Gosp. M. Mor., VI, 228, 8) 'И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме только одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе'.

Когда частица *oonly* находится при предлоге *but*, при сказуемом имеется отрицание. Как правило, частица *oonly* предшествует определяемому слову и только в исключительных случаях может находиться в постпозиции.

Частице *oonly* свойственно определять и дополнение, выраженное местоимением:

⁸ NED, vol. VII, p. 127.

Bot þe world prayses nan, bot þa *only* þat til alle worldes welthes er happy (Hamp. Pr. C., 1338) 'Но мир никому не нравится, кроме только тех, которые счастливы мирским богатством'.

При дополнении, выраженном местоимением, судя по собранным примерам, *oonly* свойственно стоять в постпозиции.

В отдельных случаях частица *oonly* может относиться к предложному дополнению:

For þat apperteneþ and longeþ *oonly* to the Juges (Ch. M., 503) 'Ибо это относится и принадлежит только к судьям'.

Что касается места *oonly* в предложении, то и здесь *oonly* находится перед определяемым членом предложения.

Исходя из просмотренного материала, можно сказать, что ограничительная частица *oonly* чаще выступает при дополнении, которое может быть выражено существительным или местоимением. Выступая при беспредложном дополнении, выраженном существительным, частица *oonly* обычно находится при предложении *but*, а сказуемое в таких случаях имеет отрицание. Сопутствуя дополнению, *oonly* примыкает к определяемому слову непосредственно. Судя по примерам, при существительном частица находится перед определяемым словом, а при местоимении — после него. Очевидно, что частице *oonly*, как и всем частицам, свойственно находиться перед определяемым словом. В тех же случаях, когда она находится в постпозиции, выделение определяемого слова как будто становится сильнее, что соответствует поведению этой частицы в современном языке. В книге «Современный английский язык» говорится, что уточнительная частица *only*, находясь в постпозиции, выделяет сильнее слово, которое определяет.⁹

Ограничительная частица *oonly* может сопутствовать не только дополнению, но и обстоятельству. В нижеприведенном примере *oonly* характеризует обстоятельство места, выраженное именной предложной группой:

So that thei dwellen there, alle faste y-lokked and enclosed with high mountaynes alle aboute, saf *only* on o syde; and on that syde, is the see of Caspye (Mand. Mor., XXVI, 172) 'Так что они живут там, крепко окруженные высокими горами вокруг, за исключением только с одной стороны; и с этой стороны лежит Каспийское море'.

Обстоятельство места может быть выражено также наречием. Ограничивая значение обстоятельства места, *oonly* обычно стоит перед определяемым членом.

В следующих примерах ограничительная частица *oonly* выступает при обстоятельстве образа действия, которое выражено именной предложной группой и герундием:

⁹ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 215.

It stant vpon zoure oghne chance, Al *only* in defalte of Grace (Gow. T. C. Mor., 75) 'Это зависит от вашей собственной судьбы. Только при отсутствии милости'.

By smellynge oonly he knowyth betwene herbes good and venymous (Tr. Higd., III, XIX (1495) 66) 'Посредством обоняния только он различает между травами хорошие и ядовитые'.

Интересно отметить, что в некоторых случаях *oonly* выступает совместно с усилительной частицей *al*, подчеркивающей ограничительное значение *oonly*. Употребление усилительной частицы при других частицах, вероятно, не случайно. Такое употребление усилительной частицы становится особенно характерным на более поздних этапах развития языка. Так, например, аналогичное явление мы находим в немецком языке, где в разговорной речи для большего усиления употребляют две или три модальные частицы.¹⁰ И также в русском языке, где для большей эмоциональности речи ставят частицу *во* при других частицах.¹¹

Oonly встречается также и при обстоятельствах цели:

And þat it be for chastiing, *Anly*, and for none oþer thing (С. М., III, 29403) 'И чтобы это было только для наказания, Но не для чего другого'.

Итак, ограничительной частице *oonly* свойственно выступать при обстоятельстве места, выраженном именной предложной группой и наречием; при обстоятельстве образа действия, выраженном герундием и именной предложной группой, и при именной предложной группе в функции обстоятельства цели. Есть случаи, когда ограничительное значение *oonly* усиливается усилительной частицей *al*.

Особенностью частицы *oonly* является то, что она может относиться и к подлежащему, которое в этом случае выражено личным местоимением или существительным:

Anli he wiþ-outen synne (С. М., III, 3737) 'Только он без греха'.

При употреблении при подлежащем *onliche* предшествует определяемому слову.

Ограничительная частица *oonly* может относиться и к сказуемому:

Brithern ze ben clipid in to fredom: *oonli* zeue ze not fredom in to occasioun of fleisch (NED, only, B 1) 'Братьями Вы зоветесь по свободе: только не давайте свободы в отношении плоти'.

В этом примере *oonly* предшествует глаголу *zeue*.

В собранном материале оказался еще один пример, где *oonly* выступает при определении, выраженном числительным:

¹⁰ Е. А. Крашенинникова. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М., Учпедгиз, 1958, стр. 180.

¹¹ А. М. Чистякова. К методике стилистического анализа частиц. «Русский язык в школе», 1951, № 5, стр. 51.

Hezest of alle oþer, saf *onelych* tweyne (NED, only, A 1a)
'Самый высокий из всех за исключением только двоих'.

Итак, исходя из исследованного материала, можно сказать следующее: в среднеанглийском языке ограничительной частице *oonly* свойственно выступать при всех членах предложения — при подлежащем, сказуемом, дополнении, определении и обстоятельстве, причем каждый из именных членов предложения может быть выражен личным местоимением, существительным и именной предложной группой; определение может быть выражено числительным. Обстоятельства, при которых употребляется *oonly*, могут быть выражены либо именной предложной группой, либо наречием. Итак, хотя частице *oonly* и свойственно выступать при всех членах предложения, чаще всего она сопутствует дополнению и обстоятельству. При *oonly*, ограничивающем значение дополнения, выраженное существительным, всегда находится предлог *but*, а сказуемое имеет отрицание. Наличие усиительной частицы *al* при ограничительной частице усиливает значение *oonly* и, следовательно, сообщает большую эмоциональность всему предложению.

В отношении места, занимаемого частицей, можно сделать вывод, что ей свойственно находиться перед определяемым словом. Встречаются отдельные случаи, когда *oonly* находится в постпозиции, а именно при беспредложном дополнении и обстоятельстве цели. В этом случае сообщаемый частицей оттенок ограничения еще усиливается.

Сравнивая ограничительную частицу *oonly* с уточнительной *right*, можно сказать следующее: слово *right* как частица шире и определеннее представлено в среднеанглийском языке. Это объясняется тем, что появление его было подготовлено, как указано выше, в древнеанглийскую эпоху. Как *right*, так и *oonly* свойственно выступать главным образом при обстоятельстве, но *oonly* отличается от *right* тем, что может ограничивать значения и подлежащего, и сказуемого, т. е. частица *oonly* обладает большей сочетаемостью. Далее, хотя и *right* и *oonly* могут примыкать к обстоятельству, слову *right* присуще выделять слова местоименного обобщенного значения, тогда как *onliche* ограничивает слова с более конкретным значением.

Частица *wel*

Кроме усиительной *right* к разряду усиительных частиц относится также частица *wel*.

В среднеанглийском языке слово *wel* как усиительная частица имело уже довольно широкое распространение. Встречается эта частица при дополнении, предикативном члене и обстоятельстве. Но независимо от того, перед каким членом предложения выступает усиительная частица *wel*, она всегда соотносена со словами, имеющими значение числа. Так что для ча-

стицы *wel*, по-видимому, ведущей является не синтаксическая функция определяемого слова, а наличие значения количества.

В первом примере *wel* выступает при дополнении:

He tok sone knites ten

And *wel* sixti oþer men (Hav. D., 1747)

‘Он взял быстро десять рыцарей

Да добрых еще шестьдесят других людей’.

Во втором примере *wel* сопутствует предикативному члену:

Knights war þare *wele* two score (NED, *wel*, b 17) ‘Рыцарей там было добрых (целых) два десятка’.

Следовательно, частица *wel* может выступать при различных второстепенных членах предложения при условии, что они имеют количественные значения.

Как правило, *wel* предшествует определяемому слову.

Частица *yet*

Частица *yet*, имеющая своим омонимом наречие *yet*, в среднеанглийский период по сравнению с древнеанглийским периодом встречается значительно чаще.

В подавляющем большинстве примеров частица *yet* была зафиксирована при наречии или прилагательном в превосходной степени:

þis king mony sonnys hade Off ane of þa *ȝhit* mast he made (NED, *yet*, 1b) ‘У этого короля было много сыновей. Он любил одного больше всех’.

He dyde *ȝit* eallra wærst (Chr., 1087) ‘Он сделал еще хуже’.

Очевидно, для частицы *yet* так же, как и для усилительной *wel*, не важно, при каком члене предложения она выступает, а решающим является морфологическая природа определяемого слова.

Реже наблюдается использование частицы *yet* для усиления последнего члена при перечислении независимо от его синтаксической функции и способа выражения:

Nether am i crist ne *yeitt* heli (C. M., 12811) ‘Я не Христос, ни даже святой’.

Материал показал, что частица *yet* имеет фиксированное место в предложении перед определяемым словом.

Переходя к общим выводам, можно отметить, что уже в древнеанглийском языке наблюдались отдельные случаи употребления наречия в ослабленном значении, приближающем его к функциям, выполняющимся уточнительной частицей *right* и усилительными частицами *al*, *wel* и *yet*.

Четкое выделение частиц как самостоятельных элементов наблюдается только в среднеанглийскую эпоху, причем *right*, кроме уточнительного, развивает еще и усилительное значение; *al* меняет усилительное значение на уточнительное; частицы *wel* и *yet* сохраняют усилительное значение, возникшее в древнеанглийский период.

Интересной особенностью частиц является тот факт, что

одни из них соотносятся только с определенными членами предложения (*right*, *al*, *oonly*), а другие (*wel* и отчасти *uet*) могут иметь в качестве определяемого слова любой член предложения, но обязательно обладающий числовым значением или являющийся превосходной степенью прилагательного.

Всем частицам свойственно выступать при обстоятельстве. Наиболее широкой сочетаемостью обладает частица *only*. Для усилительной частицы *uet* характерно находиться при превосходной степени наречия или прилагательного. Из всех исследованных частиц в среднеанглийском языке чаще всего употребляется уточнительная *right*.

Для всех рассмотренных частиц характерна фиксированная позиция, а именно непосредственно предшествовать определяемому слову.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Barb. Mor. — Gohn Barbour Specimens of Early English. Ed. by R. Morris, pt. II. Oxford, 1898.
- Beow. — Beowulf, in Bibliothek der Altesten deutschen Literatura — Denkmäler, von L. L. Schücking. Paderborn, 1908.
- Bt. — King Alfred's Anglo-Saxon Version of Boethius' de Consolatione Philosophiae. Ed. by S. Fox. L., 1901.
- Ch., Kn. T. — The Canterbury Tales. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Ed. by W. Skeat. Oxford, 1906.
- Ch., M. — The Tale of Melibeus. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Ed. by W. Skeat. Oxford, 1906.
- Chr. — The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several original authorities. Ed. by B. Thorpe. L., 1861.
- C. M. — Cursor Mundi (The Cursor of the World). Ed. by R. Morris. Early English Text Society. L., 1874—1893.
- Gl. Dun. Mor. — Robert of Gloucester Life of St. Dunstan Specimens of Early English. Ed. by R. Morris. Oxford, 1898.
- Gow. T. C. Mor. — John Gower. The Tale of the Coffers. Specimens of Early English. Ed. by R. Morris, pt. II. Oxford, 1898.
- G. P. — King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. Ed. by H. Sweet. Early English Text Society. L., 1871.
- Hav. D. — The Story of Havelok the Dane. Ed. by W. W. Skeat. Early English Text Society. Oxford, 1902.
- Hamp. Pr. C. — Richard Rolle de Hampole. The Pricie of Consience. Ed. by R. Morris. Berlin, 1863.
- Laž. B. — Laymon's Brut. Ed. by F. Madden. Society of Antiquaries. L., 1847.
- L. K. — The Life of Saint Katherine. Ed. by E. Einenkel. Early English Text Society. L., 1884.
- L. P. P. — William Langland. The Vision of William concerning Pierce Plowman. Ed. by W. Skeat. Early English Text Society. L., 1866.
- Mand. Mor. — The Voiage and Travaile of Sir John Mandevile. Specimens of Early English. Ed. by R. Morris. Oxford, 1898.
- Oros. Sw. — The Anglo-Saxon Version of Orosius. Ed. by A. Sweet. Early English Text Society. L., 1883.
- Tr. Higd. — Polychronicon Ranulphi Higden, together with the English Translation of John Trivisa. Ed. by C. Babington a. R. Lumby, Rolls' series L., 1885—1886.
- Wicl. Gosp. M. Mor. — John Wyclif. The Gospel of Mark. Specimens of Early English. Ed. by R. Morris. Oxford, 1898.
- NED — The Oxford English Dictionary. Ed. by J. A. H. Murray, H. Bradley, W. H. Craigie, C. T. Onions. Oxford, 1933.

ВОЗВРАТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ

О. Д. Попова

В данной статье речь пойдет о функции беспредложных сочетаний переходных и непереходных глаголов с возвратными местоимениями в среднеанглийском. Вопрос о форме возвратных местоимений не будет затронут в рамках данной статьи. Следует лишь отметить, что простыми формами возвратных местоимений мы будем называть возвратные местоимения без элемента *self*, а сложными формами этих местоимений — с элементом *self*.

Конструкция с возвратными местоимениями при непереходных глаголах

Переходными глаголами для среднеанглийского считаем те глаголы, которые принимают беспредложное дополнение. Соответственно непереходными глаголами считаем те, которые не принимают беспредложного дополнения. Конструкции с возвратными местоимениями при непереходных глаголах имеют достаточно широкое распространение в среднеанглийском. В этих конструкциях употребляются непереходные глаголы определенного лексического значения — движения, перемещения, изменения положения в пространстве или же, наоборот, глаголы со значением покоя, отсутствия движения или перемещения.

Круг глаголов, употребляющихся в указанной конструкции в среднеанглийском, начинает постепенно сужаться и становится к концу периода очень ограниченным. В конструкциях с непереходными глаголами движения и покоя употребляются, как правило, простые формы возвратных местоимений. Это, по-видимому, объясняется тем, что сложные формы усилительных и возвратных местоимений совпали в среднеанглийском. С ограничением и постепенным выходом из употребления конструкций «непереходный глагол + возвратное местоимение» сложные фор-

мы при непереходных глаголах ясно осознаются не как возвратные, а как усилительные местоимения. Простая форма возвратных местоимений при непереходных глаголах исключает двусмысленность языковой модели. Эта двусмысленность становится возможной еще и потому, что возвратное местоимение в конструкции с непереходными глаголами не является показателем сколько-нибудь определенного или постоянного грамматического значения и не включается в ряд формальных языковых противопоставлений.

Там где можно проследить конструкции с непереходными глаголами по разным вариантам одного и того же среднеанглийского памятника, обнаруживается совершенно произвольное чередование наличия или отсутствия возвратного местоимения.

В рассматриваемых конструкциях при глаголах движения (реже при глаголах покоя) употребляются различного рода лексико-грамматические показатели, чаще всего обстояательства и обстоятельственные обороты, которые ограничивают, уточняют, конкретизируют действие. Часто имеется в предложении и указание на целенаправленность действия. Однако и этим дополнительным показателем «специфического» оттенка действия не следует придавать, по нашему мнению, слишком большого значения. Глаголам с широким лексическим значением, обозначающим движение (а именно такие употребляются в рассматриваемых конструкциях), вообще свойственно употребление с различного рода обстоятельственными показателями, уточняющими и конкретизирующими действие. Более того, при сопоставлении вариантов одного и того же памятника с чередованием наличия и отсутствия возвратного местоимения при непереходных глаголах движения (или покоя) не было обнаружено никаких различий в отношении обстоятельственных показателей в чередующихся вариантах.

Конструкции с возвратными местоимениями встретились нам в памятниках среднеанглийского периода при следующих непереходных глаголах движения: *comen* 'приходить', 'приезжать', 'прибывать', *gān* 'идти', *wenden* 'идти', *steren* 'отправляться в путь', *fūsen* 'спешить', 'выступать (в поход)', *liden* 'ехать', 'идти', 'путешествовать', *giden* 'ехать верхом', *sairen* 'ехать верхом', 'идти', *sculpen* 'незаметно, крадучись уйти прочь', *retournen* 'возвращаться'.¹

Из глаголов движения наиболее употребителен в конструкциях с возвратными местоимениями глагол *wenden*. По нашим подсчетам, в одном только памятнике *Cursor Mundi*² имеется

¹ Инфинитивы среднеанглийских глаголов даются в статье по словарю Стратмана (см.: F. H. Stratmann. A Middle English Dictionary. Oxford, 1891).

² *Cursor Mundi* (The Cursor of the World). A Northumbrian Poem of the XIV Century in four versions, two of them Midland. L., 1874.

более 30 таких конструкций, в то время как случаи употребления других непереходных глаголов движения в этом памятнике единичны. Из всех зарегистрированных в *Cursor Mundi* примеров с *wenden* только в 5 случаях возвратное местоимение присутствует во всех вариантах памятника. И в них также не было обнаружено никаких особенностей, отличающих эти «стойкие» конструкции от подобных им.

Другую группу глаголов, употребляющихся в конструкции «непереходный глагол + возвратное местоимение», составляют глаголы со значением покоя, отсутствия движения или перемещения: *sitten* 'сидеть', *liggen* 'лежать', *wesen* 'пребывать, находиться', *heropen* 'отдыхать', *resten* 'отдыхать', *gemaunen* 'пребывать', 'оставаться'.

Глагол *resten* — один из наиболее употребительных в данной конструкции, еще весьма распространен в памятниках XV в:

That night Bors rested him there (*Mal.*, II, 235) 'В ту ночь Борс отдыхал там'.

Конструкции с возвратными местоимениями при переходных глаголах

Рассмотрим прежде всего так называемые коммодальные конструкции. Конструкции с «коммодальным» значением в среднеанглийском — это конструкции с двумя дополнениями, как правило беспредложными, из которых одно выражено возвратным местоимением. Для этой трехчленной конструкции одно дополнение («нелица») можно назвать прямым, а второе («лица — адресата действия») — косвенным. Конструкции с косвенным дополнением «лица — адресата действия», реально совпадающим с производителем действия и переданным соответствующим возвратным местоимением, имеют в среднеанглийском коммодальное значение, т. е. действие имеет специфический оттенок — оно совершается в интересах производителя действия (в широком смысле слова).

Глаголы, которые употребляются в рассматриваемых трехчленных конструкциях, часто имеют коммодальность уже в самом своем лексическом значении. Нас интересует, однако, не лексическое значение коммодальности, которое присутствует в самой семантике глаголов, а его грамматическое выражение — наличие трехчленной конструкции, где в качестве дополнения «лица — адресата действия» выступает возвратное местоимение — возвратное дополнение особого рода, почти лишенное реального содержания. Оно является грамматикализированным показателем коммодальности, т. е. определенного залогового значения соотношенности действия с производителем действия, совершения действия в интересах производителя действия. На специфику этого внутреннего дополнения, показателя коммо-

дальности,³ указывает и тот факт, что в вариантах одного и того же памятника постановка его факультативна, что совершенно невозможно в отношении аналогичных невозвратных дополнений «лица—адресата действия»:

We haf us chosen nu baraban (Curs., 936) 'Мы уже выбрали себе Варавву'.

В остальных вариантах памятника возвратное местоимение отсутствует. Однако по данным нашего материала эллипс возвратного местоимения в коммодальной конструкции (в вариантах одного и того же памятника) значительно реже, чем в конструкции «непереходный глагол + возвратное местоимение».

Среди коммодальных конструкций среднеанглийского периода особый интерес представляют конструкции с глаголами *āzen* 'владеть, иметь' и *habben* 'иметь'. Особенность их в том, что приведенные глаголы не употребляются с невозвратными дополнениями «лица—адресата действия». Полагаем, что в данном случае вообще нельзя говорить о возвратном местоимении как о дополнении, так как указанная трехчленная модель вне построений с возвратными местоимениями для них невозможна. Мы считаем, что при этих глаголах возвратное местоимение — «чистый» грамматический показатель коммодальности—особого залогового значения совершения действия в интересах производителя действия не имеет.

В коммодальной конструкции в памятниках среднеанглийского периода встретились следующие глаголы: *nimen* 'брать', *taken* 'брать', *dōn* 'делать', *wurchen* 'делать', *makien* 'делать', *zifen* 'давать', *geten* 'получать', *purchacen* 'покупать', 'доставать', 'приобретать', *būggen* 'покупать', *purveien* 'доставать', *earnien* 'доставать', 'зарабатывать', *sēchen* 'искать', *sēosen* 'выбирать', *i-timbrien* 'строить', *i-winnen* 'получать', 'доставать', *finden* 'находить', 'добывать'.

Рассмотрим двучленные конструкции с возвратными местоимениями, где они выступают в функции беспредложного дополнения. Возвратное местоимение может выступать в среднеанглийском в большом числе случаев в функции беспредложного дополнения. Возвратное местоимение не утрачивает своего лексического значения; значение сочетания «переходный

³ Следует оговорить условность терминов «коммодальная конструкция» и «коммодальность» для среднеанглийского. «Коммодальный дательный» — это особое залоговое значение дательного падежа возвратного местоимения в соответствующих трехчленных конструкциях в древнеанглийском. Отсюда и название древнеанглийских коммодальных конструкций. Для среднеанглийского это термин условный — с исчезновением различий между дательным и винительным падежами у возвратных местоимений. Но мы позволим себе перенести его и на иные по своему формальному составу трехчленные английские конструкции, так как он хорошо передает их содержание и удобен для краткости изложения.

глагол + возвратное местоимение» равно сумме значений его компонентов. Имеется реальная объектная соотнесенность действия — действие направлено на производителя действия так же, как на соответствующий посторонний, невозвратный объект.

Выделяются лексические группы глаголов, при которых возвратное местоимение выступает в функции беспредложного дополнения. Имеется, как правило, также оттенок целенаправленности действия. К ним могут быть отнесены в первую очередь глаголы, обозначающие физические или умственные восприятия человека, человеческие чувства, мыслительные процессы,⁴ глаголы речи и близкие к ним по значению глаголы, а также некоторые другие. По своему синтаксическому употреблению — это глаголы единственно переходные. Они не могут употребляться безобъектно в среднеанглийском и не приобретают непереходного употребления и в дальнейшем.

Возвратное местоимение выступает в функции беспредложного дополнения при глаголах со значением физического и умственного восприятия и мыслительных процессов человека: *seōn*, *sēn* 'видеть', 'понимать', *under-standen* 'понимать', *witen* 'знать', *knāwen* 'знать', *forgeten* 'забывать', *þenchen* 'считать', 'полагать', *spāwelēchi* 'признавать', 'полагать', *counti* 'полагать', 'считать'.

Помимо лексического значения глаголов данной группы, препятствующего образованию залогового значения в конструкции «переходный глагол + возвратное местоимение», в ряде случаев имеются и грамматические показатели объектной соотнесенности действия. Одним из таких показателей является наличие в предложении двух параллельных беспредложных дополнений — возвратного и невозвратного. К таким формальным показателям мы можем отнести и сопоставление беспредложных дополнений двух сочиненных предложений, в одном из которых стоит (иногда при повторении одного и того же глагола-сказуемого) возвратное дополнение, а в другом — невозвратное.

Приведем пример с параллельными возвратным и невозвратными дополнениями при глаголе *witen*:

Ech mon wat him seolue best; his werkes and his wille (Hom., 167) 'Каждый человек знает лучше всего себя самого, свои дела и свои желания'.

Показателем объектного употребления возвратного местоиме-

⁴ Интересно отметить, что при анализе возвратных глаголов в русском языке Академическая грамматика выделяет именно эту группу глаголов, как не имеющих залоговых образований в силу особенностей своего лексического значения: «Особо стоят относительно немногочисленные глаголы со значением восприятия, узнавания, чувствования, направленные на другой предмет: видеть, любить, забыть, слышать, узнавать, чувствовать. Эти глаголы также относятся к переходным, хотя значение переходности в них слабее: прямой объект в этих случаях не подвергается каким-либо реальным изменениям» (Грамматика русского языка, т. I. Изд. АН СССР, 1953, стр. 412).

ния может служить в ряде случаев наличие при нем объектного предикативного члена или вхождение его в группу сложного дополнения. Например:

Besyde stode þe pupblican, and knew *hym self* a wykked man (Вг., 363) 'Рядом с ним стоял трактирщик и знал про себя, что он плохой человек'.

Из глаголов, обозначающих человеческие чувства, наиболее употребительны с беспредложными возвратными дополнениями глаголы *lufien* 'любить' и *hatien* 'ненавидеть'.

В исследованном среднеанглийском материале имеется также группа глаголов со значением грубого физического воздействия на объект, иногда со значением физического (реже нравственного) уничтожения объекта. Возвратное местоимение при этих глаголах тоже не теряет своего объектного характера и соотносится как равноправное с соответствующими невозвратными дополнениями. Действие, как правило, носит целенаправленный характер — сознательное разрушение производителем действия своей физической или нравственной личности или же прямое физическое воздействие на собственную личность. К подобным глаголам могут быть отнесены: *slēan* (*slēn*) 'убить', *spillen* 'погубить', *of-stingen* 'убить', 'погубить', *fōrdon* 'убить', 'погубить', *cūllen* 'убить', *destriuen* 'убить', 'разрушить', *smīten* 'ударить', *bēaten* 'бить', *grāpin* 'трогать', 'хватать', 'ощупывать', *to-renden* 'разорвать на куски', *hangien* 'повесить'.

Можно выделить еще группу глаголов, при которых возвратное местоимение неизменно выступает в функции беспредложного дополнения. Это глаголы близкие по значению к глаголам речи со значением суждения, оценки производителем действия себя, своих поступков и выражение этой оценки. Это могут быть глаголы со значением одобрения, положительной оценки ('хвалить', 'ценить', 'почитать') или же, наоборот, со значением обвинения осуждения, отрицательной оценки ('осуждать', 'упрекать', 'проклинать'): *demen* 'считать', 'судить', 'осуждать', *damnen* 'проклинать', *wrēzen* 'обвинять', *blāmen* 'обвинять', *dis-unpreisin* 'порицать', 'не одобрять', *for-culien* 'упрекать', *bi-cleopien* 'обвинять', *bi-fordemen* 'осуждать', 'обвинять', 'проклинать', *preisen* 'хвалить', 'восхвалять', *geruten* 'ценить', *value* 'ценить', 'восхвалять', *on-weorþen* 'почитать', 'уважать', 'ценить', *zēmen* 'восхвалять', 'почитать'.

Среди глаголов речи чаще других употребляется с возвратными местоимениями глагол *callin* 'называть', обычно сопутствующий объектным предикативным членом, выраженным именем существительным, а также глаголы *namien* 'называть' и *clerpen* 'объявлять, считать'.

Таким образом, сочетания приведенных глаголов с возвратными местоимениями являются разложимыми синтаксическими сочетаниями «переходный глагол + беспредложное дополнение».

Конструкции с так называемым собственно-возвратным значением

«В собственно возвратном значении формы возвратного залога показывают, что субъект имеет объектом своего действия самого себя».⁵ Это классическое определение собственно возвратного значения форм возвратного залога представляется неверным как для современного английского языка, так и для среднеанглийского. При наличии в языке четких залоговых форм (например, при анализе русских форм на -ся, при анализе возвратной формы в скандинавских языках) действительно могут быть выделены формы с собственно возвратным значением. Но это значение выделяется при анализе четкой, морфологизированной формы возвратного (среднего) залога. В среднеанглийском четкой морфологизированной формы возвратного залога нет. Основная трудность заключается в том, чтобы отграничить аналитические залоговые образования от свободных синтаксических сочетаний «переходный глагол + беспредложное дополнение», выраженное возвратным местоимением. При таком положении вещей трудно говорить о собственно возвратном значении, при котором «субъект имеет объектом своего действия самого себя». Когда возвратное местоимение выступает в функции беспредложного дополнения, то субъект тоже «имеет объектом своего действия самого себя». Если бы к этому сводилась сущность всех сочетаний «переходный глагол + возвратное местоимение», то можно было бы сказать, что все это свободные синтаксические сочетания, в которых возвратное местоимение выступает в функции беспредложного дополнения. Действительно, чем можно доказать при сопоставлении возвратного и невозвратного дополнений в таких примерах, как *He defends her* и *He defends himself*, что *himself* — не дополнение? Переводом на русский язык возвратной формой 'защищается'?

Но можно ли отнести все сочетания «переходный глагол + возвратное местоимение» к свободным синтаксическим сочетаниям? Оказывается, что и таким образом вопрос ставить нельзя. При анализе этих сочетаний приходится исходить из реальных объективных отношений, т. е. задаваться вопросом, является ли дополнение, выраженное возвратным местоимением, реальным объектом действия. Можно ли вообще выявить эту реальную объектную соотнесенность действия, и не сведется ли такое выявление к чисто умозрительным гаданиям, невольным переводам и сопоставлениям с русскими возвратными формами?

Выявление реальной объектной соотнесенности действия представляется необходимым и возможным. Необходимым потому, что именно при отсутствии реальной объектной соотнесенности действия, т. е. именно тогда, когда субъект не является

⁵ В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 139.

объектом собственного действия, мы имеем право говорить о наличии конструкции с залоговым значением ограниченности действия сферой производителя действия (субъекта). Возможным потому, что наличие или отсутствие объектной соотнесенности действия может быть выявлено в сопоставлении отношений одного и того же глагола с возвратным и невозвратным объектом, а также с помощью некоторых формальных показателей.

В приведенном уже сопоставлении *He defends her* и *He defends himself* мы не усматриваем разницы в реальной объектной соотнесенности действия. Если же сопоставить *He wrapp'd her* 'Он рассердил ее' и *He wrapp'd him (self)* 'Он рассердился', то такое сопоставление будет весьма показательным. В сочетании с возвратным местоимением реальная объектная соотнесенность действия отсутствует, имеется, наоборот, ограниченность действия сферой производителя действия (субъекта), определенное «субъектное состояние».

Следует сразу же оговориться, что такое сопоставление следует производить только с соответствующим невозвратным объектом, т. е. сопоставлять возвратное дополнение «лица» с невозвратным дополнением «лица», а возвратное дополнение «не-лица» с невозвратным дополнением «не-лица».

Большое значение имеет лексическое значение глаголов. Хотя в ряде случаев приходится рассматривать небольшие лексические группы глаголов «промежуточного характера», а порой и отдельные глаголы, все же следует отметить, что в отношении реальной объектной соотнесенности действия с его производителем количество больших лексических группировок глаголов не так уж и велико. Когда глагол выражает «конкретные физические действия»,⁶ то, как правило, производитель действия имеет своим реальным объектом самого себя. Однако и в конструкциях с глаголами, выражающими «конкретные физические действия», не все обстоит столь просто, и не все конструкции с этими глаголами могут быть безоговорочно отнесены к свободным синтаксическим сочетаниям.

Большую роль в определении того, является ли сочетание с возвратным местоимением свободным синтаксическим сочетанием, играет содержание действия, выражаемого глаголом, а иногда и весь контекст. Например:

Sir Tristram ... gave him such a fall to the earth that he bruised him sore so that he lay still (Mal., I, 328). 'Сэр Тристрам... с такой силой свалил его на землю, что он ужасно ушибся и лежал неподвижно'.

В данном примере нельзя сказать, что *him* — реальное дополнение, так как действие не имеет целенаправленного характера, а носит характер случайного, произвольного. То же следует сказать и о тех случаях, где производителем действия выступает

⁶ Там же.

«не-лицо». И здесь не может быть реальной объектной соотнесенности действия, действия волунтативного, совершаемого по отношению к себе как к «постороннему объекту».

Наконец (*last but not least!*), в некоторых конструкциях с собственно возвратным значением присутствуют прямые языковые показатели объектной соотнесенности действия: наличие невозвратного дополнения, употребляемого параллельно возвратному, наличие при возвратном местоимении объектного предикативного члена или тесная связь его со вторым, предложным дополнением. Например:

Helpes mid ower owune swinke, so uord so ze muwen, to shruden on *suluen* and *þeo þet* ou serue, ase seint Jerome lere (A. R., 422) 'Помогайте, насколько это в ваших силах, своим собственным трудом одевать себя и тех, кто вам прислуживает, как поучает святой Иеремия'.

Al swuch ichulle wite *me* treowliche *unwemmet* as ich am him iweddet (Meid., 47) 'Такой сохраняю я себя, истинно непорочной, раз я с ним обвенчана'.

Однако не все обстоит ясно и просто и с теми, казалось бы, простыми «конкретными физическими действиями», где «субъект имеет объектом своего действия самого себя». Большинство глаголов, употребляемых в так называемых «собственно возвратных» конструкциях, это глаголы, выступающие только в переходном синтаксическом употреблении.

Ряд этих глаголов приобретает непереходное синтаксическое употребление, становясь глаголами переходно-непереходными. Многие глаголы, употребляющиеся в собственно возвратных конструкциях и первоначально глаголы единственно переходные, становятся в среднеанглийском, позднесреднеанглийском или ранненовоанглийском переходно-непереходными. Интранзитивация этих глаголов проходит, по нашему мнению, именно через возвратную конструкцию. На это указывают и данные NED⁷ (в соответствующих поглагольных статьях), где, как правило, указывается, что непереходное употребление глагола появляется «вместо возвратной формы», «посредством постепенного вытеснения возвратного местоимения».

Появление у ряда глаголов непереходного синтаксического употребления, вследствие их частого функционирования в «собственно возвратных» конструкциях, наводит на мысль о том, что вряд ли все эти конструкции были свободными синтаксическими сочетаниями. Главным в них было не то, что «субъект имел объектом своего действия самого себя», а именно то, что «субъект» не всегда имел объектом своего действия самого себя; действие было лишь определенным образом соотнесено с производителем действия, ограничено сферой производителя действия.

⁷ NED — The Oxford English Dictionary. Ed. J. A. H. Murray, H. Bradley, W. H. Craigie, C. T. Onions. Oxford, 1933.

В целом конструкции с возвратными местоимениями при глаголах, обозначающих «конкретные физические действия» и передающих соотношенность действия с его производителем как с объектом действия, следует отнести к свободным синтаксическим сочетаниям «переходный глагол + беспредложное дополнение». Возвратное местоимение находим возможным считать грамматикализированным в случае отсутствия реальной объектной соотношенности действия — при производителе действия «нелице», при случайном неволунтативном характере действия, а также при тех глаголах, которые под влиянием употребления в конструкциях с возвратными местоимениями приобретают непереходное употребление.

Среди конструкций с возвратными местоимениями при глаголах, выражающих конкретные физические действия, можно выделить несколько групп в зависимости от лексического значения глаголов.

1) группа глаголов со значением одевания и близкие к ним по значению: **aggaie*⁸ 'одевать', 'облекать' 'наряжать', **clāpen* 'одевать', 'облекать одеждой', *appaiaillen* 'одевать', 'наряжать', *attugen* 'одевать', 'наряжать', (a)-*tiffen* 'одевать', 'наряжать' и др.,

2) группа глаголов со значением 'мыть', 'купать', 'причесывать': **waschen* 'мыть', 'купать', **basken* 'купать', 'погружать в какую-нибудь жидкость', **baugne* 'мыть', 'купать', **baðien* 'купать', *kemben* 'причесывать';

3) глаголы, связанные с процессом еды: **fodien* 'кормить', **ofer-sēn* 'накормить доотвала', **stoffen* 'накормить доотвала', **refreshen* 'подкрепить едой', **gepast* 'есть', 'пировать';

4) глаголы со значением 'готовить', 'экипировать', 'снаряжать': *gearwlen* 'готовить', 'приготовить', *greifen* 'готовить', *furnischen* 'экипировать', 'снабжать', 'обеспечивать', *garnischen* 'снабжать', 'собирать', 'снаряжать';

5) глаголы со значением 'вооружения' и 'разоружения': *armen* 'вооружать', *disarmen*, *unarmen* 'разоружать'.

Широко распространены в возвратных конструкциях также глаголы со значением 'защищать', 'сохранять', 'укрывать', 'скрывать', 'прятать'.

Конструкция со средневозвратным значением

«Выражая средневозвратное значение, форма возвратного залога показывает, что действие ни на кого и ни на что не переходит, а замыкается в самом субъекте, сосредоточено в нем».⁹ Именно в тех конструкциях, где «действие ни на кого и ни на что не переходит» (в том числе и на производителя действия, на

⁸ * обозначаем те глаголы, которые по данным NED'a и по нашим данным интранзитивизируются через возвратную конструкцию в позднесреднеанглийском или ранненовоанглийском.

⁹ В. Н. Жйгадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иоффик. Современный английский язык, стр. 140.

субъект), можно говорить об истинном залоговом значении для конструкций с возвратными местоимениями. Только там, где возвратное местоимение не может быть представлено в качестве реального объекта действия, где такое представление по крайней мере затруднено, можно говорить о грамматикализации возвратного местоимения. В этих конструкциях возвратное местоимение выступает как показатель соотнесенности действия с его производителем, как показатель ограниченности (в широком смысле слова) действия сферой его производителя (субъекта).

В конструкциях со средневозвратным значением в среднеанглийском бесспорно можно выделить две традиционные разновидности:

«а) действие сосредоточено в сфере субъекта и сводится к выражению внешних физических изменений в состоянии субъекта, его перемещения в пространстве...

б) формы возвратного залога выражают изменение во внутреннем состоянии субъекта».¹⁰

Следует отметить, что средневозвратное залоговое значение находится в зависимости от лексического значения глаголов. Если с глаголами, обозначающими «конкретные физические действия», получают конструкции с так называемым «собственным возвратным» значением, то с глаголами, имеющими дело с «перемещением», «изменением положения» или «внутренним состоянием» субъекта — производителя действия, получают конструкции со средневозвратным значением.

Определить эти лексические группы слов весьма трудно, и поэтому «изменение во внутреннем состоянии субъекта» станет достаточно условным обозначением для большого числа средневозвратных конструкций.

Все глаголы, как правило, в конструкциях со средневозвратным значением — или уже переходно-непереходные, или приобретающие непереходное употребление через возвратную конструкцию в среднеанглийском, на рубеже средне- и ранненовоанглийского, в ранненовоанглийском. Ни один из глаголов, употребляющихся в средневозвратных конструкциях в среднеанглийском не принимает невозвратное дополнение, параллельное возвратному местоимению. Возвратное местоимение в этих конструкциях не имеет при себе объектного предикативного члена. В непереходном употреблении, возникающем через возвратную конструкцию или уже существующем в среднеанглийском, глагол всегда идентичен возвратной конструкции по содержанию. В том случае, если внутри возвратной конструкции глагол претерпевает изменение в своем лексическом значении, то непереходное употребление абсолютно идентично возвратной конструкции, и глаголы отстоят дальше по значению от переходного употребления.

¹⁰ Там же.

Обратимся к рассмотрению возвратных конструкций подгруппы «а» в среднеанглийском. Глагол *wid-draȝen* — один из самых распространенных в этой подгруппе. Глагол этот переходно-непереходный уже в среднеанглийском. В своем переходном употреблении, как правило, стоит с дополнением «нелица», имеет значения 'убрать что-нибудь откуда-нибудь', 'лишить что-нибудь занимаемого места или положения'. Например:

Aaron this fier blessedde and wiðdroȝ (Gen. and Exod.)¹¹ 'Аарон благославил этот огонь и убрал его'.

В возвратной конструкции глагол может употребляться как с производителем действия «лицом», так и с «нелицом». Возвратное местоимение не может быть представлено в качестве реального объекта действия, а является лишь показателем соотносительности действия с производителем действия. (Не действие «субъекта» над самим собой, а просто движение, перемещение «субъекта» в пространстве.) Например:

Then thai withdrew thaim halely (Bruce, 49) 'Тогда они благополучно удалились'.

Глагол в непереходном употреблении идентичен по содержанию возвратной конструкции:

Prest aȝen him he was and slou of hom to grounde, so þat hii gonne wiþ drawe (R. Glouc. (Rolls), 3681)¹² 'Он быстро выступил против них и некоторых из них сразил, так что они начали отступать'.

Глаголы, употребляющиеся в средневозвратных конструкциях подгруппы «а»:¹³ *draȝen* 'тащить', 'тянуть', 'тащиться', *dressen* 'двигать', 'направлять', 'двигаться', 'направляться', *türnen* 'поворачивать', 'поворачиваться', *speden* 'торопить', 'спешить', *hiȝien* 'торопить', 'спешить', *hasten* 'торопить', 'торопиться', 'спешить', *stürnen* 'двигать', 'шевелить', 'двигаться', 'шевелиться', **awauncen* 'двигать, вперед, двигаться вперед', *streken* 'вытянуть', 'протянуть', 'положить кого-нибудь на землю, вытянув во всю длину тела', 'вытянуться', 'потянуться', *casten* 'бросать, бросаться', *moven* 'двигать, двигаться', **warpin* 'бросать', 'сгибать', 'сгибаться', 'скрючиваться' и др.

Обратимся к рассмотрению средневозвратных конструкций подгруппы «б».

В просмотренном среднеанглийском материале круг глаголов, употребляющихся в средневозвратных конструкциях со значением «внутреннего состояния субъекта», тоже весьма широк. Объединяющим для этих конструкций является то, что они относятся к «психической личности» производителя действия.

В конструкциях подгруппы «б» представление возвратного

¹¹ Пример заимствован из NED'a.

¹² Пример заимствован из NED'a.

¹³ Без всяких условных значков стоят глаголы переходно-непереходные в течение среднеанглийского периода; * обозначаем, как обычно, те глаголы, которые интранзитивизируются через возвратную конструкцию.

местоимения в качестве реального объекта действия затруднено, а в ряде случаев и абсурдно. Возвратное местоимение выступает как достаточно грамматикализованный показатель среднезалогового значения ограниченности действия сферой производителя действия, как показатель определенного состояния субъекта. Большую роль играет лексическое значение глаголов и (часто вытекающее из него) содержание действия. Там, где речь идет о различного рода психических эмоциях и переживаниях, возможность представления дополнения, выраженного возвратным местоимением, в качестве реального объекта действия сильно затруднена, а подчас и абсурдна. Там, где имеются в виду целенаправленные «психические акции», такая возможность может частично сохраняться. Подавляющее большинство глаголов, выступающих в подгруппе «б» средневозвратных конструкций, — переходно-непереходные. Некоторые из них являются таковыми уже в средне-английском, а многие интранзитивируются через возвратную конструкцию в позднесреднеанглийском или ранне-новоанглийском.

Среди конструкций подгруппы «б» можно выделить несколько разновидностей в связи с лексическим значением глаголов, образующих эти конструкции:

1) конструкции со значением глаголов 'радоваться', 'наслаждаться': *deliten* 'доставлять наслаждение', 'восхищать', 'наслаждаться', 'восхищаться', **disporte* 'развлекать, развлекаться' (глагол интранзитивируется через возвратную конструкцию и продолжает употребляться как переходно-непереходный), *gladien* (*gledien*) 'радовать, радоваться' и др. Как и обычно, во всех конструкциях подгруппы «б» глагол в непереходном употреблении идентичен возвратной конструкции;

2) возвратные конструкции со значением глаголов 'успокаиваться', 'утешаться': *conforten*, **reconforten* 'поддерживать', 'утешать, успокаивать' (интранзитивируется через возвратную конструкцию лишь в XVII в.), (а) **paisen* 'успокаивать', 'успокаиваться';

3) возвратные конструкции со значением неприятных психических переживаний: *wraþien* 'сердить, сердиться' (интересно, что в вариантах памятника *Cursor Mundi* чередуются возвратные конструкции с непереходным употреблением этого глагола:

I. With **þis** can Iesus *him* to wreth. II. Wid **þis** gan Iesus *him* to wreth. III. With that Iesus *wrath* by-gan. IV. Wid **þat** Iesus *wraþþe* bi-gon 'Из-за этого Иисус начал гневаться', **greven* 'злить, злиться', 'огорчать, огорчаться' (более позднее значение) и др.;

4) возвратные конструкции со значением 'жаловаться', 'горевать': *be* (*tānen*), **tēnen* 'оплакивать что-нибудь (кого-нибудь)', 'горевать о чем-нибудь (реже о ком-нибудь)', 'жаловаться', 'горевать'. Интранзитивация глагола идет, как обыч-

но, через возвратную конструкцию. Имеется указание NED'a, что непереходное употребление стоит «вместо» возвратной конструкции. Интранзитивация ранняя — в течение большей части среднеанглийского периода это уже глагол переходно-непереходный. Наблюдается полная невозможность представить возвратное местоимение в качестве реального объекта действия. (Не «оплакивать себя», а «горевать», не «горевать о себе», а «жаловаться».)

Возвратная конструкция представляет собой слитное единство и не разлагается на сумму составляющих ее компонентов. Возвратное местоимение выступает как грамматический показатель соотнесенности действия с производителем действия. Вследствие грамматической «идиоматичности» возвратной конструкции можно говорить и о сдвиге лексического значения глагола внутри нее. Это ясно видно, если сравнить значение глагола в переходном и непереходном употреблении: *plainen*, *complainen* 'оплакивать', 'жаловаться', 'горевать'. Возвратная конструкция и непереходное употребление идентичны по значению и представляются более удаленными от значения глагола в переходном употреблении.

Рассмотрим еще ряд возвратных конструкций со средневозвратным значением, где возвратное местоимение является «чистым» грамматическим показателем соотнесенности действия с производителем действия, и выделение его в качестве реального объекта действия абсурдно. К числу таких конструкций относятся конструкции со следующими глаголами:

**duten* — в переходном употреблении означает 'сомневаться относительно чего-нибудь', 'не доверять'. Этот глагол употребляется обычно с беспредложным дополнением «нелица». Возвратные конструкции с этим глаголом имеют значение 'сомневаться', т. е. в этих конструкциях имеется изменение и лексического значения глагола внутри возвратной конструкции, обусловленное ее грамматическим значением. Глагол же в непереходном употреблении, интранзитивирующий через возвратную конструкцию или уже имеющий непереходное употребление в среднеанглийском, всегда идентичен с нею по своему значению;

conseille — в переходном употреблении означает 'дать (кому-нибудь) совет, советовать'. Возвратные конструкции с этим глаголом имеют значение 'посоветоваться', 'обдумать'.

**avise* — в переходном употреблении означает 'обдумать (что-нибудь)', 'принять (что-нибудь) во внимание', 'думать о...', 'советовать'. Значение возвратных конструкций: 'подумать', 'обдумать', 'размышлять';

consenten — в переходном употреблении означает 'уступать (чему-нибудь)', 'позволять, разрешать', 'соглашаться с чем-нибудь'. Возвратные конструкции с этим глаголом имеют значение 'соглашаться';

**aggeen* — в переходном употреблении означает 'сделать (ко-

го-нибудь) довольными друг другом', 'примирить', 'расположить (друг к другу)', 'подружить', 'удовлетворить'. Значение возвратных конструкций с этим глаголом: 'благосклонно отнестись', 'согласиться (примириться)', 'прийти в хорошее расположение духа'.

Рассмотренные возвратные конструкции, в которых возвратное местоимение невыделимо и которые совершенно неразложимы, представляют собой, как можно было заметить, конструкции двух типов. Во-первых, это конструкции, передающие эмоции, настроения и переживания производителя действия, не зависящие от его воли ('радоваться', 'сердиться'). Во-вторых, это могут быть вполне осознанные, целенаправленные «психические акции» ('намереваться', 'посоветоваться', 'согласиться'). Однако и в этом случае невозможно выделить дополнение, выраженное возвратным местоимением, в качестве реального объекта действия, так как глагол внутри этих конструкций вследствие их грамматического значения (соотнесенности действия исключительно с производителем действия) претерпевает и изменение своего лексического значения. Однако в конструкциях второго типа в силу волунтативности действия (целенаправленные «психические акции») может сохраняться оттенок некоторой объектной соотнесенности у возвратного местоимения при ряде глаголов. Тем не менее полагаем, что и в данном случае имеем дело с залоговыми образованиями. Хотя представление возвратного местоимения в них в качестве реального объекта действия и не является абсурдным, все же оно может искажать в ряде случаев смысл высказывания. Подтверждением грамматикализованности этих конструкций является и интранзитивация в подавляющем большинстве случаев соответствующих глаголов через возвратную конструкцию.

К числу вышеописанных можно отнести возвратные конструкции со значением 'возвеличиваться', 'возноситься духом' и с противоположным значением — 'унижаться', 'смиряться', 'смягчаться': *hēzen 'поднимать', 'возвышать', 'возвеличивать, возвеличиваться'; exalten 'возвышать', 'возвеличивать', hebben, 'поднимать', 'возвышать', 'возвеличивать', 'возвышаться', 'возвеличиваться', *meoken 'смирять', 'смягчать', 'унижать', 'смиряться', 'смягчаться', 'унижаться', *lāzen 'унижать', 'принижать', 'унижаться'.

Интересно отметить, что в среднеанглийском существовал ряд глаголов, функционировавших в языке первоначально только в возвратной форме. Лишь в позднесреднеанглийском эти глаголы получают переходное употребление, а еще позднее, в ранненовоанглийском, — непереходное. К числу таких относится глагол humblen 'унижать'. Составители NED'a полагают, что этот глагол появился в английском языке в возвратной форме под влиянием латинских возвратных форм se humiliare, употреблявшихся в средневековой латыни. Таким же первоначально воз-

вратным является и глагол *repente*. Значение его как возвратного глагола 'раскаиваться'. Позднее глагол приобретает и переходное употребление 'оплакивать что-либо', 'сожалеть о чем-нибудь'. После того как глагол становится переходным, следует говорить уже не о возвратном глаголе, а о возвратных конструкциях, соотнесенных с переходным употреблением глагола. Глагол *abstene* 'воздерживаться' был заимствован из французского как глагол возвратный. Затем постепенно ('by gradual suppression of the reflexive pronoun', как указывает NED) глагол интранзитивировался. Лишь гораздо позднее этот глагол встречается в переходном употреблении (как считают составители NED'a, под влиянием буквального перевода латинского *abstinēre*). Глагол *determine* тоже существовал в среднеанглийском как возвратный глагол со значениями: 1) 'решиться, придти к решению'; 2) 'придти к концу, скончаться'. Непереходный глагол появляется соответственно для первого значения в конце XV в., а для второго значения — в конце XIV в. Глагол начинает употребляться переходно соответственно в конце XV и в XVII вв.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы обратить внимание на следующие свойства среднеанглийских конструкций с возвратными местоимениями:

1. Степень грамматикализации возвратного местоимения зависит от лексического значения глаголов, входящих в состав этих конструкций.

2. При определении грамматикализованности возвратного местоимения большое внимание уделяется возможности представления его в качестве реального объекта действия. Это достигается сопоставлением возвратного местоимения с соответствующим невозвратным дополнением.

3. Одним из важнейших показателей грамматикализованности возвратной конструкции считаем интранзитивацию глаголов через эти конструкции.

4. Существует ряд формальных показателей употребления возвратного местоимения в функции беспредложного дополнения (невозвратное беспредложное дополнение, параллельное возвратному местоимению, наличие объектного предикативного члена при возвратном дополнении, вхождение его в группу сложного дополнения или тесная связь со вторым, предложным, дополнением). В конструкциях со средневозвратным значением ни один из этих показателей никогда обнаружен не был.

5. При непереходных глаголах движения и покоя оттенок залогового значения в конструкциях с возвратными местоимениями установить трудно. Отмечается факультативность постановки возвратного местоимения при непереходных глаголах.

6. Залоговый оттенок «коммодальности» ограничен в среднеанглийском особой трехчленной конструкцией с двумя беспредложными дополнениями, где возвратное местоимение выступает

в функции специфического дополнения «лица—адресата действия».

7. В конструкциях со средневозвратным значением возвратное местоимение грамматикализовано, а особенность так называемых собственно возвратных конструкций в среднеанглийском заключается в частичной грамматикализации возвратного местоимения в ряде этих конструкций.

8. Грамматикализация возвратного местоимения в собственно возвратных конструкциях может быть обусловлена неволеунативным характером действия.

9. Слитность элементов в средневозвратных конструкциях обуславливает в ряде случаев сдвиг лексического значения глаголов внутри этих конструкций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. R. — The Ancren Riwele, a treatise on the Rules and Duties of Monastic Life. Ed. from a semisaxon MS of the thirteenth century by J. Morton. L., 1853.
Br. — Robert of Brunne's "Handlyng Synne". Re-edited by F. J. Furnivall. L., 1901—1903.
Bruce — J. Barbour. The Bruce. Ed. by W. M. Skeat. L., 1870—1889.
Curs. — Cursor Mundi (The Cursur of the World). A Northumbrian Poem of the XIV Century. In four versions, two of them Midland. Ed. by R. Morris. L., 1874.
Hom. — Old English Homilies and Homiletic Treatises of the Twelfth and Thirteenth Centuries. Ed. by R. Morris. L., 1867.
Inw. — Dan Michel's Ayenbite of Inwyt or Remorse of Conscience in the Kentish Dialect, 1340. Ed. by R. Morris. L., 1866.
Leg. — The Early South-English Legendary or Lives of Saints. Ed. by C. Holtsmann. L., 1887.
Mal. — Romance Le morte D'Arthur by Sir Thomas Malory. Ed. by E. Rhys. L., 1906.
Meid. — Hali Meidenhad. An Alliterative Homily of the Thirteenth Century. Ed. by O. Cockayne. L., 1866.
-

К ИСТОРИИ АНГЛИЙСКИХ ВОЗВРАТНЫХ И УСИЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

О. Д. Попова

Возвратные и усиительные местоимения в древнеанглийском

В древнеанглийском не наблюдается единой и устойчивой формы у возвратных местоимений. В функции возвратных местоимений чаще всего выступают личные местоимения в объектных падежах. Такую форму возвратных местоимений мы будем называть простой. Личные местоимения в объектных падежах, выступающие в функции возвратных местоимений, могут сопровождаться местоименным прилагательным *seolf*. Такую форму возвратных местоимений мы будем называть сложной.

В простых и сложных формах возвратных местоимений в древнеанглийском личное местоимение может стоять в трех объектных падежах: родительном, дательном и винительном. Авторы исследований, посвященных возвратным местоимениям этого периода, описывая постановку личных местоимений в указанных падежах, предполагают произвольность постановки падежа этих местоимений.¹ На возможность постановки личного местоимения в родительном падеже указывается в диссертации Т. И. Бух.² Однако в диссертации приводится только один пример употребления личного местоимения, выступающего в функции возвратного, в родительном падеже. В нашем материале встретился еще один подобный пример. Оба эти примера с одним и тем же глаголом *sceamian* 'стыдиться'.

В простых и сложных формах возвратных местоимений в древнеанглийском личные местоимения стоят обычно в одном из двух объектных падежей: в дательном или винительном. По нашим данным, постановка личного местоимения, выступающего в функции возвратного, в одном из объектных падежей не

¹ G. E. Penning. A History of the Reflective Pronouns in the English Language. Diss. Bremen, 1875, p. 8; Т. И. Бух. Возвратная конструкция глагола в германских языках. Канд. дисс. Л., 1951, стр. 54. Рукопись хранится в библиотеке им. А. М. Горького ЛГУ.

² Т. И. Бух. Возвратная конструкция глагола в германских языках, стр. 54.

была ни произвольной, ни случайной. Возвратное местоимение подчиняется законам глагольного управления и в этом отношении не отличается от любого другого, невозвратного дополнения.

Так, например, постановка возвратного местоимения в родительном падеже при глаголе *sceamian* 'стыдиться' объясняется тем, что этот глагол управляет родительным падежом косвенного дополнения. Если глагол управляет дательным падежом косвенного дополнения, то и возвратное местоимение тоже стоит в дательном падеже, например, с глаголами *helpan* 'помогать', *beorgan* 'защищать', *gesceap* 'причинять', *oleccan* 'лстить' и со многими другими.

Приведем пример, где в пределах одного предложения имеются два параллельных беспредложных дополнения в дательном падеже, одним из которых является возвратное местоимение:

Ne fæst se no **gode** ac *him selfum*, se þe ðæt nyle *ðearfum sel-*
lan ðæt he ðone on mæle læfd (C. P., II, 316) 'Тот постится не для бога, а для себя самого, кто не дает ничего бедным из того, что он оставляет от своего обеда'.

В винительном падеже личное местоимение, выступающее в функции возвратного, употребляется с переходными глаголами, которые вообще способны управлять винительным падежом прямого дополнения. Это, например, глаголы *ahebban* 'поднимать, возвышать', *pinian* 'мучить', *underþeodden* 'подчинять', *wæscen* 'мыть', *wundigan* 'ранить', *ofercuman* 'побеждать' и др. Приведем примеры употребления глагола *wundigan* с возвратным и невозвратным дополнениями (в винительном падеже):

...and nu þu *wundast þe sylfne* (Mag., 220) '...а теперь ты ранишь самого себя.'

Gif hwylce lewede man *oderne* wundige! (Bosw., 1281)

'Если какой-нибудь мирской человек другого ранит'.

Зависимость падежа возвратного местоимения от глагола, к которому оно относится, была проверена на собранном материале. Кроме того, сопоставлялись в ряде случаев падежи возвратных местоимений и невозвратных дополнений при одном и том же глаголе по словарю Босворта.

Падежное управление глаголов было проверено по книге Вюльфинга.³

Результаты этой проверки показали, что косвенный падеж личного местоимения, выступающего в функции возвратного, всегда зависит от того, каким падежом управляет глагол.

Однако существует ряд объективных языковых причин, затемняющих довольно ясную в конечном счете картину зависимости падежа возвратных местоимений от глагольного управления. Во-первых, имеется ряд глаголов, управляющих несколь-

³ J. E. Wülfing. Die Syntax in den Werken Alfreds des Grossen. Bonn, 1894.

кими падежами. Так, например, глаголы *dēman* 'судить' и *hreovan* 'огорчить' принимают дополнение в дательном и винительном падежах:

Ne hit him ne læt hreovan (Bosw., 559). 'Пусть это его не огорчает'.

Hie ne magon ealneġ ealla on ane tid emnsare hreovan (Bosw., 559) 'Они не могут всех сразу, в одно время, огорчить одинаковой печалью'.

В первом примере дополнение при глаголе *hreovan* стоит в дательном падеже, во втором — в винительном.

Во-вторых, возвратное местоимение может стоять в дательном или винительном падежах при непереходных глаголах движения и покоя, которые вообще не принимают никаких косвенных беспредложных дополнений (как, например, при глаголах *licgan* 'лежать', *wendan* 'идти', 'двигаться').

При глаголах движения и покоя возвратное местоимение не является управляемым словом класса имен, поэтому модели с возвратными местоимениями строятся аналогично то одной, то другой существующей в языке модели.

Наконец, в-третьих, следует отметить, что к концу древнеанглийского периода система глагольного управления становится все менее четкой ввиду распада системы падежа в различных классах слов. В этот же период *him*, *hige* и *heom* (бывшие дательные падежи местоимений) становятся почти единственными объектными формами и стоят в качестве прямых дополнений при переходных глаголах там, где раньше употреблялись винительные падежи этих местоимений.

Тем не менее можно утверждать, что в тех памятниках, где еще ярко дифференцированы винительный и дательный падежи личных местоимений (3-го л. ед. ч.), возвратное местоимение стоит в том же падеже, что и любое невозвратное дополнение.

Обратимся к выяснению ряда вопросов, связанных с возникновением сложной формы возвратных местоимений и их взаимоотношений с древнеанглийскими усилительными местоимениями. Сложные формы возвратных местоимений включают в свой состав местоименное прилагательное *seolf*, которое согласуется с личным местоимением. Эти сложные формы являются более поздними образованиями. Число их в древнеанглийском еще невелико, но к концу периода оно резко возрастает. Немецкий лингвист Пеннинг подробно останавливается на истории местоименного прилагательного *seolf*.⁴

В древнеанглийском *seolf* — прилагательное и поэтому должно согласовываться в роде, числе и падеже со словом, к которому оно относится.

⁴ G. E. Penning. A History of the Reflective Pronouns in the English Language, pt. I.

Пеннинг полагает, что источником и причиной переосмысления *seolf* в существительное явилось его употребление в так называемой возвратной притяжательной конструкции (*reflexive possessive*).

В древнеанглийском, по-видимому, характер *seolf* был весьма противоречив. С одной стороны, чаще всего в 1 и 2 л. ед. ч., оно могло восприниматься в возвратной притяжательной конструкции как существительное (яснее мое «я», чем его «я»). С другой стороны, оно могло выступать и как прилагательное. В возвратных местоимениях *seolf* в древнеанглийском воспринимается как местоименное прилагательное, которое согласуется с личным местоимением в роде, числе и падеже.

Причиной появления *seolf* в древнеанглийских возвратных местоимениях принято считать стремление избежать неясности в смысле высказывания, когда речь идет о местоимениях 3 л. ед. ч. По нашим подсчетам, в прозаических памятниках позднедревнеанглийского в 1 и 2 л. ед. ч. *seolf* присоединяется в 25% всех случаев употребления возвратных местоимений, а в 3 л. ед. ч. — в 40% всех случаев.

Приведем пример сложной формы возвратного местоимения, где *seolf* согласуется с формой личного местоимения:

Ac ðæt mod oledð him selfum, and þonne for ðære oleccung forlæt ðon ege his selves umbeðances (C. P., II, 463) 'Но разум часто льстит себе и лестью уменьшает страх от своих собственных размышлений'.

Следует указать на тот факт, что в древних поэтических текстах сложная форма возвратных местоимений встречается очень редко. В поэме *Genesis*⁵ мы не нашли ни одного примера сложной формы возвратных местоимений. Имеются лишь единичные примеры сложных форм возвратных местоимений в поэме *Беовульф*⁶ и в поэмах *Кюневульфа*.⁷

В «Проповедях XII века», памятнике позднедревнеанглийского периода,⁸ значительно чаще, чем в более ранних памятниках, встречаются сложные формы возвратных местоимений. Кроме того, в этом памятнике объектные формы личных местоимений, выступающих в функции возвратных, унифицированы по форме дательного падежа. Здесь винительный падеж местоимения 3 л. ед. ч. м. р. *hine* встретился нам в функции возвратного местоимения всего дважды. В «Проповедях XII века» встречается уже слитное написание *himself*, т. е. *self* начинает осознаваться как часть возвратного местоимения.

⁵ Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Hrsg. von G. W. M. Grein. Bd. I. Göttingen, 1857.

⁶ *Beowulf*. Ed. by W. G. Sedgefield. Manchester, 1923.

⁷ Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Hrsg. von G. W. M. Grein. Bd. II. Göttingen, 1858.

⁸ *Old English Homilies of the Twelfth Century*. Ed. by R. Morris. L., 1873.

По нашему мнению, выбор на *seolf* как на средство подкрепления, усиления ясности формы возвратного местоимения пал не случайно, так как *seolf* уже с самого начала древнеанглийского периода является средством «грамматической эмфазы». Если в древнеанглийском *seolf* еще не представляет собой неотъемлемого компонента возвратной конструкции, то оно является главным и необходимым элементом другой древнеанглийской конструкции — усилительной.

Роль усилительного местоимения выполняет в древнеанглийском местоименное прилагательное *seolf*, которое ставится как при существительных, так и при местоимениях. Местоименное прилагательное *seolf*, выступающее в древнеанглийском в функции усилительного местоимения, согласуется в роде, числе и падеже с тем словом, к которому оно относится. В сильном склонении *seolf* усилительное встречается только в именительном падеже единственного числа.

В большинстве случаев в древнеанглийских памятниках местоименное прилагательное *seolf* одно выполняет функции усилительного местоимения, являясь необходимым компонентом усилительной конструкции. Однако впоследствии формы возвратных и усилительных местоимений начинают совпадать, т. е. перед *seolf* усилительным появляется личное местоимение в объектных падежах: родительном, дательном или винительном (чаще всего в дательном). Пеннинг считает, что этот «плеонастический» дательный (терминология Пеннинга. — *О. П.*) попал в усилительные местоимения из сочетаний некоторых глаголов с этим «плеонастическим» дательным (типа *him gevat* 'он пошел'). Одно *seolf* без «плеонастического» дательного Пеннинг считает эллиптической формой.⁹

Эти теории Пеннинга не кажутся нам убедительными. Мало вероятно, чтобы в усилительной конструкции использовался изолированный падеж личного местоимения, свойственный другой грамматической модели, употребляющейся с определенным рядом глаголов. Сам же Пеннинг говорит о «необъяснимом» и им самим необъясненным скачке дательного падежа личных местоимений из «этической» конструкции в усилительные местоимения.

Далее, положение Пеннинга о появлении «плеонастического» дательного в усилительных местоимениях кажется неубедительным еще и потому, что в складывающихся сложных формах усилительных местоимений встречается не только дательный падеж личного местоимения, но и винительный и даже родительный. Приведем пример употребления родительного падежа личного местоимения в сложной форме усилительного местоимения:

⁹ G. E. Penning. A History of the Reflective Pronouns in the English Language, p. 22.

Gedeð him sva gevealdene vorolde dælas,
 Sîde rice, þæt he *his selfa* ne mæg
 for his unsnyttrum ende geþencean (Beow., 301)

‘Он ставит части мира, обширное королевство, в такое подчинение себе, что он не может в своем безумии сам положить этому конец’.

Нам встретилось более 20 примеров постановки личного местоимения в винительном падеже. Мы полагаем, что древнейшим, наиболее распространенным в древнеанглийском усиленным местоимением было местоименное прилагательное *seolf*. Это была простая, исконная форма усиительного местоимения, которая чрезвычайно часто встречается в памятниках древнеанглийского периода. Затем начинают возникать новые сложные формы усиительных местоимений, состоящие из личного местоимения в одном из объектных падежей (чаще всего в дательном) и местоименного прилагательного *seolf*.

Интересным свойством древнеанглийских усиительных конструкций является опущение того главного слова, к которому относится усиительное местоимение. (Это лицо, или предмет в таких случаях ясны из предыдущего контекста и в сочетании с местоименным прилагательным *seolf* уже не повторяются). Приведем примеры эллиптических конструкций из памятников древнеанглийского периода с простой и сложной формой усиительных местоимений:

Sylfa sette þæt þu sunu være efen-eardigende mid þinne angenfreat; ær þon oht þisses æfre gevrude¹⁰ ... ‘Сам (господь. — О. П.) предрешил, чтобы ты был сыном, живущим с богом единым’.

... and *him sylfa* þæt tacn þæs siges gesette (В. Н., II, 205)
 ‘... и сам установил знак этой победы’.

Эллипс главного слова обычно происходит во втором сочиненном предложении, а в первом сочиненном предложении это слово выражено личным местоимением. Число подобных эллиптических конструкций в древнеанглийском еще невелико. Наши цифровые подсчеты показали, что на 126 примеров простых усиительных местоимений встретилось 16 сложных форм и 11 эллиптических конструкций.

Интересно отметить, что новые сложные формы усиительных местоимений появляются позже там, где управляемое слово является существительным. Впервые они встретились при управляемом слове — существительном в «Проповедях XII века».

Итак, новые сложные формы возвратных и усиительных местоимений начинают совпадать в древнеанглийском. И в тех и в других имеется личное местоимение в одном из объектных падежей в сочетании с местоименным прилагательным *seolf*. В возвратных местоимениях новым элементом является место-

¹⁰ Bibliothek der angelsächischen Poesie, Bd. I, S. 234.

именное прилагательное *seolf*, которое выполняет смысловозначительную функцию отграничения производителя действия от объекта действия. Это *seolf* встречается все чаще и чаще в возвратной конструкции и постепенно начинает осознаваться как часть возвратного местоимения. В памятниках появляется слитное написание *himself*.

В усилительных местоимениях новым элементом является личное местоимение в объектных падежах (чаще в дательном) перед местоименным прилагательным *seolf*. Это личное местоимение не несет никакой смысловой нагрузки, но тем не менее распространяется и устойчиво удерживается в усилительной конструкции. Раньше всего оно появляется, как уже указывалось, в тех случаях, когда слово, к которому оно относится, тоже личное местоимение.

Наша точка зрения на совпадение новых сложных форм возвратных и усилительных местоимений такова: в процессе своего становления возвратные и усилительные местоимения оказали влияние на форму друг друга.

Из усилительной конструкции проникло в возвратную местоименное прилагательное *seolf* и постепенно стало элементом сложного возвратного местоимения. Благодаря этому возвратное местоимение становится похоже на усилительное, особенно когда последнее относится к управляемому слову — личному местоимению.

Из возвратной конструкции в усилительную, по аналогии с возвратным местоимением, проникает личное местоимение в объектных падежах. Это личное местоимение постепенно становится элементом новых сложных форм усилительных местоимений.

Такое «взаимопроникновение» кажется нам возможным еще и потому, что возвратная и усилительная конструкции имеют точки соприкосновения и по своему грамматическому содержанию. И в той и в другой конструкции ярко видна соотнесенность действия с его производителем. Но в возвратной конструкции речь идет о том, что действие ограничено сферой производителя действия, а в усилительной конструкции подчеркивается, что именно данный производитель действия непосредственно соотнесен с этим действием.

После того как *seolf* — элемент усилительной конструкции — проникло в возвратную конструкцию, в сознании говорящих стали сближаться сочетания типа *ic seolf* (усилительное) и *ic me seolf* (возвратное). Эти конструкции стали похожими по форме. Последние два элемента *me seolf* в возвратной конструкции все больше начинают осознаваться как нечто связанное, единое целое. Тогда элемент *me seolf*, по аналогии со сложными возвратными местоимениями, вносится в усилительную конструкцию. Даже одно личное местоимение в объектном падеже получает возможность выступать в качестве усилитель-

ного. Пример этот, правда, единственный в нашем материале, но подтверждающий положение о том, что личное местоимение в объектном падеже осознается уже как элемент усилительного местоимения:

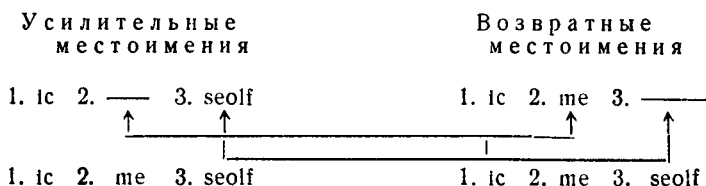
þu þe ärfast eart geworden eallum minum ünrihtwisnesum (В. Н., I, 39) 'Ты сам стал великодушен к моей неправедности'.

Личное местоимение проникает в сложные формы усилительных местоимений, как правило, в дательном падеже. Здесь, возможно, сказывается действующая параллельно с аналогией тенденция к некоторому разграничению. (В залоговых возвратных конструкциях, в функции прямого дополнения, т. е. в положениях, составляющих бо́льшую часть моделей с возвратными местоимениями, возвратное местоимение стоит в винительном падеже при переходном глаголе.)

Кроме того, здесь могла также сказаться зарождающаяся тенденция к вытеснению форм винительного падежа формами дательного падежа в тех личных местоимениях, где эти формы еще различались. А так как в усилительных местоимениях эти дательные падежи не были управляемыми, как в возвратных местоимениях, то они легче подчинились новым языковым тенденциям.

Наше предположение о «взаимопроникновении» форм возвратных и усилительных местоимений дает ответ и на вопрос, откуда появились в сложных усилительных местоимениях формы винительного и родительного падежа личных местоимений. Эти формы появились в них по аналогии с формами личных местоимений, выступающих в качестве возвратных, а эти последние зависели от глагольного управления.

Новые сложные формы усилительных местоимений появляются прежде всего там, где производитель действия (управляющее слово) обозначается личным местоимением. В этом случае сходство форм было наибольшим. Приведем нашу схему «взаимопроникновения» при образовании новых сложных форм возвратных и усилительных местоимений в древнеанглийском.

Возвратные и усилительные местоимения в среднеанглийском

К среднеанглийскому периоду и в начале его произошли значительные изменения в области личных местоимений. Эти изменения интересуют нас потому, что личные местоимения в объ-

ектном падеже употребляются в функции возвратных на протяжении всего среднеанглийского периода.

В среднеанглийский период утрачивается различие форм в дательном и винительном падежах у местоимений 3 л. ед. и мн. ч.

Изменения в области личных и, соответственно, возвратных местоимений описаны в диссертации Пеннинга.¹¹

Северное *they* постепенно распространяется во всех диалектах, однако форма объектного падежа этого местоимения и притяжательная форма медленнее распространяются в языке, чем форма именительного падежа. Поэтому *them* появляется в области возвратных (и усилительных) местоимений позже, чем *they* в области личных местоимений. Имеется много примеров, когда в качестве подлежащего предложения стоит местоимение *they*, а соответствующее возвратное местоимение имеет форму *hem* (*hemself*):

Whan þey mon fle, hem self to saue... (Br., 25) 'Когда бы они могли убежать чтобы спасти себя...'

Только в XV в. форма объектного падежа *them* в возвратной конструкции вытесняет форму *hem* старого объектного падежа. В памятниках северного диалекта с самого начала наблюдаем регулярное соотношение *they* — *them* в возвратной конструкции.

Пеннинг в своей работе утверждает, что в XIII—XIV вв. простые и сложные формы возвратных местоимений чередуются в равных количествах, а в XV в. начинается явное преобладание сложных форм.¹²

Согласно нашему материалу, в XII и в I половине XIII вв. сложные возвратные формы были столь же мало распространены, как в древнеанглийском. Цифровые данные соотношения простых и сложных форм у возвратных местоимений в среднеанглийском были примерно одинаковыми во всех диалектах. Количество форм с *self* колеблется в XIII—XIV вв. от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всех возвратных местоимений, т. е. преобладают еще во всех диалектах простые формы возвратных местоимений.

Что касается памятников XV в., то в них действительно наблюдается большее распространение сложных форм возвратных местоимений. Однако количественное соотношение простых и сложных форм различно по отдельным памятникам XV в. У Кекстона, например, явно преобладают сложные формы. Так в «Энеиде»¹³ Кекстона на 13 простых возвратных форм приходится 125 сложных. Если же взять другой памятник XV в., произведение Томаса Мэлори «Смерть Артура»,¹⁴ то в нем соотношение простых и сложных форм возвратных местоимений будет

¹¹ Там же, стр. 27.

¹² Там же, стр. 52.

¹³ Caxton's Eneydos. L., EETS, 1890.

¹⁴ Romance Le morte L'Arthur by Thomas Malory. Ed. by E. Rhys. L., 1916.

иным. Простых форм у Мэлори — 172, сложных — 60 (подсчет производился по первому тому).

Мы видим, что и в XV в. отсутствует сложившаяся единая форма у возвратных местоимений, и поэтому даже к началу ранненовоанглийского периода трудно говорить о полном становлении форм возвратных местоимений.

Обратимся к самому трудному вопросу в истории возвратных и усилительных местоимений, а именно к появлению в некоторых из них притяжательных форм личных местоимений вместо объектных в сочетании с *self* и соответственному переосмыслению *self* в существительное. Эти формы появляются раньше всего в местоимениях 1 и 2 л. ед. ч.: *mi*, *þi* + *self* вместо *me*, *þe* + *self*. Примеры этих новых сложных форм с притяжательными местоимениями появляются в памятниках XIII в.

Мы встретились с этими новыми формами в возвратных и несколько чаще в усилительных местоимениях в следующих памятниках XIII в.: «Житие святых»,¹⁵ «Устав инокий»¹⁶ (несколько примеров в усилительных конструкциях), «Проповеди XIII века»,¹⁷ поэмы «Юлиана»¹⁸ и «Сова и Соловей».¹⁹ Правда, в памятниках XIII в. все это — лишь единичные, весьма редко встречающиеся примеры. С конца XIII в. эти новые сложные формы с притяжательными местоимениями находят все большее распространение.

Пеннинг объясняет появление новых форм *mi*, *þi* + *self* из притяжательных *miþ*, *þiþ* + субстантивировавшееся *self*.²⁰ Первые черты субстантивации *self*, как мы отмечали, появляются уже в древнеанглийском. Но это объяснение состава новых сложных форм возвратных и усилительных местоимений не раскрывает причины их появления. Формы *mi*, *þi* не могли появиться из *me*, *þe*, так как в XIII в. не было такого фонетического перехода, хотя это изменение и могло пройти легче и быстрее именно благодаря близкому звучанию обеих гласных.

В 1 и 2 л. мн. ч., указывает Пеннинг, эти изменения (объектных падежей в притяжательные. — *О. П.*) произошли значительно позже. «Возможно, люди с большим трудом воспринимали множественное число от существительного *self*».²¹

Формы с притяжательными местоимениями в 1 и 2 л. мн. ч. появляются в середине XIV в. Но хотя *self* и стало употреб-

¹⁵ The Early South-English Legendary or Lives of Saints. L., EETS, 1887.

¹⁶ The Ancren Riwe; a Treatise on the Rules and Duties of Monastic Life. Ed. by J. Morton. L., 1853.

¹⁷ Old English Homilies and Homiletic Treatises of the Twelfth and Thirteenth Centuries. Ed. by R. Morris. L., 1867.

¹⁸ The Owl and the Nightingale. Ed. by T. Wright. L., 1843.

¹⁹ þe Liflade of St. Juliana. Ed. by O. Cockayne. L., 1872.

²⁰ Там же.

²¹ G. E. Penning. A History of the Reflective Pronouns in the English Language, p. 38.

ляться в сочетании с притяжательными местоимениями 1 и 2 л. мн. ч., само *self* долго не принимает окончания множественного числа. Примеры множественного числа *selves* начинают появляться лишь в XV в.

Местоимения 3 л. ед. ч. м. р. и 3 л. мн. ч. как возвратные, так и усилительные сохраняют, как правило, в среднеанглийском личное местоимение в объектном падеже и, соответственно, сохраняется адъективный характер *self*. Представляется, что сохранение объектной формы личного местоимения в местоимениях 3 л. ед. и мн. ч. произошло потому, что возвратные и усилительные местоимения 3 л. ед. ч. чаще всего употребляются в повествовании, особенно местоимения 3 л. ед. ч. м. р. Возвратные местоимения 3 л. ед. ч. чаще других употреблялись в сложной форме в древнеанглийском, и их сложная форма оказалась более или менее закрепленной уже к концу древнеанглийского периода.

Однако существовала тенденция к проникновению притяжательных местоимений и в 3 л. ед. и мн. ч. Примеры их могут быть найдены главным образом в памятниках северного диалекта. По нашим данным, эти притяжательные формы очень редко встречаются в сложных возвратных местоимениях, а гораздо чаще — в усилительных.

В женском роде в 3 л. ед. ч. совпадают формы объектного падежа *heg* и притяжательного местоимения *heg*. Поэтому *heg* возможно представить и как объектный падеж личного местоимения, и как притяжательное местоимение, а *self* соответственно можно трактовать и как прилагательное, и как существительное. Эта форма привлекала к себе внимание многих лингвистов — Суита, Есперсена, Кёрма. Кёрм, в частности, объясняет происхождение всех притяжательных форм в возвратных местоимениях по аналогии с *herself*. Этой форме придает большое значение и Пеннинг.

Аналогия с *herself* могла, конечно, сыграть свою роль в распространении притяжательных местоимений в новых сложных формах возвратных и усилительных местоимений. Однако полагаем, что были и факторы грамматического порядка, которые способствовали этому изменению сложных форм возвратных и усилительных местоимений. Вышеприведенные теории не объясняют, почему эти изменения (объектных падежей на притяжательные местоимения и субстантивация *self*) прошли в возвратных и усилительных местоимениях, причем в усилительных местоимениях эти формы зарегистрированы раньше, чем в возвратных (Пеннинг лишь с удивлением отмечает, что притяжательные формы *mi*, *ri* появляются в некоторых памятниках раньше в усилительных местоимениях, употребляющихся в качестве усиления к подлежащему предложения, чем в возвратных местоимениях. Так, в более раннем варианте «Брута» Лайямона в этом случае стоят уже иногда притяжательные формы *mi*, *ri*,

в то время как в возвратных местоимениях везде стоят еще объектные формы *me, he + self*.²²)

Прежде чем мы попытаемся дать свое объяснение одной из причин появления притяжательных местоимений в сложных формах возвратных и усилительных местоимений, остановимся подробнее на усилительных местоимениях в среднеанглийском. Усилительные местоимения к XV в. имеют вполне сложившуюся и единообразную форму. Употребление простой формы усилительных местоимений к этому времени почти совершенно исчезает из языка. В I половине XIV в. находим еще случаи употребления одного местоименного прилагательного *self* чаще в отношении к существительному. Однако оно еще встречается и в отношении к личным местоимениям в именительном падеже (т. е. в качестве усиления к подлежащему) и в объектном падеже (т. е. в качестве усиления к дополнению).

В просмотренных памятниках XV в. не обнаружено нами примеров на употребление простой формы усилительных местоимений. Можно утверждать, что усилительные местоимения в своей новой сложной форме сформировались раньше, чем возвратные. И в усилительных местоимениях употребляется еще вплоть до XV в. *hem*, а не *them* — форма объектного падежа местоимения 3 л. мн. ч.

Обратимся к так называемым эллиптическим конструкциям в среднеанглийском, которые, на наш взгляд, сыграли большую роль в изменении форм возвратных и усилительных местоимений. (В усилительной конструкции подлежащие предложения, к которому относится усилительное местоимение, может быть выражено как существительным, так и личным местоимением в именительном падеже. Уже в древнеанглийском мы наблюдали примеры эллиптических конструкций с пропуском личного местоимения, выполняющего функцию подлежащего).

Появлению эллипса личного местоимения в именительном падеже способствовало отсутствие единой формы усилительных местоимений в древнеанглийском и в среднеанглийском вплоть до конца XIV в. В функции усилительного местоимения в среднеанглийском могло еще употребляться одно *self* (двусловная модель *ic self*). Этому *self* могло предшествовать личное местоимение в объектном падеже, т. е. могла быть употреблена сложная форма усилительного местоимения (трехсловная модель *ic me self*). И, наконец, могла быть двусловная модель *me self*, где из двух личных местоимений оставалось местоимение в объектном падеже. (Вероятно, эти конструкции строились по аналогии с двусловной моделью *ic self*, но отсутствовало при этом не «плеонастическое» местоимение в объектном падеже, а само подлежащее.)

В среднеанглийском уже возможен эллипс подлежащего са-

²² Там же, стр. 33—36.

мостоятельного предложения и число эллиптических конструкций резко возрастает.

Приведем примеры эллиптических конструкций в среднеанглийском:

His batayles alle him-self ordeynes... (Troy, 344) 'Своими битвами (он) командует сам'.

Hym-self... at þe Ile of Wight halowede Cristemasse (Tr. I, VII, 95) '(Он) Сам на острове Уайт праздновал Рождество'.

Примеры эллиптических конструкций распространены во всех диалектах среднеанглийского периода, и число их начинает убывать лишь в XV в.

При пропуске подлежащего-местоимения в именительном падеже сложная форма усилительного местоимения оказывается на месте подлежащего, а self сохраняет согласование с опущенным подлежащим. Эллиптическая конструкция с объектным падежом личного местоимения на месте подлежащего все больше противоречит нормам языка, по которым первое место в повествовательном предложении все прочнее закрепляется за подлежащим (словом в именительном падеже). Me self в функции подлежащего способствовало тому, что self стало восприниматься не как местоименное прилагательное, служащее приложением к опущенному личному местоимению, а как существительное в именительном падеже. Self воспринимается как подлежащее предложения, как существительное со значением 'чье-то «я»', 'чья-то индивидуальность'. Личное местоимение в объектном падеже, предшествующее self, переосмысливается в притяжательное местоимение — чья именно личность, индивидуальность.

Это переосмысление облегчается еще и тем фактом, что субстантивация self в возвратной притяжательной конструкции имела место еще в древнеанглийском. Это переосмысление проходит с особой легкостью в 1 и 2 л. ед. ч. ввиду фонетической близости обоих местоимений и ввиду семантики этих местоимений: мое «я» доступнее человеческому пониманию, чем «я» 3 л. или многих лиц.

Интересно, что именно в эллиптических конструкциях наблюдается большая часть примеров переосмысления «стойких» местоимений 3 л. ед. ч. м. р. и 3 л. мн. ч. (Him self — his self; them self — their self).

Так как эллиптическая конструкция представляет собой разновидность усилительной, то это позволило формам с притяжательными местоимениями свободно распространиться в усилительных конструкциях. Этим объясняется, по нашему мнению, более раннее появление новых сложных форм в усилительных, а не в возвратных местоимениях. Значение возвратной конструкции тоже благоприятствовало распространению форм с притяжательными местоимениями. Если в усилительных конструкциях с эллиптированным подлежащим прошло переосмысление

«(я) сам действую» — «мое „я“ действует», то подобное переосмысление легко прошло и в возвратной конструкции «я действую над мной (самим)» — «я действую над моим „я“» (или «круг действия ограничен мной самим» — «круг действия ограничен моим „я“»).

Содержание возвратной конструкции гармонирует с новой языковой формой, и поэтому эта форма возвратного местоимения легко и беспрепятственно распространяется в языке.

Старые сложные формы сохраняются только в 3 л. ед. ч. в мужском роде и в 3 л. мн. ч. В остальных местоимениях они в дальнейшем исчезают из языка.

Переосмысление *me self* — *my self* в эллиптической конструкции особенно наглядно можно проиллюстрировать на примерах из среднеанглийского памятника *Cursor Mundi*.²³ Там, где в одном из вариантов памятника в эллиптической конструкции стоит *me self*, в других вариантах стоит *my self*. На этих примерах можно проследить как бы самые истоки и причины возникновения форм с притяжательными местоимениями.

Варианты эллиптической конструкции в *Cursor Mundi* дают наибольшее количество примеров и на *his self*. Приведем данные цифрового подсчета частоты употребления новых форм с притяжательными местоимениями в эллиптической, усилительной и возвратной конструкциях (на примерах из памятника *Cursor Mundi*). В возвратных конструкциях около 60% сложных форм составляют формы с притяжательными местоимениями; в усилительных и эллиптических конструкциях формы с притяжательными местоимениями составляют 75%.

В вариантах памятника *Cursor Mundi* имеются чередования следующих двусловных моделей: *he self*, *him self*, *his self*.

Употребление *he self* || *him self* подтверждает нашу мысль о том, что эллиптическая конструкция построена по аналогии с двусловным типом усилительной конструкции, но в ней сохраняется не именительный падеж местоимения-подлежащего, а объектный падеж личного местоимения, составляющий часть сложных усилительных форм. То, что рассматриваемая конструкция действительно является эллиптической, можно также проследить на вариантах *Cursor Mundi*:

I. And *i my self* noȝt in present, þou Sal it quit wit iulement. II. And *my-self* noȝt in present, þou Sal it quite wiþ iyggement (Curs., 392) 'И так как меня самого там не будет, то ты покинешь это место с неудовольствием.'

I. And wrought *he self* in þat labore. II. And wrought *hisself* in þat labore. III. And wrought *him self* in þat labour (Curs., 108) 'И сам занимался этим трудом'.

²³ *Cursor Mundi* (The Cursor of the World). In four versions, two of them Midland. Ed. by R. Morris. L., 1874.

I *He self* festnid bath band and lace. II. *His self* feste bath band and lace. III. *Him self* festid bath band and lace (Curs., 118) '(Он) Сам укрепил ленту и кружево'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- B. H. — Blickling Homilies of the 10-th Century. Ed. by R. Morris. L., 1873.
 Beow. — Beowulf. Ed. by W. F. Sedgefield. Manchester, 1923.
 Bosw. — An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth. Oxford, 1921.
 Br. — Robert of Brunnes's "Handlyng Synne". Re-edited by F. G. Furnivall, pt. I, II. L., 1901—1903.
 C. P. — King Alfred. Pastoral Care. Ed. by H. Sweet. L., 1872.
 Curs. — Cursor Mundi (The Cursor of the World). In four versions, two of them Midland. Ed. by R. Morris. L., 1874.
 Mar. — An Old English Martyrology. Re-edited by G. Herzfield. L., 1900.
 Tr. — Higden Ranulf Polychronicon Ramulphi Higden with the English Translations of John Trevisa and of an Unknown Writer of the 15-th Century. Ed. by J. R. Lumby. L., 1874—1879.
 Troy — The Land Troy Book. Ed. by J. E. Wülfing. L., 1902.
-

ВВОДНЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДОВ

С. П. Балашова

В последние годы вводные слова и словосочетания неоднократно служили предметом исследования советских языковедов. Появилось значительное число работ, в которых эта категория слов и словосочетаний рассмотрена с различных точек зрения. Предпринятые исследования существенно продвинули вперед изучение многих теоретических вопросов, связанных с вводными словами и словосочетаниями.

Так, например, пересмотру подверглось давно утвердившееся мнение, будто вводные слова и словосочетания являются чуждым элементом в предложении и легко устранимы без нарушения смысла предложений. На смену этому взгляду приходит понимание вводных слов и сочетаний как находящихся в определенных семантических и даже грамматических отношениях с остальным составом предложения.¹

В англистике наиболее исследованы проблемы, связанные с вводным членом предложения в современном английском языке.²

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; А. Г. Руднев. Вводный член предложения и вводные предложения, их функции и грамматическое выражение в художественных произведениях А. С. Пушкина. Уч. зап. ЛГПИ, т. 76. Л., 1949, стр. 137—178; А. И. Аникин. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис, 1959; Р. Л. Ковнер. Проблема вводного члена предложения. Уч. зап. ЛГПИИЯ, 1956, стр. 86—101; В. Я. Плоткин. О связи вводных элементов с предложением. Автореф. канд. дисс. Петрозаводск, 1958; Его же. Связь вводных слов с частью предложения. Уч. зап. Карел. пед. ин-та, т. 5, 1957, стр. 44—63; Его же. О синтаксической категории вводных элементов в английском языке. Уч. зап. Карел. пед. ин-та, т. 6, 1959, стр. 183—193.

² В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 298; В. Я. Плоткин. О синтаксической категории вводных элементов в английском языке, стр. 183—193; Р. Л. Ковнер. Проблема вводного члена предложения, стр. 86—101; Н. А. Кобринна. К вопросу о союзных наречиях в английском языке. Уч. зап. ЛГПИ, т. XX1, 1956, стр. 113—135.

Менее изучены вводные слова и словосочетания в историческом плане. Л. Н. Соловьева и Е. С. Смушкевич занимались вопросами развития отдельных средств выражения вводного члена, но ограничивали себя теми вводными словами, которые сохранились в современном английском языке.³ Поэтому их исследования никак не отражают всей полноты средств выражения вводного члена на более ранних этапах развития языка. Отдельные высказывания о развитии вводного члена предложения мы встречаем в диссертации Д. С. Самоваровой.⁴

Настоящая работа ставит целью исследовать средства выражения, значения и связь с предложением вводного члена предложения в письменных памятниках древне- и среднеанглийского периодов.

Состав средств выражения вводного члена предложения в языке древне- и среднеанглийского периодов

В процессе развития языка от древнего до среднего периода, охватывающего несколько столетий, существенно меняется состав средств выражения вводного члена предложения.

1. В древнеанглийский период отчетливо выделяются два разряда средств: модальные слова и союзные наречия.

а) Состав модальных слов немногочислен, и все они имеют грамматические омонимы среди наречий. Этот факт представляет значительный интерес, так как свидетельствует о том, что процесс развития модальных слов из наречий происходил и на ранних этапах развития языка.

Такие модальные слова, как *soplice* и *witodlice*, встречаются в древнеанглийских памятниках весьма часто и, по-видимому, функция вводного члена для них является вполне установившейся.

Но такие слова, как *siplice*, *ge-wyslice eornost-lice*, употребляются в функции вводного члена весьма редко и поэтому можно предположить, что для них эта функция только устанавливается:

Soplice ic nolde þæt hit þa dydon þe nænne geleafan habbaþ to gode... (Aelf's Liv. of S., 341) 'Поистине мне не хотелось бы, чтобы это делал кто-нибудь, у кого нет веры в бога'.

Witodlice þæt is soþ wysdom (Aelf's Liv. of S., 24) 'Поистине это правдивая мудрость'.

Cuplice se yfela dema onfehþ medmyoclum feo (Blickl. Hom., 61) 'Истинно злой судья получает ничтожное вознаграждение'.
... he swor þæt hi wæron *ge-wyslice* þær on æfon (Aelf's

³ См.: Л. Н. Соловьева. Союзные наречия в английском языке XIII и XIV вв. Уч. зап. ЛГУ, № 233, 1958, стр. 43—55; Е. С. Смушкевич. Обращение и развитие группы модальных слов. Автореф. канд. дисс. Л., 1956.

⁴ Д. С. Самоварова. Развитие вводного предложения в английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 3—10.

Liv. of S., 66) '... он поклялся, что они были действительно там вечером'.

Eornostlice þa þa micel menlgu, ægþer ge preosthades ge munuchades menn and þæt lævede folc æfter þæs eadigan Gregories hæse on þone Vodnes dæg to þam scofonfealdum letanium gescomon... (Aelf's Sermons, 194) 'Истинно тогда, когда большое множество как священников, так и монахов и тех мирян по воле святого Григория в среду на молебствие пришли...'

Однако для древнеанглийского периода характерно наличие большого количества промежуточных случаев, когда слово находится на пути превращения в модальное и сохраняет до некоторой степени значение наречия, выражающего обстоятельственную характеристику. Признаком того, что анализируемое слово сохраняет связь со сказуемым, является его местоположение — в середине предложения перед или после сказуемого:

Marla is nu *soplice* of lichoman gewiten and we sweþaþ lof umb hie (Blickl. Hom., 149) 'Мария теперь истинно отделилась от тела и мы воздаем ей хвалу'.

Petrus þa *soplice* onhof his stefne and wæs sweþende... (Blickl. Hom., 149) 'И тогда Петр истинно возвысил голос и сказал...'

б) Другим средством выражения вводного члена предложения в древнеанглийском являлись союзные наречия. Специфика союзных наречий по сравнению с союзами и собственно наречиями состоит в том, что они одновременно выполняют две функции: служат для связи одного высказывания с другим и при этом передают субъективное представление об этой связи, внося различные логические и экспрессивные оттенки.⁵

Однако разграничение этих разрядов слов представляет значительные трудности. Для древнеанглийского периода встает необходимость разграничить союзные наречия *for-þi* и *for-þon* и омонимичные союзы *for-þi* и *for-þon*.

Основной формальный критерий в отграничении союзных наречий от союзов мы усматриваем в большей свободе местоположения союзных наречий, в их способности стоять как в начале, так в середине и конце предложения, что совершенно несвойственно союзам. Эта особенность союзных наречий придает им большую самостоятельность и независимость в структуре предложения:

And ic þe *for-þi* tihte þæt þu þam godum ge-of-frige æfter þinre gebyrde... (Aelf's Liv. of S., 98) 'И я вследствие этого увещаю тебя, чтобы ты богам принес дар, соответствующий твоему положению...'

... and þæt he ongean godes willan winnan ne mihte and *for-þu* mid wæpnum hine werlan sceolde (Aelf's Liv. of S., 258)

⁵ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 739; Н. А. Кобринна. К вопросу о союзных наречиях в английском языке, стр. 113—135.

‘... и что он не мог противиться воле бога и вследствие этого должен был защищаться оружием’.

He *væs for-tƿon* hia lærende *svælce*... (Marc. I, 177)
‘... он вследствие этого так это изучал...’

Кроме *for-ƿi* и *for-ƿon* в древнеанглийском весьма употребительны были такие союзные наречия, как *ƿeah*, *swa-ƿeah*, *ƿeah-hwæpere* со значениями ‘все же’, ‘тем не менее’:

... *seo wæs hæfen ƿagit heo wæs swaƿeah* snotor and swyƿe unhal (Aelf's Liv. of S., 184) ‘... которая еще была язычницей, она была тем не менее мудрой и очень больной’.

Gar eow ƿeah ealle ut ƿæt ic me ana gebidde (Aelf's Liv. of S., 180) ‘Уходите теперь все же все отсюда, чтобы я мог помолиться один’.

... *ƿa nam he fif stanas on his herdebelig and ƿeah-hwæpere* mid anum he ƿone gigant ofwearp (Blickl. Hom., 31) ‘... тогда он взял пять камней в свой пастуший мешок, и тем не менее одним камнем он сразил великана’.

Таким образом, состав союзных наречий в древнеанглийский период был весьма немногочислен.

2. В среднеанглийский период состав слов, употреблявшихся в функции вводного члена предложения, значительно изменился как по количеству, так и по качеству. Такие слова, как *siƿlice*, *witodlice*, *eornostlice*, *ge-wyslice* не сохранились в среднеанглийском языке. Из употреблявшихся в древнеанглийском модальных слов в среднеанглийском сохранилось лишь *soplice* (ср. а. *sothliche*).

Значительно пополнился в среднеанглийский период состав союзных наречий.

Кроме этих встречающихся в древнеанглийском средств выражения вводного члена предложения, в среднеанглийский период появлялись новые средства: междометия, наречия, некоторые словосочетания.

Рассмотрим каждое из этих средств выражения вводного члена предложения.

а) Наиболее часто в среднеанглийских памятниках встречаются модальные слова *sikerliche*, *sothliche*, *certes*, *certainly*, *for soth*. Весьма редко употреблялись *aperteliche*, *witerliche*, *trewely*, *douteles*. При этом частота употребления того или иного модального слова зависит от того, к какому веку относится памятник.

Наиболее распространенным словом, выступавшим в функции вводного члена предложения, в ранних памятниках среднеанглийского периода было *sopliche* ‘поистине’, ‘истинно’:

... *sopliche* ne biƿ he noht wel cristene. *Sopliche* nis nan mon wel cristene (The 12 and 13 Cent. Hom., 113) ‘... поистине он не хороший христианин. Поистине ни один человек не является хорошим христианином’.

Несмотря на то, что уже в древнеанглийский период существовали омонимичные модальное слово *soþlice* и наречие *soþlice*, их разграничение в отдельных случаях затруднительно еще и в языке среднеанглийского периода:

Soþliche me þunched, gode men, þet al þas wrake is icumen over all þeode (The 12 and 13 Cent. Hom., 15) 'Поистине (а, возможно, истинно) мне казалось, добрые люди, что это гонение пришло на все народы'.

В процессе развития языка меняется фонетический облик этого слова и в более поздних памятниках оно встречается в форме *soþly*:

Soþly, a man may change his purpos and his conseil, if the cause caseth ... (The Tale of Melib., 390) 'Поистине человек может изменить свою цель и свое решение, если какая-нибудь причина вынуждает его'.

Весьма часто в среднеанглийских памятниках встречается модальное слово *sikerliche*, омонимичное наречию *sikerliche* 'верно'. *Sikerliche* как модальное слово стоит главным образом в начале предложения:

... *sikerliche* al mi woa on eorþe schal turnen me to ioie ... (The 12 and 13 Cent. Hom., 213) '... наверняка, все мое горе на земле превратится для меня в радость ...'

Sikerliche ure vo, þe weorreure of helle, he scheot ... (Ancren Riwe, 62) 'Несомненно, наш враг, воин ада, он направляет свои стрелы ...'

Как наречие в функции обстоятельства образа действия *sikerliche* стоит непосредственно перед или после сказуемого:

Nu thu migt wite *sikerliche*, That thine leches beth grisliche (The Owl and the N., 39) 'Теперь ты можешь знать достоверно, что твои лекари отвратительны'.

Гораздо реже в среднеанглийский период употреблялись такие модальные слова, как *aperteliche* 'ясно', 'явно', *witerliche* 'конечно', *trewely* 'действительно', *douteles* 'несомненно'.

He is *aperteliche* godes þyef (Inwyt, 59) 'Явно, он враг бога'.

... *trewely* trowe that they seyden right wysly (The Tale of Melib., 517) '... действительно я верю, они говорили мудро'.

... *douteles* he hade ben ded and dreped ful ofte (Sir Gawain, 239) '... несомненно, он часто бывал мертв и пронзаем шпагой'.

В процессе интенсивной ассимиляции французской лексики в английский язык проникают несколько слов со значением утверждения. Это такие слова, как *certes* 'конечно', *certainly* 'конечно'. С момента заимствования эти слова употреблялись в одной единственной функции — функции вводного члена предложения:

For of a thousand men, saith Salomon, I found o good man: but *certes* of alle women good woman found. I never (The Tale of Melib., 382) 'Так как из тысячи мужчин, — говорит Соломон, —

я нашел одного хорошего мужчину, но, конечно, из всех женщин я не нашел ни одной хорошей'.

Now *certainly* he was a *fyre prelat* (Canter. Tales, 9) 'Конечно, он был прекрасным прелатом'.

Из сочетания существительного *soth* 'правда' с предложом *for* через стадию адвербиализации развивается новое модальное слово *forsothe* 'истинно', 'поистине'. Однако написание этого слова колеблется, *for* пишется как слитно с *sothe*, так и отдельно:

Alfred *sede*, that was *wis*, || He *migte wel*, for *soth hit is* (The Owl and the N., 20) 'Альфред сказал, что это мудро и он вполне мог сказать это, так как поистине это так'.

Forsothe he was a *worthy man withalle* (Canter. Tales, 11) 'Поистине ко всему он был достойным человеком'.

Весьма обогатился в среднеанглийский период состав союзных наречий. Наряду с употреблявшимися в древнеанглийском *forthi*, *thauh* (др.-а. *þeah*), в среднеанглийском весьма распространены были *therefore*, *wherefore* 'поэтому', 'вследствие этого', *thus* 'итак', 'таким образом', *therto* 'к тому же', *withalle* 'к тому же', *es* 'к тому же', 'также', *moreover* 'более того', *notheles* 'тем не менее', *yet* 'все же', *also* 'к тому же' и некоторые другие.

Ввиду того что в среднеанглийский период происходит интенсивный процесс превращения многих наречий в союзные наречия,⁶ для среднеанглийского наибольшие трудности представляет разграничение этих двух разрядов наречий. В течение какого-то периода времени наречия, начиная оформлять связь между предложениями, продолжают выполнять в какой-то степени свою прежнюю функцию — функцию обстоятельства образа действия. В одних случаях она проявляется очень слабо и связь со сказуемым почти утеряна, в других — более интенсивно. Но в том и другом случае они находятся на пути превращения в союзное наречие, выполняющее в предложении функцию вводного члена.

На этом основании при отборе материала основным критерием мы считали способность того или иного наречия выполнять союзную функцию. Если наречие оформляет связь между предложениями, это значит, что оно уже перестало быть собственно наречием, что оно уже относится ко всему предложению, а не только к одному сказуемому, т. е. это означает, что оно находится на пути превращения в вводный член предложения:

þerfore I pray þat no man me blame (Trev., 13) 'Поэтому я прошу, чтобы никто меня не обвинил'.

Wherfore among oþere noble trauaillours of þe þre papes... (Trev., 7) 'Поэтому среди других благородных служителей этих трех путей...'

⁶ См.: Л. Н. Соловьева. Союзные наречия в английском языке XIII и XIV вв., стр. 43—55.

*þus*⁷ þo þencheþ þet heo willeþ bigeten and nawiht agefen... (The 12 and 13 Cent. Hom., 29) 'Таким образом, они полагают, что они будут получать и ничего не будут давать...' And *furþer more*, whan þat oure Lord had created Adam oure forme fater... (The Tale of Melib., 385) 'И более того, когда наш господин создал Адама, нашего прародителя...'

Neuertþeles more certeyn som is i-holde þanopir (Trev., 17) 'Тем не менее, одного держат более крепко, чем другого'.

Lo, *þauh*, hwil he meneþ ham bi Jeremie (Ancren Riwe, 196) 'О, все же, как они жалуются на Иеремию'.

... and *þerto* prestly I pray my pater and ave and crede (Sir Gawain, 240) '... и к тому же я читаю молитву отче наш, аве и верую'.

... disavauntage ys þat now children of gramer — scole conne þno more Frensch þan can here lift heele, and þat ys harm for ham, and a scholle passe þe se and travayle in strange lon-des, and in meny caas. Also gentilmen haveþ now moche i-left for to teche here children Frensche (Trev., VII, 161) '... неудобство заключается в том, что дети из грамматической школы могут говорить по-французски не больше, чем их левая пятка и это им очень повредит, если они пересекут море и будут путешествовать в чужих странах и во многих других случаях. К тому же, благородным людям следует еще многому научить своих детей по-французски'.

б) Кроме этих средств выражения вводного члена предложения в среднеанглийском в сферу средств его выражения вовлекается ряд наречий: *altherverst* 'прежде всего', *verst* (*erest*, *auerst*) 'во-первых', *secondly* 'во-вторых', *afterward* 'во-вторых', *nameliche* 'именно':

Verst ine þet hi wastep þane time (Inwyt, 52) 'Во-первых, так он теряет время'.

Secondly, I say, that all women ben wicke, and non good of hem all (The Tale of Melib., 382) 'Во-вторых, я говорю, что все женщины порочны и нет ни одной хорошей среди них'.

Однако в среднеанглийском в этом значении чаще употреблялось наречие *afterward* (или *etterward*):

Afterward þe enuious heþ þri maneres of uenim ine dede (Inwyt, 28) 'Во-вторых, у завистливых злоба проявляется в поступках тремя путями'.

... *ofer*, *nameliche*, gif I myghe gadre somewhat of ecrommes at falle of lordes bordes... (Trev., 15) '... или именно если я мог бы собирать крошки, которые падают с господского стола...'

7 Л. Н. Соловьева относит образование союзного наречия *thus* к XIV в. Однако этот и несколько других примеров свидетельствуют, что уже в XIII в. *thus* иногда употреблялось как союзное наречие в функции вводного члена предложения (Союзные наречия в английском языке XIII и XIV вв., стр. 43—55).

в) В отдельных случаях междометия, заключенные между другими словами предложения, также выступают в функции вводного члена предложения:

... and he uret him suluen, *weilawe!* ase þe uile... (Ancren Riwe, 184) '... и он изнашивается, увы! как напильник...'

Vor þere was werst Simond de Mountford a-slawe, alas, and sir Henri, is sone, þat so gentil knigt was... (R. of Gloucester, Chron., 19) Так как был сначала Симон де Монфор убит, увы, и сэр Генри, — его сын, который был благородным рыцарем...'

г) Все чаще в среднеанглийских памятниках встречаются вводные члены, выраженные словосочетаниями: an other wise 'с другой стороны', an other half 'с другой стороны', by my trowthe 'по правде', att oo word 'одним словом', with oute ony doute 'несомненно', to telle shortly (наряду с наречием shortly) 'короче говоря', at the last 'в конце концов' и др.:

... for, *by my trowthe*, Hit was gret wonder that Nature Might suffre any creature to have such sorwe... (The Book of the Duchess, 297) '... так как, по правде, удивительно, что природа заставляет живое существо так страдать...'

To telle shortly, att oo word, was never herd so swete a steven (The Book of the Duches, 86) 'Сказать короче, одним словом никогда еще не было более приятного голоса'.

An *oper half*, leorneþ her moniuolde urouren agan þe uttre vondunge (Ancren Riwe, 184) 'С другой стороны, изучите многочисленные средства против внешних соблазнов...'

And *sooth to seyn*, my chaumbre was ful wel depeynted (The Book of the Duchess, 86) 'По правде говоря, моя комната была очень хорошо описана'.

... but, *with oute ony doute*, he lyved a parfit lyf, and ded many miracles, thou thei be not wrytin in bokis (Capgrave, 60) '... но, несомненно, он жил праведной жизнью и совершил много чудес, хотя они не описаны в книгах'.

Таков состав слов и словосочетаний, употреблявшихся в функции вводного члена предложения в древне- и среднеанглийском языках.

Как показывает исследованный материал, с точки зрения путей возникновения у этих слов и словосочетаний функции вводного члена они распадаются на две категории.

К первой относятся такие, которые развились из других частей речи вследствие изменения их синтаксической функции. Это — модальные слова и союзные наречия, которые когда-то были наречиями и выполняли функцию обстоятельства образа действия.⁸

Вторую категорию составляют такие слова и словосочетания, которые вносятся в предложение извне в силу своего лексиче-

⁸ См.: Л. Н. Соловьева. Союзные наречия в английском языке XIII и XIV вв., стр. 43—55; Е. С. Смушкевич. Образование и развитие группы модальных слов, стр. 6—7.

ского значения с целью комментирования содержания или формы изложения. К их числу относятся междометия *alas, weilaweī*, наречия *first, altherfirst, secondly, nameliche* и др.⁹

Отношения, передаваемые вводным членом предложения в языке древне- и среднеанглийского периодов

Значения вводного члена предложения, зависящие от средств выражения, так же как и средства выражения изменялись на протяжении истории английского языка. Поэтому для каждого из периодов истории языка необходимо дать свое определение общего значения вводного члена на основании выявления его частных значений.

В древнеанглийском языке ярко проявляются два значения вводного члена: 1) выражение оценки достоверности сообщения и 2) выражение отношения содержания одного высказывания к содержанию другого.

Рассмотрим каждое из этих значений.

Все встретившиеся в древнеанглийских памятниках модальные слова, выражающие оценку достоверности сообщения, передают только один смысловой оттенок — уверенность в достоверности сообщения:

Wiotodlice, cwæþ Orosius, nu we sindon cumen to þæm godan tidum þeas Romane oþwitaþ... (Orosius, 182) 'Поистине, сказал Оросий, мы подошли теперь к тем добрым временам, из-за которых римляне над нами насмеваются'.

Eala soþlice se afealleþ se þe deofol weorþeþ (Blickl. Hom., 31) 'О, поистине, тот падает, кто поклоняется дьяволу'.

Cuplice þæt wuldor þysses middangeardes is sceort and gewitende... (Blickl. Hom., 65) 'Поистине слава мира коротка и преходяща...'

... and he swor þæt hi wæron *ge-wyslice* þær on æfen (Aelf's Liv. of S., 66) '... и он поклялся, что поистине они были там вечером'.

Основным средством выражения вводного члена предложения, передающего отношение содержания одного высказывания к содержанию другого высказывания, были союзные наречия, которые не только осуществляли связь между отдельными предложениями или частями предложения, но передавали и определенное субъективное представление о связи одного высказывания с другим.

Для древнеанглийского характерно выражение двух типов связей с помощью вводного члена предложения — следственной и противительной.

Следственная связь осуществлялась союзными наречиями *forþi* и *forþon* 'поэтому':

⁹ Оформившись как модальные слова и союзные наречия, слова первой категории приобретают признаки второй категории.

And ic þe *forþi* tihte, þæt þu þam godum ge-offrige æfter þinre gebyrde þæt hi þe blyþe beon (Aelf's Liv. of S., 98) 'Вследствие этого я тебя убеждаю, чтобы ты богам сделал подношение, соответствующее твоему положению, чтобы они были милостивы к тебе'.

... for þam gewinne þe he ær wiþ God wan and godes boca lare gelyfan nolde; *forþon*, men þa leofestan, us is mycel þearf to witenne... (Blickl. Hom., 63) '... поэтому побеждает тот, кто сначала с богом боролся и учение бога запрещал; этому, дорогие люди, нам необходимо знать...'.

Противительная связь передавалась такими союзными наречиями, как *þeah*, *swa- þeah*, *þeah-þe*, *þeah-hwæþere*:

... and willaþ þæt gewrecan gif we magon, *þeah* we beotiaþ to (Blickl. Hom., 33) '... и хотим мы разрушить это, если мы сможем, все же мы грозим сделать это'.

Policarpus sæde þis we for-seoþ on þam is soþfestnysse gelicnys, ac hit is leas *swaþeah* (Aelf's Liv. of S., 134) 'Полликарп отвечал: «Это мы презираем; в этом есть подобие правды, тем не менее, это фальшиво»'.

... *witodlice* se deofol wat towerde þing hwilon na symle þurh sume gebicnunge be þam þe he oft geseah *þeh* þe sylf leas sy (Aelf's Liv. of S., 166) '... поистине дьявол знает иногда, но не всегда, что произойдет в будущем по какому-то знаку, с помощью которого он часто видел, тем не менее, он сам был фальшив'.

В среднеанглийский период с увеличением средств выражения вводного члена предложения увеличивается и количество частных значений вводного члена.

Наиболее отчетливо выделяются в среднеанглийском языке следующие значения: 1) выражение оценки достоверности сообщения, 2) выражение усиления, 3) выражение эмоционального отношения к сообщаемому, 4) выражение отношения говорящего к форме изложения мысли, 5) выражение уточнения,¹⁰ 6) выражение отношения содержания одного высказывания к содержанию другого.

Первое из перечисленных значений передается модальными словами со значением утверждения:

Soþliche al swa eþa þu mihtest neoman þine agen werne and smiten of þin agen heaueþ... (The 12 and 13 Cent. Hom., 29) 'Поистине также легко ты можешь взять свое собственное оружие и снести свою собственную голову...'.

Sikerliche ure vo, þe weorþe of helle, he scheot, ase ich wene, mo swarreus to one ancre ... (Ancren Riwe, 62) 'Истинно наш

¹⁰ Это значение вводного члена было бы правильнее определить как «вводный член, указывающий на то, что следующая за ним часть предложения является уточнением предшествующей, но для краткости мы будем называть такой вводный член „вводным членом со значением уточнения“».

враг, посланец ада, направляет больше стрел на отшельницу, как я полагаю ...

... for *certes* every wight wold hold me than a foll (The Tale of Melib., 382) '... ибо, действительно каждый сочтет меня глупцом'.

В позднесреднеанглийском языке были весьма распространены вводные слова и словосочетания, основное назначение которых в предложении заключалось не в выражении отношения говорящего к высказыванию, а в придании этому высказыванию большей выразительности (экспрессивности).

Наиболее распространенным способом выражения этого значения были такие инфинитивные группы, как *soth to seyn*, *trewely to tellen* и некоторые предложно-именные сочетания, такие как *by my trowthe*:

But *trewely to tellen* atte at last He was in chirche a noble ecclesiast (Canter. Tales, 24) 'Но сказать правду, в конце концов, он был в церкви благородным священником'.

... for, *by my trowthe*, Hit was gret wonder that Nature Might suffre any creature to have such sorwe, and be not ded (The Book of the Duchess, 88). '... но, по правде, удивительно, что природа допускает, чтобы человек терпел такое горе и не умер'.

В исследованном материале единственным средством выражения вводного члена, передающего эмоциональное отношение автора к сообщению, являются междометия. Вводные междометия стоят обычно в середине предложения:

Vor þere was werst Simond de Mountfort a-slawe, *alas*, and sir Henri, is sone ... (Robert of Gloucester, Chron., 19) 'Тогда был сначала Симон де Монфор убит, увы, и сэр Генри, его сын ...'

Основным назначением вводных членов со значением уточнения является выделение той части предложения, которая содержит уточняющие сведения. Такую функцию в предложении обычно выполняет вводное наречие *nomeliche* 'именно' и некоторые инфинитивные группы:

... and ge schulen lihtlie iseon hu lutel hit reccheþ, *nomeliche*, gif ge þencheþ þet he was al loþleas ... (Ancræn Riwle, 188) '... и вы с легкостью увидите, как мало это значит, именно если вы подумаете, что он был совсем невиновен'.

... Ine þri þinges *nameliche* liþ þe zenne of zuychen volke (Inwyte, 55) 'Грех этих людей заключается именно в трех вещах'.

But for to tellen you of his arraie, his hors were goode ... (Canter. Tales, 5) 'Что касается его снаряжения, его лошади были хороши ...'

В отдельных случаях вводный член предложения содержит замечания относительно формы изложения высказываемой мысли:

Shortly, hyt was so ful of bestes ... (The Book of the Duchess, 87) 'Короче, оно было полно зверями ...'

To telle shortly, att oo word Was never herd so swete a steven (The Book of the Duchess, 86) 'Сказать короче, одним словом никогда не слыхали более приятного голоса'.

Союзные наречия, выступавшие в функции вводного члена предложения, в основном осуществляли следственную, присоединительную и противительную связи между предложениями.

Отношение следствия выражалось такими наречиями, как *forthi* 'поэтому', 'вследствие этого', *therefore* 'поэтому', 'вследствие этого', *wherefore* 'поэтому', 'вследствие этого', *theopne* 'следовательно', *thus* 'таким образом':

þer wes Walwain a-slæge... *þa* wes Arþur særi and sorhful an heorte *for-þi* (Layamon, 9) 'Был убит Валвайн... вследствие этого опечалился душой Артур'.

þerfore I pray *þat* no man me blame (Trev., 13) 'Поэтому я прошу, чтобы меня никто не обвинил'.

Wherefore for grettest nede as to you, most worthy, moost ryghtful and wysest lordes and conseille ... (Petition, 249) 'Поэтому из-за величайшей нужды к вам самые достойные, самые справедливые и мудрые лорды и советники ...'

Habbæþ þeonne muchel drede euerich feble mon and wummon... (Ancren Riwe, 54)... 'Следовательно, пусть каждый слабый мужчина и женщина боятся ...'

Союзное наречие *thus* 'таким образом', 'итак', выражая следственную связь, одновременно указывало, что мысль, высказанная в предложении, является некоторым обобщением предшествующих высказываний:

þus, ofte, as me seiþ, of lutel wacseþ muchel (Ancren Riwe, 54) 'Таким образом, часто, как мне кажется, из малого вырастает большое'.

þus hwa þencheþ þet heo wulleþ begiten: and nawiht agefen... (The 12 and 13 Cent. Hom., 29) 'Таким образом, кто думает, что он будет получать и ничего не будет давать ...'

К группе союзных наречий, выражавших присоединительный вид связи относятся: *therto* 'к тому же', 'вдобавок', *wit-halle* 'к тому же', *farthermore* (further more) 'кроме того', 'сверх того', also 'также', ес 'к тому же', 'также' *moreover* 'к тому же', 'более того'.

And *þe* kyng of Denemarch was a-slawe, and *þe* king also of Norweye, and of is oþer men mony a þousend *þerto* (Rof. Gloucester, Chron., 21) 'Король Дании был убит и король Норвегии и, кроме того, других людей многие тысячи'.

Forsothe he was a worthy man *wiþalle* (Canter. Tales, II) 'Действительно, он был к тому же очень достойным человеком'.

And *furþer more*, whan *þat* oure Lord had created Adam

oure forme faper, he sayd in this wise... (The Tale of Melib., 385) 'И более того, когда наш господь создал Адама, нашего прародителя, он сказал следующее...'

... he wes ipinet ermiliche to deþe and *ec* wes his sunne poþeſse to drihten (The 12 and 13 Cent. Hom., 17) '... он был безжалостно замучен до смерти и к тому же его грех был все-таки перед богом'.

Противительный вид связи осуществлялся союзными наречиями *poþeles* (*naþeles*, *neuerþeles*) 'тем не менее', 'однако', *yet* 'все же', *þauh* 'хотя', 'все же' и союзными словосочетаниями *an oþer wise* 'в противном случае', *an oþer half* 'с другой стороны', *for al þat* 'несмотря на это':

Neuerþeles more certeyn som is i-holde þan oþir (Trev. 17) 'Тем не менее, одного держат более крепко, чем другого'.

Lo, *þauh*, hwi he menep ham bi Jeremie (Ancrēn Riwe, 196) 'О, все же как они жалуются на Иеремию'.

An oþer wise, þenç yet þet hwoſe euer hermeþþe, oþer eni wo þeþ þe scheome, grome, oþer teone... (Ancrēn Riwe, 184) 'С другой стороны, подумайте все же, что если кто-нибудь сделает вам зло или навлечет на вас позор, зло или страдание'.

В этом предложении союзное словосочетание *an other wise* с противительным значением как бы усиливает противительное значение союзного наречия *yet*.

An oþer half, leorneþ her moniuolde urouren agan þe uttre vondunge... (Ancrēn Riwe, 184) 'С другой стороны, изучите многочисленные средства против внешних соблазнов...'

This man was good in governauns, and, aftir his name, trew in his dedis; but *for al þat*, was þere grete persecucion ageyn Cristen men in his tyme (Capgrave, 67 'Этот человек хорошо управлял и в соответствии со своим именем был справедлив в обоих поступках; но несмотря на это, в его время было большое гонение на христиан'.

Кроме указанных видов связей, передаваемых союзными наречиями как выражение отношения одного предложения к другому, следует рассматривать выражение порядковой последовательности мыслей, передаваемое наречиями *first*, *alþerfirst*, *for þe firste*, *secondly*, *at þe last*:

For þe first, foure manere witnesses we haueþ þat Paradys is in erþe (Trev., 67) 'Во-первых, четыре обстоятельства свидетельствуют, что рай находится на земле'.

Vor *atte laste*, hwon he is awend awel... (Ancrēn Riwe, 66) 'Так как, в конце концов, когда он уйдет...'

And *secondly* he þat is irous and wroþ, he may not wel deme (The Tale of Melib., 385) 'И, во-вторых, тот, кто зол и сердит, не может хорошо думать'.

Таковы основные значения вводного члена предложения в древне- и среднеанглийском языках. Как видно из исследован-

ного материала, в среднеанглийский период увеличивается сфера функционирования вводного члена предложения. Он выражает не только субъективную оценку и отношение одного высказывания к другому, но и различные характеристики формы изложения мысли.

О связи вводного члена с предложением

В работах последнего времени связь вводного члена с предложением получила название соотносительной.¹¹ Эта связь, не будучи закреплённой формальными средствами, может быть легко нарушена. На этом, по-видимому, основывается давно утвердившееся мнение, что удаление из предложения вводных слов и словосочетаний не наносит существенного ущерба предложению. Но на это можно возразить, что с такой же лёгкостью могут быть изъяты из предложения и другие члены, не связанные формальными средствами, например некоторые обстоятельства, определения и др. Но и в том и в другом случае это отразится только на одном — на полноте выражения мысли. Поэтому такое утверждение не представляется вполне убедительным.

Основным грамматическим признаком, на основании которого можно судить о связи вводного члена с предложением, является его место в составе предложения. В зависимости от этого можно установить, относится ли вводный член ко всему предложению или к одному из его членов, а в сложном предложении — ко всему предложению или к одной из его частей.

Вводный член в простом предложении древнеанглийского периода

Механическая постановка вводного члена перед другим каким-нибудь членом предложения не связывает вводный член с этим членом предложения. Стоит ли вводный член перед или после подлежащего, сказуемого или дополнения, это не нарушает его связи со всем предложением. Для того чтобы вводный член относился к одному члену предложения, последний должен быть синтаксически выделен.

Такие случаи в древнеанглийском очень редки. Нам встретились единичные примеры, судя по которым можно считать, что вводный член относится к одному члену предложения, занимая положение перед последними в цепи перечисляемых однородных членов.

Рассмотрим примеры, в которых вводный член занимает различное место в предложении и тем не менее относится ко всему предложению:

¹¹ А. Г. Руднев. Вводный член предложения и вводные предложения. ., стр. 137—178; В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иоффик. Современный английский язык, стр. 298.

Witodlice þære eadigan femnan eufrosinan ben wæs to gode dæges and nihtes (Aelf.'s Liv. of S., 348) 'Истинно эта святая женщина Ефросинья молилась богу днем и ночью...'

... and ic *soþlice* eom Eugenia gehaten (Aelf.'s Liv. of S., 38) '... поистине меня зовут Евгенией'.

... on neotscna wange biþ a wuldor mid Gode and mid eallum his gecorenum *soþlice* (Blickl. Hom., 155) '... и поистине в раю будет в славе с богом и с избранными его'.

He bæd *swa þeah* Julianum þæt he his ge-beot gelæste (Aelf.'s Liv. of S., 100) 'Тем не менее, он просил Юлиана выполнить свое обещание.

Gar eow nu *þeah* ealle ut þæt ic me ana gebidde (Aelf.'s Liv. of S., 180) 'Однако уходите все теперь отсюда, чтобы я мог помолиться в одиночестве'.

Во всех этих примерах вводный член занимает разные положения, однако его связь со всем предложением очевидна.

Даже в тех случаях, когда какой-нибудь член предложения занимает несколько необычное место, например в начале предложения, у нас нет достаточных оснований относить вводный член только к нему:

Soþlice fram Gode he is send and he is Godes þeowa (Blickl. Hom., 247) 'Поистине от бога он послан и он посланец божий'.

Только тогда, когда член предложения, которому предшествует или за которым следует вводный член, изолирован от других членов, можно считать, что вводный член непосредственно связан с этим членом предложения. Во встретившихся нам примерах это последний из однородных членов:

... and bæd þæt he moste beon heora broþor for gode and forgeaf summe ham to þære halgan stowe and mildelice spræc to eallum þam munecum swiþost *swa þeah* synderlice to maure... (Aelf.'s Liv. of S., 160) '... и просил быть им братом и отдал какой-то дом под жилье тому святому и приветливо разговаривал со всеми монахами и особенно сердечно, тем не менее, с Мавром...'

... and her syndan vican and vælcyrrian, and her syndan ryperas and reaferas and vorold struderas and þeofas and þeodscapan and vedlogan and værlogan, and *hrædest is to cveþenne* manna and misdæda underim ealra¹² (Sermo lupi ad anglos, 187) '... и там были колдуны и валькирии, и грабители и воры, и воры и преступники, и изменники и, тяжело сказать, бесконечное множество всяких злодеяний и преступлений'.

¹² Строго говоря, наличие связочного глагола *is* выводит *hrædest is to cveþenne* за пределы словосочетаний, однако в данном случае этот пример приводится для иллюстрации очень редкого явления в древнеанглийском языке.

Вводный член в сложноподчиненном предложении

В сложноподчиненном предложении вводный член может относиться ко всему предложению или к одной из его частей.

Наиболее распространены в древнеанглийских памятниках сложноподчиненные предложения, в которых вводный член стоит в начале предложения и по своему содержанию относится ко всему предложению:

Ond þa *witodlice* þa apostolas bæron Marian lichoman of þæt hie coman to þære byrgenne... (Blickl. Hom., 155) 'И поистине апостолы несли тело Марии, пока они не дошли до той горы'.

Eala *soþlice* se afealleþ se þe deofol weoþeþ (Blickl. Hom., 31) 'О, поистине погибает тот, кто поклоняется дьяволу'.

В том случае, если вводный член находится в придаточном предложении, следующем за главным, он относится к придаточному предложению:

Hl wunodon þa begen mid þæm biscope ofer gear and si þan gewendon to anre wid-gyllan byrig Antiochia geciged seo *soþlice* wæs mid cristendeme aýlled gefyra on ealddagum (Aelf.'s Liv. of S., 54) 'Они оставались вдвоем с этим епископом больше года и потом отправились в большой город, называемый Антиохия, который поистине давно был христианским в древние времена'.

... and he swor þæt hī wæron *ge-wyslice* þær on æfen (Aelf.'s Liv. of S., 66) '...и он поклялся, что они действительно были там вечером'.

Весьма редко в древнеанглийских памятниках встречаются сложноподчиненные предложения, в которых главное следует за придаточным, а вводный член находится как бы на стыке между главным и придаточным. По-видимому, в этом случае вводный член относится ко всему предложению, так как он подтверждает, что осуществление действия главного предложения зависит от действия придаточного.

Gif heo wære of godes gecynde genumen *witodlice* ne mihte heo singian (Aelf.'s Liv. of S., 16) 'Если была бы она от бога то поистине не могла бы грешить'.

Таким образом, наиболее распространенными были в древнеанглийском такие предложения, простые и сложноподчиненные, в которых вводный член связан по своему значению с содержанием всего предложения в целом.

Вводный член предложения в простом предложении среднеанглийского периода

В языке среднеанглийского периода в местоположении вводного члена наблюдаются те же закономерности, что и в древнеанглийском. Вводный член может занимать в предложении любое положение:

Warm melk sche putte *also þerto* with hony meynd... (J.

Gower, 319) 'Теплое молоко она налила, к тому же с медом...'

Hit is god, quop þe god þat grant mercy *þerfore* (Sir Gawain, 247) 'Это хорошо, — сказал добрый человек, — вследствие этого обещаю прощение'.

... swa beoþ ec þa sacfulle *soþliche* deofles bern (The 12 and 13 Cent. Hom., 113) '... поистине сварливые также являются детьми дьявола'.

... outrageous weping *certes* is defended (The Tale of Malib., 378) '... чрезмерный плач, конечно, воспрещается'.

Forsoþe it apperteineþ not to a wise man, to maken swiche a sorwe (The Tale of Melib., 378) 'Поистине не подобает умному человеку так печалиться'.

В этих примерах трудно усмотреть связь вводного члена с каким-нибудь определенным членом предложения, он содержит различного рода характеристику всего предложения в целом.

Даже в следующих предложениях, в которых вводный член безусловно выделяет тот член предложения, перед которым он стоит, по своим смысловым связям он соотносен со всем предложением и может быть с легкостью переставлен на любое место в предложении.

... he wes ipinet ermiliche to deþe and ec nes his sunne *noþe-lesse* to drihten (The 12 and 13 Cent. Hom., 17) '... он был безжалостно замучен до смерти и к тому же его грех не был, тем не менее, перед богом'.

Vorþi ase ich er seide, Dawid efneðe him *þerto* in ancre persone (Ancren Riwe, 126) 'Поэтому, как я уже сказал, Давид походил на нее, к тому же, характером затворника'.

'Tristrem, for þi sake *forsoþe* wived haþ he (Tristrem, 53) 'Тристан! для твоего блага поистине женился он'.

В этих предложениях член предложения, которому предшествует или за которым следует вводный член предложения, не обособлен синтаксически и поэтому не имеет специальной соотнесенности с вводным членом.

В тех немногих случаях, когда вводный член относится к одному члену предложения, последний синтаксически выделен:

... for trust wel, þat comunly þise conseilours been flatereres, *namely* þe conseilours of grete lordes... (The Tale of Melib., 511) '... так как, поверьте, что обычно советники — большие льстецы, именно советники богатых людей'.

В этом примере вводный член со значением уточнения относится к одному синтаксически выделенному члену предложения.

Вводный член в сложноподчиненном предложении среднеанглийского периода

Наиболее часто вводный член занимает положение в начале сложноподчиненного предложения и относится, по-видимому, ко всему предложению:

And *forsoþ* I couþe noght So strange inglis as þai wrought (R. M., 22) 'И поистине я не знал такого странного языка, на котором они говорили'.

Soþly, a man may change his purpos and his conseil, if þe cause caseþ, or whan a newe cas betideþ (The Tale of Melib., 390) 'Поистине человек может изменить свою цель и свое решение, если какая-нибудь причина заставляет его и появляются новые обстоятельства'.

Вводные слова, выражающие отношение одного высказывания к другому, также могут вводить целое сложноподчиненное предложение:

Also, gentilmen children beeþ y-taught to speke Freynsch fram tyme þat a beeþ y-rokked in here cradel... (Trev., 159). 'К тому же дети благородных родителей обучаются говорить по-французски с того возраста, когда их еще качают в колыбели'.

Иногда вводный член занимает положение между главным и придаточным предложениями, сохраняя при этом смысловую связь с обеими частями предложения:

Dame, þou hast wrong, for soþe, who it seige! (Tristrem, 53) 'Госпожа, тот поступает неправильно, поистине кто так говорит'.

Весьма часто непосредственно за вводным словом следует придаточное предложение:

Soþliche gif þu wreiest þe seolfen to þine scrifte, ne mei þe deofel þe wrienson þan oþre live (The 12 and 13 Cent. Hom., 29) 'Поистине, если ты признаешься во всем своему исповеднику, дьявол не сможет тебя обвинить в другой жизни'.

And *furþer more*, whan þat oure Lord had created Adam oure forme faþer he sayd in this wise... (The Tale of Melib., 385) 'И более того, когда господь наш создал Адама, прародителя нашего, он сказал следующее...'

Лишь в отдельных случаях можно усмотреть связь вводного члена только с одной частью сложноподчиненного предложения:

First, he þat asceþ conseil of himself, *certes* he must be wiþouten ire... (The Tale of Melib., 385) 'Во-первых, тот, кто испрашивает совета у самого себя, поистине должен быть без злобы...'

Только один из многочисленных типов вводного члена предложения по своему значению обязательно соотнесен с одной из частей сложного предложения — это вводный член со значением уточнения (*nomeliche*):

... and ge schulen lihtle iseon hu lutel hit recceþ, *nomeliche*, gif ge þencheþ þet he was al loþleas... (Ancren Riwe, 188) '... и вы с легкостью увидите, как мало это значит, именно если вы подумаете, что он был совсем невиновен...'

Таким образом, в среднеанглийском так же, как и в древнеанглийском, вводный член предложения чаще всего связан по значению со всем предложением.

Из исследованного материала можно сделать следующие краткие выводы:

1. В древнеанглийский период основными средствами выражения вводного члена являлись модальные слова и союзные наречия. Состав как первых, так и вторых был весьма ограничен.

2. В среднеанглийский период состав средств выражения вводного члена предложения значительно пополняется: появляются новые модальные слова и союзные наречия. Кроме того, многие наречия других разрядов, словосочетания и отдельные междометия вовлекаются в круг средств выражения вводного члена предложения.

3. При изменении синтаксической функции слов в предложении или при внесении слов в предложение для выражения различного типа характеристик содержания и формы высказывания эти последние выступают в функции вводного члена предложения.

4. Основным назначением вводного члена в предложении в древнеанглийском языке было выражение оценки достоверности сообщения и выражение отношения содержания одного высказывания к содержанию другого.

5. С увеличением состава слов и словосочетаний, употребляющихся в вводной функции, расширяется круг значений, передаваемых вводным членом предложения. В среднеанглийский период вводный член выражал: а) оценку достоверности сообщения, б) усиление, в) эмоциональное отношение к сообщаемому, г) отношение говорящего к форме изложения мысли, д) уточнение, е) отношение содержания одного высказывания к содержанию другого.

6. Как в древнеанглийском, так и в среднеанглийском вводный член в большинстве случаев связан по своему значению со всем предложением в целом как простым, так и сложноподчиненным. При этом он может занимать различное местоположение в предложении: в начале, конце или середине предложения.

7. Случаи, когда вводный член связан только с одним из членов предложения, встречаются как в древнеанглийском, так и в среднеанглийском очень редко. Для того чтобы вводный член относился только к одному из членов предложения, он должен быть синтаксически выделен. Во встретившихся нам примерах — это последний из однородных членов предложения.

8. Несколько чаще как в древнеанглийском, так и в среднеанглийском встречаются сложноподчиненные предложения, в которых вводный член входит в придаточное предложение, следующее за главным, и относится только к этому придаточному предложению.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Aelf's Sermons — Aus Aelfrics Sermones Catholici. Alt- und Angelsächsisches Lesebuch. Giessen, 1861.
- Aelf's Liv. of S. — Aelfric's Metrical Lives of Saints. Skeat, 1881—1900.
- Ancren Riwe — The Ancren Riwe. Ed. by James Morton. L., 1880.
- Blickl. Hom. — The Blickling Homilies of the 10-th Century. Ed. by R. Morris. L., 1873.
- Canter. Tales — Canterbury Tales. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Oxford, 1915.
- Capgrave — J. Capgrave. The Chronicle of England. L., 1838.
- Inwyt — Dan Michel's Apenbite of Inwyt. Ed. by R. Morris. L., 1864.
- J. Gower — J. Gower. A Handbook of Middle English, by F. Mossé. Baltimore, 1952.
- Tristrem — Sir Tristrem. Mittlenglische Sprach und Literaturproben. Berlin, 1927.
- Layamon — Layamon. Mittlenglische Sprach und Literaturproben. Berlin, 1927.
- R. M. — R. Mannyng. The Story of England, Mittlenglische Sprach und Literaturproben. Berlin, 1927.
- Marc. I. — Alt- und Angelsächsisches Lesebuch. Giessen, 1861.
- Orosius — King Aelfred's Orosius. Ed. by H. Sweet. L., 1883.
- Petition. The Mercers Petition to Parliament. L., 1386; Mittlenglische Sprach und Literaturproben. Berlin, 1927.
- R. of Gloucester, Chron. — R. of Gloucester. The Chronicle. Mittlenglische Sprach und Literaturproben. Berlin, 1927.
- Sir Gawain — Sir Gawain and the Green Knight. A Handbook of Middle English, by F. Mossé Baltimore, 1952.
- Sermo Lupi ad Anglos — Sermo Lupi ad Anglos. Alt- und Angelsächsisches Lesebuch. Giessen, 1861.
- Trev. — Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis; Together with the English Translation of John Trevisa and of an Unknown Writer of the 15 Century. L., 1865.
- The Book of the Duchess — The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Oxford, 1915.
- The Tale of Melib. — The Tale of Melibeus. The Complete Works of Geoffrey Chaucer. Oxford, 1915.
- The 12 and 13 Cent. Hom. — Old English Homilies of the 12 and 13 Centuries. Ed. R. Morris. L., 1868.
- The Owl and the N. — The Owl and the Nightingale. L., Oxf. Univ. Press, 1935. Ed. by J. H. G. Grattan a. G. H. H. Sykes.
-

О СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Г. Алексеева

Развитая система сложных предложений с последовательным подчинением имеется в английском языке уже на раннем этапе его развития, в языке древнеанглийского периода (VII—XI вв.). Однако вопрос о предложениях с последовательным подчинением в древнеанглийском не нашел отражения в специальных исследованиях. Основное внимание исследователей сложноподчиненного предложения в древнеанглийском было направлено на изучение различных типов двухчастных предложений.¹ В исследованиях по синтаксису сложного предложения встречаются лишь указания на существование предложений с последовательным подчинением в древнеанглийском языке.²

В научных грамматиках зарубежных авторов также имеются только упоминания о существовании предложений таких структур в современном английском языке.³

Характеристика структуры предложений с последовательным подчинением на материале новоанглийского языка раннего периода и современного английского содержится в статьях советских лингвистов Л. Л. Иофик⁴ и Б. А. Ильиша.⁵

¹ A. R. Benham. The Clause of Result in Old English Prose. *Anglia*, No 31, 1908; F. G. Mather. The Conditional Sentence in Anglo-Saxon. Munich, 1893 и др.

² G. Rübens. Parataxe und Hypotaxe in dem ältesten Teil der Sachsenchronik. Göttingen, 1915, SS. 49—51; H. Grossman. Das angelsächsische Relativ. Weimar, 1906, SS. 67—68, 79—86 и др.

³ H. R. Stokoe. The Understanding of Syntax. L., 1937, pp. 111—112; E. Mätzner. Englische Grammatik. III Teil, 2. Aufl., 1875, SS. 406—407 и др.

⁴ Л. Л. Иофик. Основные модели многочастных полипредикативных (сложных) предложений (на материале новоанглийского языка раннего периода). Вестник ЛГУ, 1962, № 14.

⁵ Б. А. Ильиш. Структура сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 226, 1962.

На материале русского языка наиболее подробное описание сложных предложений с последовательным подчинением дано в работах советских исследователей В. А. Шитова⁶ и И. А. Василенко.⁷

Целью настоящей работы является рассмотрение структурных моделей изучаемого типа предложения на материале языка древнеанглийского периода.

Многочастное предложение с последовательным подчинением в древнеанглийском языке представляет собой сложное и многогранное синтаксическое построение, характеризующееся многообразием присущих ему типов структуры. Основной единицей построения изучаемого предложения, как и двухчастного предложения, является предикативная единица. Например:

1. *Sume men wæron þe sægdon þæt hine wulfas abiton and fræton, þær he mid cyle and mid hungre on wudum dwolgende astifod læge* (Bl. Н. II, 193) 'Были некоторые люди, которые говорили, что волки рвали и терзали его, где он холодом и голодом терзаемый, заблудившись, в лесах лежал'.

Это предложение состоит из четырех предикативных единиц, из которых первая (или начальная) является только подчиняющей, четвертая (т. е. конечная) — только подчиненной, а вторая и третья (т. е. центральные), находясь в двусторонней синтаксической связи с другими предикативными единицами, являются одновременно и подчиняющими и подчиненными.

Формой организации предикативных единиц в изучаемом типе предложения является двухчастный комплекс. Под комплексом мы понимаем часть изучаемого сложного предложения, состоящую из подчиняющей и подчиненной ей предикативных единиц.

Предикативные единицы приведенного предложения образуют три комплекса. Первый комплекс состоит из подчиняющей первой и подчиненной второй предикативной единицы (атрибутивной),⁸ второй — из подчиняющей второй и подчиненной третьей предикативной единицы (объектной) и третий — из подчиняющей третьей и подчиненной четвертой предикативной единицы (места).

Количество комплексов в изучаемом предложении соответст-

⁶ В. А. Шитов. Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952; Его же. Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. Уч. зап. Вологод. пед. ин-та, т. XII, 1953.

⁷ И. А. Василенко. Сложное предложение в современном русском литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1958.

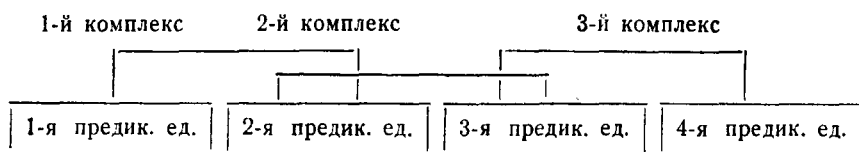
⁸ В настоящей работе мы пользуемся наиболее распространенной в советской англистике классификацией зависимых предикативных единиц, основанной на приравнивании зависимых предикативных единиц по выполняемым ими синтаксическим функциям к членам простого предложения.

вует количеству уровней⁹ или степеней¹⁰ подчинения предикативных единиц, традиционно различаемых в изучаемом типе предложения, и одновременно количеству зависимых предикативных единиц.

В зависимости от типа зависимой предикативной единицы комплекса мы различаем тринадцать типов комплексов: субъектные, сказуемые, объектные, атрибутивные и обстоятельственные комплексы места, времени, причины, следствия, цели, уступительные, условные, степени и сравнения и образа действия.

Предикативные единицы образуют предикативный состав изучаемого предложения, а комплексы — соответственно комплексный.

Графически предикативно-комплексную структуру приведенного предложения представляется возможным изобразить следующим образом:

Первый комплекс изучаемого типа предложения при дальнейшем изложении мы будем называть начальным, последний — конечным, а все остальные — центральными.

По присущей ему двухчастной структуре комплекс в известной мере уподобляется двухчастному предложению, но в отличие от него является не предложением, а лишь частью сложного предложения, не обладающей коммуникативной самостоятельностью.

Каждой предикативной единице двухчастного предложения свойственна односторонняя синтаксическая связь с другой предикативной единицей, поскольку эта последняя является или подчиняющей, или подчиненной. Особенностью комплекса в этом отношении в отличие от двухчастного предложения является двусторонняя синтаксическая связь одной (если комплекс является начальным или конечным) или даже обеих (если комплекс центральный) составляющих его предикативных единиц с другими предикативными единицами предложения.

Зависимая предикативная единица комплекса всегда выступает в синтаксической функции одного из членов подчиняющей предикативной единицы, причем тип подчиненной предикативной единицы в пределах комплекса, как и в двухчастных пред-

⁹ Л. Л. Иоффик. Основные модели многочастных полипредикативных (сложных) предложений ..., стр. 111.

¹⁰ Б. А. Ильиш. Структура сложноподчиненного предложения в современном английском языке, стр. 4.

ложениях,¹¹ определяется морфологической природой того члена подчиняющей предикативной единицы комплекса, с которым непосредственно связана подчиненная предикативная единица и который поэтому с полным правом может быть назван «центром связи».

Тип синтаксических отношений между предикативными единицами комплекса определяется характером синтаксических отношений между центром связи и подчиненной предикативной единицей комплекса. Многообразие структурных типов изучаемого предложения обусловлено морфологической природой, количеством и определенным порядком расположения находящихся в их составе центров связи.

В целях более полного и систематизированного изучения предложений с последовательным подчинением все многообразие структурных типов изучаемого предложения будет сведено к определенному количеству основных структурных моделей предложений, в пределах которых мы различаем варианты и разновидности предложений. Основой для выделения структурных моделей является признак чисто количественный, а именно количество составляющих изучаемое предложение комплексов. В зависимости от количества составляющих предложение комплексов мы различаем пять структурных моделей изучаемого типа предложения:

Модель I. Двухкомплексные (или трехчастные по числу составляющих предикативных единиц) предложения.

Модель II. Трехкомплексные (или четырехчастные) предложения.

Модель III. Четырехкомплексные (или пятичастные) предложения.

Модель IV. Пятикомплексные (или шестичастные) предложения.

Модель V. Шестикомплексные (или семичастные) предложения.

Теоретически возможное количество структурных моделей, доходящее до бесконечности, ограничено нормами языкового употребления изучаемого типа предложения: более чем шестикомплексные предложения нами в обследованных памятниках не засвидетельствованы.

В пределах выделенных структурных моделей предложений мы различаем варианты и разновидности предложений. Основой для выделения варианта предложения является тип первого комплекса. В соответствии с общим количеством типов комплексов в пределах каждой модели возможны 13 вариантов предложений. В зависимости от типа второго и последующих комплексов в пределах каждого варианта предложений мы выделяем разновидности предложений.

¹¹ Л. Л. Иофник. Основные модели многочастных полипредикативных (сложных) предложений..., стр. 105.

Примеры предложений 5 структурных моделей:

2. **Об. атр.**¹² ... and hi cwædon þæt ilce heora geforum gebo-
den wære. *þe* ær mid þam cyninge wæron (Chron., 85) '... и
они сказали, что то же самое было предложено их товарищам,
которые раньше были с королем'.

3. **Об. об. об.** Ac ic wolde *þæt* þu me sædest *hwæþer* þu
wistest *hwæt* þu self wære (Boeth., 12) 'Но я хотел, чтобы ты
мне сказал, знаешь ли ты, кто ты такой'.

4. **Об. об. вр. атр.** ... ic eow bidde and halsige *þæ* anra
manna gehwylc sceawige hine sylfne on his heortan, swigende
mode, *hwylc* se deadlica lichama biþ, *þonne* seo saul of biþ and seo
fægernes *þe* he her on worlde lufade swylc *þes* blowenda wudu
and *þas* blowendan wyrta (Bl. H., I, 57) '... я вас прошу и
предостерегаю, чтобы каждый из людей обозревал себя самого
в своем сердце в молчаливом настроении, каким будет смерт-
ное тело, когда из него уйдет душа и красота, которую он
здесь в мире любил, подобно цветущему дереву и цветущим
растениям'.

5. **Об. усл. об. след. об.** And we læraþ. *þ* man innan circan
ænigne man ne birige. *buton* man wite *þ* he on life Gode to
þam wel gecwemde. *þ* man þurh *þ* læte. *þ* he si *þes* legeres
wyrþe (Laws., 250) 'И мы требуем, чтобы внутри церкви
ни одного человека не хоронили, если не известно, что он в
жизни был таким желанным богу, что вследствие этого допу-
стимо, что он достоин этой могилы'.

6. **Об. атр. об. ст. вр. атр.** Ic wolde nu... *þæt* me *þa* gean-
dwyrdan. *þa* *þe* secgaþ *þæt* *þeos* world sy nu wyrse on *þysan*
Cristendome. *þonne* hio ær on *þæm* hæþenscipe wære. *þonne* hi
swylc geblot and swylc morþ donde wæron. *swylc* ic het ær be-
foran ræde... (Oros., 43) 'Я хотел бы теперь..., чтобы мне от-
ветили те, которые говорят, что мир сейчас хуже при христи-
анстве, чем он был раньше во времена язычества, когда они
производили такие отвратительные жертвоприношения и та-
кие убийства, о которых я только что говорил...'.

Структурные модели изучаемого предложения различаются
между собой по количеству представляющих их примеров и об-
наруживают в этом отношении определенную закономерность.
Чем больше комплексов включает модель, тем меньшим коли-
чеством примеров она представлена (т. е. наблюдается обратно-
пропорциональная зависимость между количеством составля-
ющих модели комплексов и количеством представляющих их при-
меров).

¹² В процессе изложения каждый пример снабжен указанием на тип
разновидности предложения, к которой он принадлежит. Условные сокраще-
ния: суб. — субъектный комплекс; сказ. — сказуемый; об. — объектный;
атр. — атрибутивный; м. — местный; вр. — временной; прич. — причинный;
след. — следственный; цел. — целевой; уст. — уступительный; усл. — услов-
ный; ст. — степени и сравнения; обр. — образа действия.

Так, на тысячу примеров при их сплошном отборе нам встретилось 763 предложения I модели (т. е. 76,3%), 185 предложений II модели (18,5%), 46 предложений III модели (4,6%), 5 предложений IV модели (0,5%) и 1 предложение V модели (0,1%).

Различаясь по частотности употребления предложений, структурные модели изучаемого типа предложения в то же время сходны между собой по употребительности отдельных типов комплексов и предложений некоторых вариантов. Первое по употребительности место в I, II и III структурных моделях¹³ принадлежит объектным комплексам, второе — атрибутивным и третье — временным (см. пр. 2,4). Эти 3 типа комплексов составляют больше половины общего количества комплексов указанных моделей (67,2% комплексов I модели, 62,7% комплексов II модели и 66,8% комплексов III модели).¹⁴

Точно так же первое по употребительности место в I, II и III структурных моделях принадлежит предложениям объектного варианта, второе — предложениям атрибутивного варианта (см. пр. 1, 2). Предложения этих двух вариантов также составляют больше половины общего количества предложений структурных моделей (53,7% предложений I модели, 60% предложений II модели и 76,1% предложений III модели).

В комплексах изучаемого типа предложения различаются, как и в двухчастных предложениях,¹⁵ два морфологических способа выражения центров связи — глагол в личной или неличной форме (инфинитива или причастия) и имя. Субъектным, сказуемым, объектным и различным типам обстоятельственных комплексов свойствен глагольный способ выражения центра связи, а атрибутивным — именной (см. пр. 5, 6).

Основным способом выражения синтаксической связи предикативных единиц всех комплексов является союзная связь. Бессоюзный способ связи встречается в объектных, атрибутивных и обстоятельственных (условных) комплексах и имеет весьма ограниченное применение (1,2% комплексов). Например:

7. **Об. прич.** ... *cwæp he guþcynig ofer swan rade secean wolde, mærne þeoden, þa him wæs manna þearf* (Beow., 47, 199) '... сказал, (что) он короля битвы через путь лебедей посетить хочет, славного вождя, потому что у него была нужда в людях' (см. также пр. 15).

Средствами союзной связи предикативных единиц комплексов изучаемого типа предложения являются союзы и союзные

¹³ Предложения IV и V моделей при сравнительной характеристике структурных моделей нами не учитываются ввиду их незначительного количества.

¹⁴ Статистические данные в настоящей статье приводятся на тысячу примеров сплошного отбора.

¹⁵ См.: Л. Л. Иофим. Основные модели многочастных полипредикативных (сложных) предложений..., стр. 106.

слова (т. е. указательные и вопросительные местоимения в функции относительных).

Отмечаемая В. Н. Ярцевой¹⁶ одна из характерных черт неразвитости системы подчинения в древнеанглийском языке — полисемия союзов — находит проявление в структуре изучаемого предложения. Отражением его являются два характерных явления по линии средств связи.

а) Сходство всех средств связи по форме в пределах одного предложения модели:

8. **Об. об. об.** þonne sægþ on þissum bocum þæt Drihten sylf owæde þæt þis mennissce cyn ne sceolde agimeleasian þæt hie sealdon heora wæstma fruman for Gode (Bl. H., I, 41) 'Затем сказано в этих книгах, что сам Господь сказал, что человеческий род не должен заботиться о том, чтобы давать свои первые плоды богу'.

б) Сходство всех средств связи по форме в пределах двух или нескольких разновидностей предложений:

9. **Цел. атр.** ... ac sprec us æfter urum andgyte, þæt we magon understandan þa þing þe þu specst (Coll., 32) '... но говори с нами в соответствии с нашим пониманием, чтобы мы могли понимать те вещи, о которых ты говоришь' (см. также пр. 2).

Нормой для всех типов зависимых предикативных единиц в изучаемом типе предложений является постпозиция по отношению к центру связи и соответственно к подчиняющей предикативной единице. Следовательно, нормой для предложений всех структурных моделей является начальное положение подчиняющей предикативной единицы начального комплекса и конечное положение зависимой предикативной единицы конечного комплекса.

Препозиция и интерпозиция зависимых предикативных единиц являются факультативными типами их расположения.

Препозиция по отношению к центру связи и соответственно к подчиняющей предикативной единице свойственна лишь обстоятельственным предикативным единицам (временным, условным, уступительным), характеризующимся менее тесной степенью связи с подчиняющей предикативной единицей.

В зависимости от того, в составе какого комплекса имеет место явление препозиции, различаются три структурных варианта препозиции.

Первый наблюдается в том случае, когда препозиция зависимой предикативной единицы по отношению к подчиняющей имеет место в начальном комплексе предложения. Например:

10. **Вр. атр. сказ. атр.** þa he þa ure Drihten his þæm halgum sægde þæt þæt heora gemet nære þæt hie þæt wiston hƿonne he þisse worlde ende gesettan wolde, þa cwæþ he to him

¹⁶ В. Н. Ярцева. Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940, стр. 10, 12.

... (Bl. H., I, 119) 'Когда наш Господь сказал своим святым, что им не надлежит знать, когда он установит конец этого мира, тогда сказал он им...'

Этот структурный вариант препозиции характеризуется включением предикативных единиц всех прочих комплексов предложения между предикативными единицами начального комплекса.

Второй структурный вариант препозиции наблюдается в том случае, когда препозиция зависимой предикативной единицы по отношению к подчиняющей имеет место в одном из центральных комплексов предложения. Например:

11. **Об. усл. атр. об.** Wite þu for soþ. *gif þ þine agne welan wæron þe þu mændest þ þu forlure. ne mihtest þu hi forleosan* (Boeth., 20) 'Знай воистину, (что) если бы твоими собственными были богатства, которые ты оплакиваешь, что потерял, ты бы не мог их потерять'.

Третий вариант препозиции встречается, когда явление препозиции наблюдается в конечном комплексе предложения.

12. **Об. вр.** Secgaþ eac þæm upahæfenum *þætte, þonne þonne hie hie selfe upahebbap, þæt hie (þonne) afeallaþ on þa biesene þæs aworpan engles* (Greg., 301, 16) 'Скажите также надменным, что когда они превозносят себя, они падают по примеру изгнанного ангела'.

Интерпозиция в изучаемом типе предложения наблюдается в объектных, атрибутивных и обстоятельственных (временных и условных) комплексах.

Те же три структурных варианта, которые были отмечены нами для препозиции зависимой предикативной единицы, возможны и при интерпозиции. Например:

13. **Атр. об.** Se *þe mæg understandan þæt ure Hælend Crist is on þære Godcundnysse ealswa eald swa his Fæder, he þancige þæs Gode, and blissige* (Hom., 65) 'Тот, кто может понять, что наш спаситель Христос в том божественном происхождении того же возраста, что и его отец, тот да возблагодарит за это бога и возрадуется'.

14. **Сказ. атр. атр.** Hit wæs geo geond ealle Romana mearce *þæt heretogan. and domeras, and þa maþmhyrdas þe þæt seoh heoldon. þe mon þam ferdmonnum on geare sellan sceolde. and þa wisestan witan hæfdon mæstne weorþscipe*¹⁷ (Boeth., 100) 'Случалось раньше на всех территориях римлян, что консулы и судьи, и казначеи, которые хранили те деньги, которые нужно было каждый год давать солдатам, и самые мудрые сенаторы пользовались наибольшим уважением' (см. также пр. 4).

Приведенные примеры показывают следующие особенности

¹⁷ Предикативную единицу, зависящую от центра связи представленного глаголом *beon* в значении 'случаться', 'происходить' в составе безличной подчиняющей предикативной единицы мы рассматриваем как зависимую предикативную единицу в функции предикативного члена.

препозиции и интерпозиции зависимой предикативной единицы в изучаемом типе предложения:

а) препозиция или интерпозиция зависимой предикативной единицы по отношению к подчиняющей всегда имеет место в составе лишь одного комплекса предложения;

б) подчиняющая предикативная единица комплекса, в составе которого имеет место препозиция или интерпозиция, всегда занимает в предложении конечное положение;

в) препозиция или интерпозиция зависимой предикативной единицы всегда сопровождается включением предикативных единиц последующих комплексов (если они имеются) между предикативными единицами того комплекса, в составе которого имеет место препозиция или интерпозиция.

Указанные особенности препозиции и интерпозиции в изучаемом типе предложения обусловлены спецификой последовательного подчинения как способа связи предикативных единиц.

Нормой в подчиняющей предикативной единице начального комплекса, как и в двухчастных предложениях,¹⁸ являются оба типа порядка слов — прямой и обратный, хотя частотно преобладающим является прямой порядок слов (68,2%).

Обратный порядок слов является нормой, как и в двухчастных предложениях,¹⁹ в подчиняющей предикативной единице начального комплекса тех предложений, в составе которых имеет место первый структурный вариант препозиции, если подчиняющая предикативная единица начального комплекса начинается с соотносительного слова (см. пр. 10).

Нормой для всех типов зависимых предикативных единиц комплексов изучаемого типа предложения, как и двухчастных предложений, является прямой порядок слов (95,6% зависимых предикативных единиц).

Обратный порядок слов встречается, как и в соответствующих двухчастных предложениях, в подчиненной предикативной единице условного комплекса, в составе которого имеет место бессоюзный способ связи.²⁰ Например:

15. Усл. атр. атр. *Næron swa manega martyras nære seo mycele ehtnyss þe se deofol asrytode ongean drihtnes halgan þurh his arleasan þenas. þe þone hæþen-scipe lufedon* (L. S., 258, 328) Не было бы так много мучеников, если бы не было большого преследования, которое вызвал дьявол против божьих святых через своих коварных слуг, которые любили язычество.

Во всех структурных моделях преобладают предложения с прямым порядком слов во всех составляющих их предикативных единицах (79,8%) (см. пр. 1, 3).

¹⁸ См.: Т. А. Снегирева. Порядок слов как средство связи между предложениями в древнеанглийский период. Автореф. канд. дисс. Л., стр. 15—16.

¹⁹ Там же, стр. 16—17.

²⁰ F. J. Mather. The Conditional Sentence in Anglo-Saxon, p. 75.

Элементы синтаксического состава комплекса (такие, как центры связи, зависимые предикативные единицы, средства связи) в комплексах и предложениях структурных моделей определенным образом соотносятся между собой по линии свойственных им формальных показателей.

Различаются три типа соотношения элементов синтаксического состава комплекса: сходство, различие и смешанный способ соотношения, при котором наряду со сходством одних обнаруживается различие других (или другого) элементов.

Рассмотрим, например, типы функционального соотношения зависимых предикативных единиц, т. е. типы соотношения таких единиц по линии выполняемых ими синтаксических функций.²¹

Сходство в области типов функционального соотношения зависимых предикативных единиц в пределах предложения и комплексов имеет место в примере 3, где все три зависимые предикативные единицы являются объектными. Различие синтаксических функций зависимых предикативных единиц в пределах предложения и комплексов наблюдается в примере 1, в котором зависимые предикативные единицы выполняют разные синтаксические функции.

Смешанный способ функционального соотношения зависимых предикативных единиц имеет место в примере 15, где наряду со сходством синтаксических функций зависимых предикативных единиц третьего комплекса (атрибутивных) обнаруживается различие синтаксических функций зависимых предикативных единиц второго комплекса. Некоторые типы соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов и предложений структурных моделей могут быть представлены табл. 1—6 (стр. 224—225).²²

Представленное в табл. 1—6 распределение типов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов и предложений структурных моделей обусловлено тремя факторами:

а) структурой комплекса или предложения; так, бипредикативная структура комплекса или бикомплексная структура предложений I модели обуславливают возможность в них лишь двух типов соотношения элементов — сходства и различия при любом количестве свойственных им формальных показателей (табл. 1—6);

²¹ Определение типов функционального соотношения зависимых предикативных единиц возможно во всех комплексах предложений, кроме начального, поскольку в его состав входит предикативная единица, не являющаяся зависимой.

²² В таблицах рассматриваются 994 предложения I, II и III моделей (и соответственно 2265 комплексов), содержащиеся в 1000 примерах сплошного отбора. 763 предложения I модели содержат 1526 комплексов, 185 предложений II модели — 555 и 46 предложений III модели — 184 комплекса.

Таблица 1

Функциональное соотношение зависимых предикативных единиц в комплексах предложений структурных моделей (в %)

№ модели	Сходство	Различие
I	8,6 (66)*	91,4 (697)
II	11,9 (44)	88,1 (326)
III	16,7 (23)	83,3 (115)

Примечание: В скобках в данной таблице и в табл. 3, 5 указано количество рассматриваемых комплексов.

Таблица 2

Функциональное соотношение зависимых предикативных единиц в предложениях структурных моделей (в %)

№ модели	Сходство	Различие	Смешанный способ соотношения
I	8,6 (66)	91,4 (697)	—
II	2,7 (5)	64,9 (120)	32,4 (60)
III	—	32,6 (15)	67,4 (31)

Примечание: В скобках в данной таблице и в табл. 4, 6 указано количество рассматриваемых предложений.

Таблица 3

Соотношение способов морфологического выражения центров связи в комплексах предложений структурных моделей²³ (в %)

№ модели	Сходство		Различие
	Глагол	Имя	
I	93,2 (369)	6,4 (27)	44,4 (339)
	55,6 (424)		
	100 (763)		
II	93,2 (233)	6,8 (17)	32,4 (120)
	67,6 (250)		
	100 (370)		
III	77,5 (77)	12,5 (11)	36,2 (50)
	63,8 (88)		
	100 (138)		

б) соотношением между структурой модели и количеством рассматриваемых формальных показателей элементов синтаксического состава комплекса; например, наличие лишь двух способов морфологического выражения центров связи исключает различие как тип соотношения способов морфологического вы-

²³ Определение соотношения способов морфологического выражения центров связи возможно во всех комплексах предложений, кроме конечного, поскольку в его составе выделим лишь один центр связи.

ражения центров связи более чем в двукомплексных предложениях, т. е. в предложениях II и III-моделей (табл. 4);

в) существующими в языке нормами употребления предложений изучаемого типа; так, отсутствие схождения в области типов функционального соотношения зависимых предикативных единиц и именного способа выражения центров связи в предложениях III модели обусловлено существующими в языке нормами употребления предложений этой модели (табл. 2 и 4).

Таблица 4

Соотношение способов морфологического выражения центров связи в предложениях структурных моделей (в %)

№ модели	Сходство		Различие	Смешанный способ соотношения
	Глагол	Имя		
I	93,6 (397)	6,4 (27)	44,4 (339)	—
	55,6 (424)			
	100 (763)			
II	97,7 (85)	2,3 (2)	—	53 (98)
	47 (87)			
	100 (185)			
III	100 (14)	—	—	69,6 (32)
	30,4 (14)			
	100 (46)			

Таблица 5

Соотношение средств союзной связи по форме в комплексах предложений структурных моделей²⁴ (в %)

№ модели	Сходство	Различие
I	9,9 (75)	90,1 (680)
II	15,9 (57)	84,1 (300)
III	18,8 (25)	81,2 (108)

Таблица 6

Соотношение средств союзной связи по форме в предложениях структурных моделей (в %)

№ модели	Сходство	Различие	Смешанный способ соотношения
I	9,9 (75)	90,1 (680)	—
II	3,9 (7)	57,5 (101)	38,6 (68)
III	—	23,8 (10)	76,2 (32)

²⁴ В табл. 5 и 6 не учитываются комплексы и предложения, в составе которых имеет место бессоюзный способ связи (в I модели содержится 8 комплексов и 8 предложений, обнаруживающих бессоюзный способ связи, во II — 13 комплексов и 9 предложений, в III — 5 комплексов и 4 предложения).

По представленным в табл. 1—6 типам соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов и предложений структурные модели изучаемого типа предложения обнаруживают ряд черт как сходства, так и различия:

а) во всех рассмотренных нами структурных моделях преобладает лишь один тип соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов — сходство (табл. 3) или различие (табл. 1, 5);

б) в пределах комплексов и предложений с одинаковым способом морфологического выражения центров связи во всех моделях частотно преобладающими являются комплексы и предложения с глагольным способом выражения центров связи. Предложения с одинаковым именным способом выражения центров связи в III модели отсутствуют (табл. 3, 4);

в) структурные модели изучаемого типа предложения различаются по распределению типов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах предложений. Например, в I и II структурных моделях преобладает различие как тип соотношения синтаксических функций зависимых предикативных единиц, средств союзной связи по форме, а в III модели частотно преобладающим является смешанный способ соотношения этих элементов синтаксического состава комплекса и т. д. (табл. 2, 6);

г) в области типов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах предложений структурные модели изучаемого типа предложения обнаруживают определенную закономерность. Чем больше комплексов включает модель, тем меньше для нее характерны однотипные способы соотношения — сходство и различие и тем большую распространенность приобретает смешанный способ соотношения. Это означает, что в области типов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах предложений структурные модели изучаемого типа предложения характеризуются обратно пропорциональной зависимостью между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе сходства и различия и прямо пропорциональной зависимостью между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе смешанного способа соотношения (табл. 2, 4, 6).

Такие же типы соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов и предложений обнаруживают структурные модели изучаемого типа предложения и в области синтаксических функций центров связи, соотношения союзов и союзных слов, соотношения средств союзной связи по форме в пределах двух или нескольких разновидностей предложений и т. д.

Выводы

1. Основным элементом синтаксической структуры изучаемого типа предложения, формой организации его предикативных единиц является двухчастный комплекс, основными элементами синтаксического состава которого являются центр связи, зависимая предикативная единица и средства связи.

2. По присущей ему двухчастной структуре, способам морфологического выражения центров связи, по типам порядка слов в составляющих его предикативных единицах и т. д. комплекс обнаруживает сходство с двухчастным предложением.

3. Обладая рядом черт сходства, например, в области употребительности определенных типов комплексов и предложений некоторых вариантов, в области типов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах комплексов и т. д. структурные модели изучаемого типа предложения в то же время различаются между собой по частотности употребления предложений, по типам соотношения основных элементов синтаксического состава комплекса в пределах предложений и т. д.

4. Типы соотношения элементов синтаксического состава комплекса в структурных моделях изучаемого типа предложения в некоторых случаях носят закономерный характер. Это проявляется, например, в виде обратно пропорциональной зависимости между количеством составляющих модели комплексов и частотностью употребления их предложений, а также распространенностью в их составе сходства и различия как способов соотношения элементов синтаксического состава комплекса в пределах предложений и в виде прямо пропорциональной зависимости между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе смешанного способа соотношения элементов синтаксического состава комплекса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Beow. — Beowulf. Ed. by W. J. Sedgefield. Manchester, 1910.
Bl. H., I, II — The Blickling Homilies of the Tenth Century. Ed. by R. Morris. L., EETS, pt. I, II.
Boeth. — King Alfred's Anglo-Saxon Version of Boethius de Consolatione Philosophiae. Ed. by S. Fox. L., 1901.
Chron. — The Anglo-Saxon Chronicle. Ed. by B. Thorpe. L., 1861, vol. I.
Coll. — Colloquium. Analecta Anglo-Saxonica. Ed. by B. Thorpe. L., 1868.
Hom. — Homilies of Ælfric. Analecta Anglo-Saxonica. Ed. by B. Thorpe. L., 1868.
Greg. — King Alfred's. West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. Ed. by H. Sweet. L., EETS, No 50, pt. II.
Laws. — Ancient Laws and Institutes of England. L., 1840, vol. II.
L. S. — Ælfric's Lives of Saints. L., EETS, pt. II.
Oros. — The Anglo-Saxon Version from the Historian Orosius. Ed. by Ælfred the Great. L., 1773.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Г. Алексеева

В настоящей статье будут рассмотрены структурные модели предложений с последовательным подчинением в древнеанглийском языке по линии присущих им особенностей внутренней предикативной структуры (соотносительности модально-временных планов). Мы покажем, каким образом данные явления внутренней предикативной структуры характеризуют структурные модели изучаемого типа предложения.

В данной статье мы исходим из принятого в языкознании понимания модальности как синтаксической категории предложения, выражающей отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего. Средством выражения реальной модальности¹ в изучаемом типе предложения является форма изъявительного наклонения, а средствами выражения нереальной модальности — формы повелительного и сослагательного наклонений.

Поскольку изучаемое предложение является сложным, то рассмотрение явлений его внутренней предикативной структуры должно начинаться с рассмотрения соответствующих явлений в пределах основных элементов его структуры — комплексов.

По присущей им внутренней предикативной структуре комплексы обнаруживают сходство с двухчастными предложениями, что проявляется в употреблении в составляющих их предикативных единицах форм наклонения и времени.

Как и в двухчастных предложениях² форма изъявительного наклонения является основной и частотно преобладающей в под-

¹ Термины заимствованы из статьи А. Б. Шапиро «Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке». Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1958 № 4, стр. 23—24.

² См.: M. Furkert. Der syntaktische Gebrauch des Verbums in dem angelsächsischen Gedichte vom heiligen Guthlac. Leipzig, 1889, S. 17; H. A. Reussner. Untersuchungen über die Syntax in dem angelsächsischen Gedichte vom heiligen Andreas. Halle, 1889, S. 14.

чинающей предикативной единице начального комплекса (90%)³ (см. пр. 3, 4, 6).

Наряду с нею для выражения побуждения к действию в подчиняющей предикативной единице начального комплекса употребляются также формы сослагательного и повелительного наклонений.⁴ Например:

1. **Атр. усл.**⁵ Ne gelyfe þæs nænig mon þæt him ne genihtsumige þæt fæsten to ecere hælo, *buton* he mid oþrum godum hit geece... (Bl. H., I, 37) 'Пусть не думает ни один человек, что этот пост приведет его к вечному спасению, если он к тому не добавит других добрых дел'.

2. **Вр. атр.**... forfoh þone frætgan. and fæste geheald. oþþæt he his siþfæt secge mid ryhte. ealne from orde. *hwæt* his æþelu syn (Jul., 259) 'Схвати надменного и крепко держи, пока он о своем путешествии правдиво не расскажет все с начала, каково его происхождение'.

Форма сослагательного наклонения, как и в соответствующих двучастных предложениях, употребляется:

а) в зависимых предикативных единицах объектных комплексов, если центр связи представлен одним из глаголов высказывания типа *cweþan*, *secgan*, *ascian*,⁶ одним из глаголов суждения типа *þyncan*, *wenan*, *gelyfan*⁷ и др. Например:

3. **Об. прич.** Sume men cweþæþ on Englisc þæt hit sie feaxede steorra. *forþæm* þær stent lang leoma of. hwilum on ane healf. hwilum on ælce healfе (Chron., 162) 'Некоторые люди говорят по-английски, что это длинноволосая звезда, потому что от нее сходит длинный луч, то с одной стороны, то с обеих сторон'.

4. **Об. атр.** þencst þu þæt ic nyte þone wol þinre gedrefednesse þe þu mid ymbfangen earþ (Boeth., 12) 'Разве ты думаешь, что я не знаю о горечи твоего бедствия, которым ты охвачен'.

б) в зависимых предикативных единицах целевых, уступительных, условных и временных комплексов⁸ и т. д.

³ Статистические данные в настоящей статье приводятся на тысячу примеров сплошного отбора.

⁴ F. J. Mather. The Conditional Sentence in Anglo-Saxon. Munich, 1893, p. 31; J. M. Burnham. Concessive Constructions in Old English Prose. Yale Studies in English, 1911, No 39, pp. 26—27.

⁵ В процессе изложения каждый пример снабжен указанием на тип разновидности предложения, к которой он принадлежит. Условные сокращения: об. — объектный комплекс; атр. — атрибутивный; вр. — временной; прич. — причинный; след. — следственный; цел. — целевой; усл. — условный.

⁶ См.: А. М. Мухин. К вопросу о значении и употреблении сослагательного наклонения в косвенной речи в древнеанглийском языке. Уч. зап. ЛГПИИЯ, вып. III, 1956, стр. 9—11, 19—20.

⁷ Там же, стр. 21—23.

⁸ D. Hertel. Der syntaktische Gebrauch des Verbums in dem angelsächsischen Gedichte «Christ». Leipzig—Reudnitz, 1891, SS. 20—23; M. Furtkert. Der syntaktische Gebrauch des Verbums in dem angelsächsischen Gedichte vom heiligen Guthlac, SS. 23, 25—27 ff.

5. **Цел. об.** Ac ic wolde get reccan sume gace þ̅ þu wisse *hwæt þu wundredest* (Boeth., 252) 'Но я хотел бы еще дать некоторые объяснения, чтобы ты знал то, чему ты удивлялся'.

Как и в двухчастных предложениях⁹ употребление формы настоящего или прошедшего времени в подчиняющей предикативной единице комплекса в большинстве случаев сопровождается употреблением соответствующей формы и в подчиненной предикативной единице (86,3% комплексов).

Рассмотрение внутренней предикативной структуры моделей изучаемого типа предложения предполагает две ступени анализа:

- а) модальных и временных планов комплексов и
- б) модальных и временных планов предложений.

Каждому комплексу и каждому предложению свойствен определенный модальный и временной план. Общий модальный или временной план комплекса или предложения представляет собой форму соотношения модальных или временных планов составляющих их предикативных единиц. Существование в древнеанглийском языке двух типов модальности и двух форм времени обуславливает возможность как в двухчастном комплексе, так и в многочастном предложении лишь двух типов их соотношения. Одним из них является сходство, проявляющееся в мономодальности¹⁰ или монотемпоральности комплекса или предложения.

Мономодальные предложения в плане реальной и нереальной модальности, состоящие из соответствующих комплексов, см. в примерах 6 и 1. Монотемпоральные, презентное и претеритное предложения, также состоящие из соответствующих комплексов, см. в примерах 1 и 7.

6. **Прич. атр.** We nallaþ swa wesan wise, *forþæm* he nys wis þe mid dydrunge hýne sylfne beswicþ (Coll., 33) 'Мы не хотим таким образом быть мудрыми, потому что тот не является мудрым, кто иллюзией себя самого обманывает'.

7. **След. след.** Hit begann þa on æfnunge. egeslice freosan. *þæt þæt is befencg þa foresædan martyras. swa þæt heora flæsc for þam forste tobærst* (L. S., 248, 153) 'Тогда начало вечером сильно морозить, так что лед окружил вышеназванных мучеников, так что их тела трескались от мороза'.

Другим типом соотношения модальных или временных планов предикативных единиц является бимодальность¹¹ или битемпоральность комплекса или предложения.

⁹ E. Nader. Tempus und Modus im Beowulf. Anglia, 1888, XI, S. 445; P. Th. Kühn. Die Syntax des Verbums in Alfric's Heiligenleben. Leipzig-Reudnitz, 1889, S. 31 и др.

¹⁰ Термины заимствованы из автореф. докт. дисс. Е. В. Гулыги «Сложно-подчиненное предложение (на материале современного немецкого языка)» (М., 1962, стр. 15).

¹¹ См. прим. 10.

Бимодальное предложение, состоящее из реально-нереального и нереально-реального комплексов см. в примере 4.

Битемпоральное предложение, состоящее из презентного и презентно-претеритного комплексов см. в следующем примере:

8. **Об. атр.** *þonne magon hi siþ leþelice ongietan þæt þæt is to lufianne þæt hi ær flugon* (Greg., 441, 14) 'Тогда они потом смогут легко понять, что следует любить то, чего они раньше избегали'.

Бимодальность или битемпоральность комплекса представляют собой различие модальных или временных планов составляющих его предикативных единиц, что обусловлено двухчастной структурой комплекса. Бимодальность или битемпоральность предложения являются смешанным способом соотношения модальных или временных планов предикативных единиц, поскольку в многочастном предложении наряду со сходством (или различием) модальных или временных планов одних предикативных единиц всегда обнаруживается различие (или сходство) модального или временного плана другой предикативной единицы.

Общий модально-временной план комплекса или предложения представляет собой форму соотношения модально-временных планов составляющих их предикативных единиц. В зависимости от типа модально-временного плана комплекса или предложения различаются мономодально-монотемпоральные, бимодально-битемпоральные, мономодально-битемпоральные и монотемпорально-бимодальные комплексы и предложения (см. табл. 5, 6).

Мономодально-монотемпоральные презентное и претеритное предложения в плане реальной модальности см. в примерах 6, 7, в плане нереальной модальности — в примере 1, мономодально-битемпоральное предложение в плане реальной модальности, состоящее из презентного и презентно-претеритного комплексов, см. в примере 8, монотемпорально-бимодальное презентное предложение, состоящее из реально-нереального и нереально-реального комплексов, см. в примере 4. Бимодально-битемпоральным является следующее предложение:

9. **Сказ. след. об. прич. об.** *Swa hit eaþe beon mæg þæt se halga heahengel of heofenum cumen wære, and wære gemyndig manna tyddernesse, þæt he hine geeaþmedde þæt he hie mid his sylfes handum gesette and geworhte, to þæm þæt he wolde þæt þær mihten deaþlice men gýrnan þara uplica burhwara and þæs ecean geferscipes* (Bl. H., II, 197) 'Вполне может быть, что святой архангел сошел с небес и вспомнил о слабости людей, так что он снизошел до того, что ее (церковь) своими собственными руками основал и создал потому, что он хотел, чтобы там смертные могли стремиться к высокому гражданству и вечному братству'.

Первый комплекс приведенного предложения является пре-

зентно-претеритным реально-нереальным, а все остальные претеритными. При этом третий и пятый комплексы — мономодальные (в плане реальной и нереальной модальности), а второй и четвертый — бимодальные (нереально-реальный и реально-нереальный).

Мономодально-монотемпоральные предложения состоят из мономодально-монотемпоральных комплексов. В состав же предложений с модально-временными планами других типов могут входить как мономодальные (или монотемпоральные), так и бимодальные (или битемпоральные) комплексы.

Соотношение модальных, временных и модально-временных планов комплексов и предложений структурных моделей изучаемого типа предложения может быть представлено следующими таблицами.¹²

Из табл. 1—6 видно, что в области соотношения модальных, временных и модально-временных планов комплексов и предложений структурные модели изучаемого типа предложения обнаруживают ряд черт как сходства, так и различия.

Таблица 1

Соотношение модальных планов комплексов в предложениях структурных моделей (в %)

№ модели	Мономодальные комплексы		Бимодальные комплексы	
	в плане реальной модальности	в плане нереальной модальности	реально-нереальные	нереально-реальные
I	85,7 (888) *	14,3 (148)	61,6 (302)	38,4 (188)
	67,9 (1036)		32,1 (490)	
	100 (1526)			
II	77,6 (249)	22,4 (72)	56,4 (132)	43,6 (102)
	(57,8 (321))		42,2 (234)	
	100 (555)			
III	84,7 (94)	15,3 (17)	57,5 (42)	42,5 (31)
	60,3 (111)		39,7 (73)	
	100 (184)			

Примечание: В данной таблице и табл. 3, 5 в скобках указывается количественный состав комплексов.

¹² В таблицах рассматриваются 994 предложения I, II и III моделей (и соответственно 2265 комплексов), содержащиеся в 1000 примерах сплошного отбора. 763 предложения I модели содержат 1526 комплексов, 185 предложений II модели — 555 и 46 предложений III модели — 184 комплекса.

Таблица 2

Соотношение модальных планов предложений структурных моделей (в %)

№ модели	Мономодальные предложения		Бимодальные предложения
	в плане реальной модальности	в плане нереальной модальности	
I	95,4 (396)	4,6 (19)	45,6 (348)
	54,4 (415)		
	100 (763)		
II	90,9 (40)	9,1 (4)	76,2 (141)
	23,8 (44)		
	100 (185)		
III	100 (6)	—	86,9 (40)
	13,1 (6)		
	100 (46)		

Примечание: В скобках в данной таблице и в табл. 4, 6 указывается количество рассматриваемых предложений.

Таблица 3

Соотношение временных планов комплексов в предложениях структурных моделей (в %) ¹³

№ модели	Монотемпоральные комплексы		Битемпоральные комплексы	
	презентные	претеритные	презентно-претеритные	претеритно-презентные
I	46 (581)	54 (683)	71,2 (148)	28,8 (60)
	85,9 (1264)		14,1 (208)	
	100 (1472)			
II	47,7 (218)	52,3 (239)	70,1 (61)	29,9 (26)
	84 (457)		16 (87)	
	100 (544)			
III	33,3 (52)	66,7 (104)	72 (18)	28 (7)
	86,2 (156)		13,8 (25)	
	100 (181)			

¹³ В настоящих таблицах не учитываются комплексы и предложения, содержащие в своем составе глагол в форме повелительного наклонения, количество которых для I модели равно 54, для II — 11 и для III — 3.

Соотношение временных планов предложений структурных моделей (в %)

№ модели	Монотемпоральные предложения		Битемпоральные предложения
	в плане настоящего времени	в плане прошедшего времени	
I	39,1 (217)	60,9 (33%)	21,7 (154)
	78,3 (555)		
	100 (709)		
II	43,1 (47)	56,9 (62)	37,3 (65)
	62,7 (109)		
	100 (174)		
III	31,6 (6)	68,4 (13)	55,8 (24)
	44,2 (19)		
	100 (43)		

1. Во всех рассмотренных структурных моделях мономодальные комплексы преобладают над бимодальными (табл. 1), а монотемпоральные — над битемпоральными (табл. 3).

2. Среди бимодальных во всех моделях частотно преобладающими являются реально-нереальные комплексы (табл. 1), среди битемпоральных — презентно-претеритные (табл. 3), среди мономодально-битемпоральных — презентно-претеритные комплексы в плане реальной модальности, в пределах монотемпорально-бимодальных презентных и претеритных комплексов — реально-нереальные, а среди бимодально-битемпоральных реально-нереальных — презентно-претеритные комплексы (табл. 5).

3. Первое по употребительности место во всех структурных моделях принадлежит мономодально-монотемпоральным комплексам, второе — монотемпорально-бимодальным, третье — мономодально-битемпоральным комплексам и четвертое — бимодально-битемпоральным комплексам.

4. В пределах мономодальных комплексов и предложений во всех моделях преобладают комплексы и предложения в плане реальной модальности (см. табл. 1, 2), в пределах монотемпоральных — претеритные комплексы и предложения (см. табл. 3, 4), среди мономодально-монотемпоральных — претеритные комплексы и предложения в плане реальной модальности (см. табл. 5, 6).

Соотношение модально-временных планов комплексов в структурных моделях (в %)

№ модели	Мономодально-монотемпоральные комплексы				Бимодально-битемпоральные комплексы				Мономодально-битемпоральные комплексы				Монотемпорально-бимодальные комплексы			
	в плане реальной модальности		в плане нереальной модальности		реально-нереальные		нереально-реальные		в плане реальной модальности		в плане нереальной модальности		презентные		претеритные	
	презентные	претеритные	презентные	претеритные	презентно-претеритные	претеритно-презентные	презентно-претеритные	претеритно-презентные	презентно-претеритные	претеритно-презентные	презентно-претеритные	претеритно-презентные	реально-нереальные	нереально-реальные	реально-нереальные	нереально-реальные
I	20,31 (299)	27,75 (438)	4,69 (69)	2,38 (35)	0,82 (12)	0,75 (11)	2,58 (38)	0,75 (11)	7,34 (108)	2,51 (37)	0,34 (5)	0,34 (5)	10,12 (149)	5,03 (74)	8,29 (122)	4 (59)
	50,06 (737)		7,07 (104)		1,57 (23)		3,33 (49)		9,85 (145)		0,68 (10)		15,15 (223)		12,29 (181)	
	57,13 (841)				4,9 (72)				10,53 (155)				27,44 (404)			
	100 (1472)															
II	15,81 (86)	21,87 (119)	5,33 (29)	5,69 (31)	2,57 (14)	1,1 (6)	1,66 (9)	0,99 (5)	5,88 (32)	2,76 (15)	0,74 (4)	0,56 (3)	11,22 (61)	6,9 (38)	10,11 (55)	6,81 (37)
	37,68 (205)		11,02 (60)		3,67 (20)		2,65 (14)		8,64 (47)		1,3 (7)		18,12 (99)		16,92 (92)	
	48,7 (265)				6,32 (34)				9,94 (54)				35,04 (191)			
	100 (544)															
III	12,7 (23)	25,97 (47)	2,21 (4)	6,08 (11)	4,42 (8)	1,66 (3)	1,11 (2)	1,66 (3)	6,08 (11)	4,97 (9)	0,55 (1)	0,55 (1)	8,29 (15)	5,53 (10)	10,49 (19)	7,73 (14)
	38,67 (70)		8,29 (15)		6,08 (11)		2,77 (5)		11,05 (20)		1,1 (2)		13,82 (25)		18,22 (33)	
	46,96 (85)				8,85 (16)				12,15 (22)				32,04 (58)			
	100 (181)															

5. Во всех структурных моделях отсутствуют мономодально-битемпоральные предложения в плане нереальной модальности (см. табл. 6).

6. Структурные модели изучаемого типа предложения различаются между собой по распределению типов соотношения модальных и временных планов предложений. Так, мономодальные предложения являются частотно преобладающими лишь в I модели, а бимодальные — во II и III моделях (см. табл. 2). Монотемпоральные предложения преобладают в I и II моделях, а битемпоральные — лишь в III модели (см. табл. 4).

7. В области соотношения модальных, временных и модально-временных планов предложений и комплексов структурные модели изучаемого типа предложения обнаруживают определенную закономерность. Чем больше комплексов включает модель, тем меньше для нее характерны мономодальные и монотемпоральные предложения и мономодально-монотемпоральные предложения и комплексы и тем большую распространенность приобретают бимодальные и битемпоральные предложения и бимодально-битемпоральные предложения и комплексы (табл. 2, 4—6). Это означает, что структурные модели изучаемого типа предложения характеризуются обратно пропорциональной зависимостью между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе мономодальных и монотемпоральных предложений и мономодально-монотемпоральных предложений и комплексов и прямо пропорциональной зависимостью между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе бимодальных и битемпоральных предложений и бимодально-битемпоральных предложений и комплексов.

Выводы

1. По употреблению форм времени и наклонения основные элементы структуры изучаемого типа предложения — комплексы обнаруживают сходство с двухчастными предложениями.

2. Общий модальный или временной план комплекса или предложения представляет собой форму соотношения модальных или временных планов составляющих их предикативных единиц и проявляется, с одной стороны, в мономодальности или монотемпоральности комплекса или предложения, а с другой — в их бимодальности или битемпоральности. Общий модально-временной план комплекса или предложения является формой соотношения модально-временных планов составляющих их предикативных единиц.

3. Структурные модели изучаемого типа предложения сходны, например, по преобладанию в них мономодальных комплексов и предложений в плане реальной модальности по сравнению с соответствующими комплексами и предло-

жениями в плане нереальной модальности, монотемпоральных претеритных комплексов и предложений по сравнению с презентными, по преобладанию среди мономодально-монотемпоральных—претеритных комплексов и предложений в плане реальной модальности, и в то же время они различаются между собой по распределению типов соотношения модальных и временных планов предложений и т. д.

4. В области соотношения модальных, временных и модально-временных планов предложений и комплексов структурные модели изучаемого типа предложения характеризуются обратно и прямо пропорциональной зависимостью между количеством составляющих модели комплексов и распространенностью в их составе, с одной стороны, мономодальных и монотемпоральных предложений и мономодально-монотемпоральных предложений и комплексов, а с другой—бимодальных и битемпоральных предложений и бимодально-битемпоральных предложений и комплексов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Bl. H., I—II — The Blickling Homilies of the Tenth Century. Ed. by R. Morris. L., EETS, pt. I, II.
Boeth. — King Alfred's Anglo-Saxon Version of Boethius de Consolatione Philosophiae. Ed. by S. Fox. L., 1901.
Chron. — The Anglo-Saxon Chronicle. Ed. by B. Thorpe. L., 1861, vol. I.
Coll. — Colloquium. Analecta Anglo-Saxonica. Ed. by B. Thorpe. L., 1868.
Greg. — King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. Ed. by H. Sweet. L., EETS, No 50, pt. II.
Jul. — The Legend of St. Juliana. Codex Exoniensis. Ed. by B. Thorpe. L., 1842.
L. S., — Ælfric's Lives of Saints. L., EETS, pt. I.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Современный язык

<i>И. П. Иванова.</i> О принципах анализа сложного слова в современном английском языке	9
<i>Л. Н. Соловьева.</i> Некоторые лексические диалектизмы в языке Т. Харди	9
<i>Л. П. Ступин.</i> О добавочной семантико-функциональной характеристике слова в толковом словаре	16
<i>А. Г. Шапиро.</i> О структурных особенностях словосочетаний типа «прилагательное+инфинитив»	28
<i>Б. И. Грудинко.</i> К вопросу о связи компонентов в структуре словосочетания (на материале образований типа woman doctor в современном английском языке)	44
<i>Е. А. Зверева.</i> Вторичная функция модальных глаголов в современном английском языке	61
<i>Л. П. Чахоян.</i> О некоторых структурно-семантических типах предложения с обобщающими членами	72
<i>В. В. Бурлакова.</i> Статистическая характеристика придаточных предложений подлежащее и предикативный член в современном английском языке	79
<i>В. В. Менькова.</i> Об одной разновидности односоставных предложений в современном английском языке	91

Исторические исследования

<i>Н. Н. Амосова.</i> О диахроническом анализе фразеологических единиц	101
<i>С. С. Линский.</i> Некоторые особенности лексикографических трудов в Англии XVI в. и роль Т. Элиота в истории английской лексикографии	107
<i>Т. М. Беляева.</i> Глагольное словообразование в древнеанглийском языке	121
<i>Р. И. Гусейнов.</i> К вопросу об истории возникновения претеритальных форм типа to send—sent, to feel—felt в английском языке	134

<i>Е. В. Трофимова.</i> О формировании частиц как новой части речи . . .	146
<i>О. Д. Попова.</i> Возвратная конструкция в среднеанглийском . . .	162
<i>О. Д. Попова.</i> К истории английских возвратных и усилительных местоимений	179
<i>С. П. Балашова.</i> Вводный член предложения в языке древне- и среднеанглийского периодов	194
<i>Г. Г. Алексеева.</i> О структуре сложных предложений с последовательным подчинением в древнеанглийском языке	214
<i>Г. Г. Алексеева.</i> Особенности внутренней предикативной структуры сложных предложений с последовательным подчинением в древнеанглийском языке	228
